

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Куйбышевского государственного педагогического института
имени В.В.Куйбышева.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРОПЫ:
Межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышевск. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева.
Куйбышев, 1989. 168 с.

Сборник подготовлен коллективом авторов, преподавателей
педагогических и университетов Куйбышева, Горького, Орска, Льво-
ва, Магнитогорска, Череповца и Дзямбула, к предстоящему в 1989 г.
200-летию юбилей Великой французской революции. Основной замы-
сел - показать огромное значение революционных событий для евро-
пейского литературного процесса с конца XVIII до XX вв. - реализу-
ется через анализ конкретных явлений литературы Франции, Герма-
нии, Англии и России. Сборник вводит в научный обиход нашей
страны несправедливо забытые имена крупных писателей и публи-
цистов - борцов за идеи Французской революции. Новые, впервые
публикуемые здесь материалы освещают идеологическую борьбу в
литературе и публицистике революционных лет, содержат неизвест-
ные аспекты творчества величайших писателей XVIII - XX вв., от-
крывая новые направления в исследовании их деятельности.

Редакционная коллегия: доктор филологических наук Е.И. Волгина
(отв. ред.), кандидат филологических наук Т.Н. Андрюшкина (зам.
отв. ред.), кандидат филологических наук Д.Р. Вдовиченко, аспирант
А.Е. Анисимова.

Рецензенты: кандидат филологических наук доцент Г.В. Стадников
(Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Гер-
цена); кандидат филологических наук доцент Н.Т. Рымарь (Куйбышев-
ский государственный университет); кандидат педагогических наук
доцент Т.А. Якадина (Куйбышевский государственный педагогический
институт им. В.В. Куйбышева).

©

Куйбышевский государственный
педагогический институт
им. В.В. Куйбышева, 1989.

Веб-публикация в библиотеке Vive Liberta:

[http://vive-liberta.narod.ru/
biblio/biblio_1.htm](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm)

От редколлегии

14-го июля 1989 г. все человечество отмечает знаменательную
дату - 200-летие штурма Бастилии, возвестившего начало Великой
французской революции 1789-1794 гг. - первой в истории буржуаз-
ной революции, которая довела борьбу против феодализма до кон-
ца, т.е. до полного разрушения всех его основ и всех застойных
явлений в экономической, социальной и политической жизни, тормо-
зивших общественный прогресс. Великая французская революция
ликвидировала феодальные производственные отношения и заменила
их капиталистическими, уничтожила сословные привилегии дворянст-
ва и духовенства, расшатала основы религиозного мировоззрения,
провозгласила свободу совести и дала права гражданства гласно-
сти, без которой немислимо развитие здоровых общественных отноше-
ний.

"Она недаром называется Великой,- сказал В.И. Ленин в речи
на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию 19 мая
1919 г., подчеркивая всемирно-историческое значение Французской
революции. - Весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и
культуру всему человечеству, прошел под знаком французской ре-

С о д е р ж а н и е		Стр.
Т редколлеги		3
ементьев Э. Г. (Череповец). Проблемы изуче- литературы эпохи Великой французской революции		5
кушева Г. В. (Москва). "Энциклопедия" Дидро ламбера в литературной борьбе Франции конца XVIII века		25
довиченко Л. Р. (Тольятти). Трактат Адоль- фитте "Об искусстве обхождения с людьми" как выражение ветительских идеалов периода подготовки Великой фран- цузской революции		43
рофеева Н. Е. (Орск). Р.Б.Шеридан и идеи французской революции (На материале русской литературной истики)		52
ибинзон Э. Е. (Горький). Трагизм революции лер и Французская революция)		61
олгина Е. И. (Куйбышев). Идеологическая ба в немецкой публицистике периода Великой француз- ской революции		72
нисимова А. Н. (Куйбышев). Влияние Вели- французской революции на творчество Х.Ф.Шубарта		90
учумова Г. В. (Куйбышев). Тема Великой фран- цузской революции в публицистике К.М.Виланда		98
ндреюшкина Т. Н. (Куйбышев). Отражение тий Великой французской революции в творчестве Л.Тика		105
ищенко А. Л. (Горький). Генрих Гейне и Великая французская революция		112
ванадворова Т. Л. (Магнитогорск). Жан-Жак Россет в "Драмах революции" Ромена Роллана		124
Двенгрош Г. Г. (Львов). Р.Роллан - интерпретатор и поэт Великой французской революции (Драма "Волки": эстетическая и идейно-нравственная проблематика)		133
Девяцкий И. И. (Джамбул). Тема Великой фран- цузской революции в творчестве Томаса Манна		156

волюции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии" (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.38. С.367).

Буржуазная по задачам и руководимая буржуазией Французская революция была произведена и одержала победу благодаря усилиям и героизму трудового народа. "... Начиная с Бастилии, плебеи должны были выполнять... всю работу, - писал Энгельс в письме к К. Каутскому от 20 февраля 1889 г., - ...без его вмешательства 14 июля, 5-6 октября, 10 августа, 2 сентября, и т.д. феодальный режим неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и... таким образом, только эти плебеи и совершили революцию" (Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М.: Госполитиздат, 1948. С. 48). О решающей роли борьбы трудящегося народа за социальные завоевания на протяжении всей истории человечества, в том числе и в период Великой французской революции, сказал член Политбюро ЦК КПСС Ролан Деруа на встрече М.С.Горбачева с представителями Французской общественности, на которой Генеральный секретарь ЦК КПСС отметил неразрывную связь этой борьбы с достижениями советского народа: "Если искать корни нашей перестройки, то можно пойти и до Французской революции, а потом до Коммуны" (Правда. 1987. 1 окт.).

Великая французская революция дала мощный стимул для развития европейской литературы и определила ее характер. В настоящем межузовском сборнике научных трудов, подготовленном коллективом авторов - преподавателей пединститутов и университетов, поставлена задача показать роль революционных событий во Франции в литературном процессе европейских стран с конца XVIII до XX вв. Этот замисел осуществляется посредством анализа конкретных явлений литературной жизни отдельных стран. Авторы статей рецензируемого сборника вводят в научный обиход нашей страны несправедливо забытые имена крупных писателей и публицистов - непосредственных участников борьбы за идеи Французской революции (А.фон Книгге, Х.Ф.Д.Шубарт), новые материалы, освещающие идеологическую борьбу в литературе и публицистике революционных лет и некоторые аспекты творчества величайших писателей XVIII-XX вв. (Ф.Шиллер, Л.Тик, Г.Гейне, Р.Роллан, Т.Манн), которые оказались почти не затронутыми нашими литературоведением, открывая таким образом новые направления в исследовании деятельности этих писателей.

Э. Г. Д е м е н т ь е в (Череповец)

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая французская революция создала грандиозное ораторское искусство, богатейший театр, мощную патристическую поэзию, обширную и разнообразную художественную прозу, интересные, глубоко проблемную литературную критику. Тем не менее литература 1783-1789 гг. изучена далеко не достаточно, хотя ей уже посвящено много научных исследований.

Литература Великой французской революции многие годы находилась под запретом. Ее все великим пытались уничтожить "эмигранты 1789 года". Ненавидя освободительное движение, они говорили о "литературном бесплодии революции". Легенда эта оказалась очень живучей, и в то или иное более или менее благопристойное виде она существует до сих пор. И сейчас осуждают революционное искусство за "обличение шедевров". Пробиваясь через ужасы термидорианского террора, через наполеоновскую цензуру, реакцию Реставрации, политическую косность и академический снобизм, искусство революции XIX в. долго вызывало ненависть и недоброжелательное отношение. Но всегда были и силы, пытавшиеся спасти литературное наследие эпохи Великой французской революции. Даже "эмигранты 1789 года", более либеральные и более трезво смотревшие на современность, еще в 1798 г. заявляли, что "революция не была бесплодна для романов, каждый день появлялись новые"¹ (рассвет театра, риторики, поэзии у них сомнений не вызвал). "Идеологи" - влиятельная при Директории и Консульате просветительская группировка - старались спасти все, что считали нужным и возможным, пропагандируя Вольне, Шамфора, М.-Ж.Шенье и др.² Ко второй половине XIX столетия выяснилось, что без литературы революционных лет невозможно подобрать ключи к генезису романтизма, она стала объектом и академических штудий³.

В результате многолетней борьбы за литературу революционной литературы писательские репутации и многие таланты перемыслились, творческие истории часто подправлялись и ретушировались. Например, еще в конце XIX в. журнал "Французская революция" поместил подборку статей о участии в революции Флоранса⁴. Революционная

пресса часто и благожелательно говорила об этом писателе, а в энциклопедиях и литературном общественном мнении он остался лишь сочинителем нежных идиллий. Сам же Флориан писал о себе: "Раньше я воспевал пастушков, а теперь - мужественную свободу", он сочинил сурового "Вильгельма Телля", ставшего одним из образцовых революционных исторических романов⁵. Лозезля Треогата (или Фрегата) считают салонным продолжателем Руссо, мастером тонких психологических нюансов, но не упоминают, что при якобинцах он сочинял патриотические пьесы, прославившись трагедией "Битва при Фермопилах, или Школа воинов" (1794). Буржуазные исследователи пытались оторвать от революции творчество всех сколько-нибудь талантливых писателей.

Но и прогрессивные ученые, в том числе порой и советские, нередко антиисторично ограничивают размах революционной литературы ХУШ в., делая критерием лишь якобинские нормы. Великая французская революция стремительно шла вперед, с каждым этапом поднимаясь на новую ступень. И если в 1793 г. писателя осуждали, а бывало, и репрессировали за уступки "смягченной монархии", то это не означает, что в 1789 или даже 1791 гг. этот сочинитель не мог создавать революционных произведений. В 1789-1791 гг. уровень общественного сознания еще не поднялся до республиканизма. Точно так же нельзя зачеркивать имя писателя лишь за то, что он выступал против Робеспьера или массовых репрессий при терроре, если он словом и делом доказал свою преданность революции. Такие выступления были у многих последовательных революционеров, поскольку Робеспьер не всегда стоял на позициях санкюлотов, а в политике террора были допущены многие трагические ошибки и злоупотребления⁶.

Лишь строго исторический подход к литературе позволил советским ученым (Ю.И.Божору, С.И.Великовскому, Д.Д.Обломиевскому)⁷ развеять легенду об Андре Шенье как о поэте не от мира сего, бессмысленно погубленном "злодеями-якобинцами".

А.Шенье был активным и боевым публицистом, который отступил от революционного пути и за это был наказан по нормам революционной законности. Стихотворения А.Шенье, которые завоевали ему прочное место во французской лирике, появились в печати только после казни поэта: "Юная пленница" - через шесть месяцев, фраг-

менты из "Идиллий" - лишь в комментариях к "Гению христианства" Шатобриана (1802) и т.д. вплоть до первого собрания сочинений в издании Латуша (1819).

Освоение литературы Великой французской революции шло медленно и сложно. Оно не завершилось и в настоящее время. Правда, библиографическое оснащение многих лидирующих проблем можно считать удовлетворительным⁸. Давно существуют приемлемые справочники по драматургии 1789-1799 гг. Большая часть из них приведена в комментариях к книге К.Н.Державина⁹. Имеются биографические и библиографические словари. Новым этапом в развитии библиографии революционной литературы оказались работы А.Монглона, а также Мартена, Мильна и Фрочи¹⁰. Однако еще нет особой библиографии революционной риторики и отсутствует сколько-нибудь полная и систематизированная библиография памфлетов. Подборка Гайдена и материалы в справочнике Гэ¹¹, а также библиографические комментарии к статьям о памфлетах требуют большой дополнительной работы.

Памфлеты революционных лет еще ждут специального обобщающего исследования, которое многое даст и историкам, и литературоведам. Подобно песенной поэзии, памфлеты были хроникой революции, отражая каждый ее шаг. Революция началась со множества грубоватых, пронизанных соленым народным юмором памфлетов о Марии-Антуанетте и аббате Мори. Подлинный памфлетный шквал вызвали известия о предательстве Мирабо и двуличии Лафайета. Центром революционной сатиры стали памфлеты Марата и прочих светлых личностей революции. Новый период памфлетистики начался с прославленной статьи Камилла Демулена о Риме в период децимвиров, а после Термидора хлынули вульгарные и злые инвективы преимущественно против Робеспьера. К настоящему времени, насколько нам известно, исследованы лишь отдельные группы памфлетов, и консерваторы обращались к ним чаще.

Д.Д.Обломиевский справедливо отмечал, что основной пробел в картине литературной жизни революции ХУШ в. связан с плебейским пластом в революционном искусстве. Именно здесь ограниченность многих буржуазных исследователей ощущается особенно отчетливо.

Французская революция была как бы синтезом двух революций: буржуазно-демократической и общенародной, а, соответственно, -

она была и французской буржуазной и Великой французской революциями. Как буржуазная революция, она должна была лишь заменить у кормила государства один эксплуататорский класс другим и не пойти дальше буржуазных свобод. Как Великая французская революция, она вызвала волну революционного энтузиазма, вдохновила множество людей на подвиги, подняла на борьбу многомиллионные массы. И литература 1789-1799 гг. вслед за общественно-политическим движением воплощает то интересы буржуазии, выступившей против феодализма, то общенародные требования плебейских масс, беднейших слоев города и деревни, которые мечтали свергнуть не только феодализм, но и "тиранию богатства". В обстановке радостного освобождения от всех пут и предрассудков получили права гражданства плебейские вкусы и плебейское искусство, до сего времени загоняемое в гогетты, лубочные издания и бульварные театры (в понимании XVIII в.). Такой плебейский пласт воплотится в революционной народной песне, в революционном фарсе, мелодраме, "пьесе большого действия", "комедии реального факта", в крайне своеобразном "патриотическом романе", во многих памфлетах. С приближением якобинской диктатуры этот пласт усиливается. Было бы неверно сказать, что противники революции не замечали плебейского пласта. Напротив, примеры из плебейских произведений приводились нередко и в исторических, и в литературоведческих исследованиях. Их целью являлось стремление показать "варваризм", проиллюстрировать одичание нравов во время революции. К плебейским произведениям прикладывались нормы высокой литературы XVIII-XIX вв., и они не выдерживали проверки. Но народную революционную литературу надо изучать по ее собственным нормативам и ее собственной эстетике. Современники революции ощущали, хотя и очень нечетко, некоторые закономерности этого мира плебейского искусства и отразили их в терминах: "патриотическая проза", "патриотический стиль", "герой-комическая патриотическая поэма".

Б.Г.Рейзов, много и плодотворно работавший над французской литературой, примыкавшей к революции XVIII в., резко возражал против различного подхода к высокой и плебейской литературам. Однако нам кажется само собой разумеющимся, что каждое литературное явление надо рассматривать с позиции его собственной эстетики. Иначе мы впадем в ту же ошибку, что и классицисты, осуждавшие романтиков, опираясь на Лагарпа и Мармонтеля. Б.Г.Рейзов в блестя-

их трудах по истории романтизма некогда сам создал теорию дуализма вкусов, присущего периоду "между классицизмом и романтизмом" (в который входит и революционная литература). Даже беглое знакомство с рецензиями и критическими статьями в периодике 1789-1799 гг. показывает, что дуализм вкусов существовал и развивался, породив две параллельно существующих эстетики. Одной мерой измеряли героическую трагедию, а другой - чувствительные изложения. Рядом с профессиональной высокой критикой (Лагарп, Мармонтель, Жангене, Шамфор и др.) существовала и экспресс-информация книгоиздателей, где "плебейские жанры", пренебрегаемые или ценимые "скрепя сердце" маститыми литераторами, получали положительные оценки с позиции простонародных вкусов. Именно они первыми оценили "патриотическую прозу" и мелодраму (а из революционной антимонархической мелодрамы вырос, как доказал еще Эстев, французский героический роман¹²).

Вскоре после Великой Октябрьской революции советские литературоведы стали оживленно интересоваться и искусством французской революции XVIII в. В двадцатые-тридцатые годы были изданы сборники, дающие достаточно широкое представление о революционной поэзии, переведено (Тьерсо) и написано несколько исследований о поэзии и драматургии (Овсянников, Ольшевский и др.¹³). Итогом первого периода изучения литературы революции XVIII в. стала известная работа К.Н.Державина "Театр французской революции 1789-1799 гг."

Со статей Д.Д.Обломиевского в "Истории французской литературы"¹⁴ и его же книги о литературе революции, а также нескольких диссертаций начался новый период углубленного изучения литературного процесса революционных лет.

Книга Д.Д.Обломиевского посвящена, в основном, драматургии и поэзии, ее заслуга прежде всего в том, что, во-первых, автор показывал революционную литературу XVIII в. закономерным звеном в эволюции французской литературы, выявив и широко обосновав прочные связи высокой революционной поэзии и драматургии с двухвековой историей классицизма. Во-вторых, автор обратил внимание на плебейскую струю в революционном искусстве. Одновременно с работой Д.Д.Обломиевского появились "Песни французских революций 1789-1848" С.И.Великовского, в которой серия запоминающихся очерков об Андре Шенье и его брате Мари-Жозефе, плебейской поэзии, Руже де Лиле и Сильвене Маршале переходит в раздумье о традициях ре-

волюционной поэзии XVIII в. в последующем столетии. Таким образом литература революции обрела и предшественников и последователей: Правда, и здесь, как и в подавляющем большинстве работ о литературе Великой французской революции, остается существенный пробел: ученые изучают связи революционной литературы с XVIII в. и зрелым Просвещением (Руссо, Вольтер), но при этом пропускают позднее, предреволюционное Просвещение, изученное, по авторитетному мнению А. Куле, "слабо и поверхностно"¹⁵. Тем не менее, именно в позднем Просвещении Франции произошли очень важные мировоззренческие и литературные сдвиги, непосредственно подготовившие революционную литературу. Видимо, важнейшим из них является философский (а вернее всего и эстетический) синкретизм, когда элементы учений Вольтера, Руссо, Энциклопедистов слились в эклектичное, но очень распространенное философское учение. В позднем Просвещении появляется дуализм вкусов и множество литературных новаций, которые разовьются при революции.

После книг Обломиевского и Великовского появилась серия работ о художественной прозе, точнее о романе Великой французской революции, написанных автором настоящего обзора¹⁶.

Еще недавно считалось, что Великая французская революция не могла породить сколько-нибудь существенный роман. Он мог существовать лишь в эмиграции. Правда, Шерель, изучая фенелоновские традиции, упоминал о развитии философско-аллегорического романа в начале революции и даже упомянул названия нескольких примечательных произведений. Исследователи истоков французского романтизма бегло рассматривали несколько романов, как правило, не имеющих отношения к политической борьбе, доказывая, что и за революционные годы были свершены некоторые открытия в области литературного психологизма (Д. Морне, Ж. Мерлан, Ф. Де Ла Барт). Эти труды (а также частные замечания в книгах по истории экзотизма, о готическом романе, о преромантизме вообще) позволяли предполагать, что во время революции "что-то все же было". Но и в 1964 г. Д. Д. Обломиевский "с глубоким сожалением" констатировал, что "вопрос о романе революционных лет пока еще совершенно не изучен"¹⁷. А между тем роман эпохи революции был большим и разнообразным миром, воплощенным в сотнях художественных произведений (более 450) и отраженный во множестве критических статей, рецензий и даже трактатов.

Революция произошла, когда во Франции уже завершалась "битва в романе", набиравший силы и приобретающий влияние большее, чем затр. К 1789 г. страна была наводнена нравоучительными и приключенческими произведениями, пронизанными гуманными и филантропическими идеями. Они и остались основой французской художественной прозы на протяжении всего революционного десятилетия, эволюционируя в сторону романов семейно-бытового, социально-бытового или "популярного" (т.е. авантюрного с усилившимся бытовым элементом). Сама же революция прежде всего стимулировала всплеск философско-аллегорического жанра в традициях Фенелона, где в немудреном сюжете и чаще всего античном материале велось размышление об актуальных проблемах: "умеренной монархии" или республиканизма, народных прав, важнейших закономерностей демократического устройства. От "Анахарсиса" Бартельми через "Руины" Вольтера и многие другие романы идет поток произведений, где почти стирается грань между художественной прозой и публицистикой, доходя до "Ифагора" Сильвена Марешала (1799)¹⁸. Правда, там были интересные открытия и в античном материале.

1791-1792 гг. оказались вершиной революционного романа, как вообще всей литературы Революции. Актуальные темы, раздумья, юмор войдут в значительную часть романов. Правда, редкие из них показывают революционные будни и то (если не считать особого патристического романа) как бы украдкой, отдельными сценами бытовых или авантюрных произведениях. Чаще всего они встречаются в чувственных романах Лескюра. В большинстве случаев изображается дореволюционная Франция, но показанная так, чтобы напугать читателя на выводы о необходимости радикальных реформ, уничтоживших паразитизм и распущенность знати, celibat духовенства, самодурство чиновников. Тенденция к опосредованному изображению революционной современности, о которой, видимо, применительно к трагедии, говорил К. Маркс, в той или иной степени присуща роману XVIII в. Однако одновременно с общепризнанной художественной прозой появился (но, возможно, так и не развился в оформившееся литературное явление) плебейский "патристический роман". Он изобретал необычные, порой диковатые формы, часто маскировался под авантюрное или бытовое повествование. Он был единственным жанром романа, для которого законом было непосредственное изобра-

жение революции и где выведены рядовые санкюлоты¹⁹. Однако его влияние чувствуется на всей художественной прозе.

Проблемой, ожидающей своего исследователя, является и литературная критика эпохи Великой французской революции. Она занимает определенное, хотя и сравнительно скромное место в богатейшей периодике революционных лет и количественно очень велика. Литературно-критические статьи нередки и в ведущих революционных изданиях, но сколько-нибудь целостные эстетические концепции можно встретить лишь в изданиях более скромного политического масштаба ("Французский Меркурий", "Энциклопедический журнал" и др.). Передовые критики с первых же дней революции начали борьбу за революционизацию искусства, они требовали революционных тем, помогали понять наиболее важные аллюзии, нацеливали читателей на лидирующие политические проблемы. Раздумье о революции пронизывало все теоретические споры, и критическая статья нередко превращалась в политическую речь, для которой анализируемое произведение являлось лишь поводом. Но существовали и специфически литературные проблемы: за и против аллюзий, за и против нравоучения, за и против логизированных типов и т.д. К концу века уточняется литературный подтекст оживленных полемик, всегда так или иначе соотносимый со старой, рационалистической и новой, стремительно развивавшейся во время революции живописной образностью (романтики первоначально называли свой метод "живописным"). Правда, далеко не все пункты полемики несли "романтические" метки, литературная борьба эпохи революции многое значила и для реализма.

Для исследователя, знакомого с литературной критикой периодов революции и Директории, трактаты Жермен де Сталь, включая ее книгу "О литературе" (1801), не кажутся неожиданными: большинство затронутых ею тем уже звучали в критике 1789-1799 гг. Подступы к проблеме литературной критики изучаемого периода уже намечались в классическом литературоведении (Шахов, Клиан Шмидт), судя по французским диссертациям, ищут их и сегодня (см., например, работу Кичина о литературно-теоретических воззрениях в "Декаде" (1794-1806)²⁰.

Литература Великой французской революции дает безграничные возможности для поисков и открытий литературоведам любого профиля и вкуса. Но в зарубежном литературоведении последних десятилетий сновным открытием и объектом вдумчивого изучения оказался маркиз

де Сал. Об его ужасающих, кровавых произведениях уже написано больше, чем о любом другом литературном явлении конца XVIII столетия. Сада изучают, издают, экранизируют и популяризируют. Его трактуют в аспекте ложно понятого Фрейда, видят в нем истоки и Бодлера, и декадентства, сближают его с некоторыми наиболее негативными явлениями модернизма²¹.

Произведения Сада издавались, а может быть и сочинялись, между 1792 и 1801 гг. (в 1801 г. Наполеон приказал посадить его в сумасшедший дом за роман "Две соучастницы", намекающий на легкомысленное прошлое мадам Богарне). Критики революции, Термидора, Директории бурно возмущались человеконенавистнической философией отдаленного потомка петрарковской Лауры. Ретиф де Ла Бретон даже написал "Анти-Дюстину", чтобы создать противовес грубой сацистской эротике.

Но не все, что напечатано во время революции, является революционной литературой, и не за все революция несет ответственность.

В творениях Сада отразилось не то здоровое и благородное, чем прославилась революция, а та грязная накипь, которая сопровождала буржуазное движение. Во Франции бушевала волна спекуляций на голоде, лишениях, народном горе, не были редкостью казнокрадство и махинации с государственными имуществами. Бескорыстные "неподкупные" щедро рубили головы жуликам, но так и не справились с разгулом частнособственнической стихии. Спекулянты субсидировали термидорианский переворот, а после него ощутили полнейшую вседозволенность.

Нам кажется, что в романы Сада пробились отзвуки такой свободы циничного наживательства. Его романы, бесспорно, воплощают ненависть к старому режиму, инквизиторам, монашеству, бюрократической тьме и к утверждаемой просветителями морали. Отказавшись от изнегодной галльской чувственности, не презираемой просветителями и расцветавшей в революционной литературе, Сад изобретал и поэтизировал бесконечные противоестественные пороки, создав мрачную философию вседозволенности для сильной личности. Сложившись как писатель в эпоху доминанты нравоучительной литературы, Сад создал антинравоучение (но по моделям своих учителей), где потребовал полной свободы жестокости, секса, насилия, расписывая темные инстинкты, объявленные им "природой". Сад - уродливое

для Просвещения, он пишет по просветительским моделям и даже мыслит просветительскими категориями. Наизнанку вывернув их, он дошел до универсального неверия ни во что, кроме сильной жестокой личности, прославлял порочную "природу". Здесь, как нам кажется, рождается буржуазный индивидуализм, цинизм, расцветает дегуманизация личности. И все же романы Сада нельзя свести воедино с произведениями писателей из лагеря феодальной контрреволюции: те поэтизировали старый режим, открыто или скрыто противопоставляя его "революционным ужасам". Не похожи они и на книги термидорианской реакции: термидорианские писатели писали, как увидим, иначе. Но для французской литературы периодов Термидора и Директории романы Сада не были особым исключением. Садистские сцены и отдельные компоненты его программы встречаются и в других художественных произведениях разных видов, родов и жанров. Исследователи видят косвенную переключку "садизма" и с готическим романом.

Таким образом, существует революционная литература ХУШ в. и литература эпохи революции. Не все изданное было революционным, больше того, в различные периоды революции соотношение революционной и внереволюционной литературы было различным. Так, при Якобинской диктатуре сцену заполнили революционные фарсы и водевили, а мастера трагедий, казалось бы, сторонились жгучих политических проблем, обращаясь к общегуманным темам. Количество актуальных романов резко упало, но фантастически возросло число переводов. В период восходящего революционного движения (1789-1794 гг.), а тем более при Термидоре и Директории, издавалось множество рядового "чтива", но часто переиздавались и классики Просвещения, а также многие мастера допросветительской литературы. Судя по работе Жангено о Рабле и нескольким аналогичным статьям, их старались переосмыслить в революционном духе. Сложный путь прошла и очень богатая к началу революции нравоучительная литература.

Советские, а также прогрессивные зарубежные ученые из вполне понятных соображений изучали революционные произведения, отдавая предпочтение литературе, непосредственно изображавшей революционные события. Многие песни, памфлеты, революционные водевили и фарсы, "пьесы большого действия", немногие найденные пока "патриотические романы" преподносят, в соответствующем, конечно,

аспекте, сцены из жизни тех бурных лет. Но в "большой" литературе такие сцены встречаются сравнительно редко. Революция, как уже отмечалось, предпочитала опосредованный разговор о современности, политическая борьба входила в литературу чаще всего через актуальные проблемы и разговоры о них. И нередко лишь в сопоставлении с декретами, оглашенными примерно в период издания романа или пьесы, из рецензий в революционных изданиях удается ощутить жгучую революционную актуальность произведения. Легко понять революционную сущность (для первого периода революции) пьесы Фабра д'Эглантина "Аристократ, излечившийся от дворянского чванства", учитывая, что в то время мечта о мирном исходе революции и компромиссе между буржуазией и дворянством (за счет интересов последнего) еще себя не изжила. Но гораздо труднее понять, что "Филипп" того же д'Эглантина или "Эмилия Вармон, необходимость развода" Луве де Кувре (автора "Фобласа") открыто поддерживали революционные реформы. Таким образом, границы между революционной и внереволюционной (здесь нет речи о контрреволюционной) литературой очень зыбки. Писателям революции было проще рассуждать на актуальные темы, чем показывать современность, они еще не отработали навыков изображения стремительно эволюционирующих социальных отношений. Навыки эти появятся лишь к концу изучаемого периода. Революционная литература говорила своим специфическим языком, и его расшифровка находится пока еще на начальной стадии. Грамотное прочтение литературного произведения 1789-1799 гг. позволит значительно расширить масштабы революционного искусства.

Изучение "внереволюционного" искусства эпохи революции рентабельно и из других соображений. Литература последнего десятилетия ХУШ в. является центром периода "между классицизмом и романтизмом", или, по-современному, "от Просвещения к романтизму". Последний термин, введенный С.В. Тураевым, более точен, поскольку литература ХУШ в. далеко не ограничивается классицизмом. И все же он вынужденно условен, поскольку бурная трансформация искусства последней трети ХУШ - первого десятилетия XIX столетий вела не только к романтизму. Многие серьезные ученые в солидных трудах рассматривали те процессы, которые во Франции и в других странах вели к романтизму, детально проследили зарождение компонентов нового, романтического метода: разработку историзма повествования, открытие

времен дня и года, а также прочих составных эмоционально насыщенного пейзажа, эволюцию сложнейшей диалектики психологии персонажа и многие частные темы: темы руин, ночи, сумерек, бурной природы и т.д. Но французская литература далеко не ограничивалась этим. Больше того, для периода подъема революционного движения (1789-1794 гг.) был, видимо, более характерен феномен "возврата к античности", воплощенный в революционной трагедии, философско-аллегорическом романе, в мощном потоке античных ассоциаций в речах революционных ораторов, При этом трудно отрицать и эволюцию реализма в Творчестве Пиго-Лебрена и его плеяды.

В 1789-1794 гг., а тем более в 1795-1799 гг., происходили сложные литературные процессы, разумеется, зависящие от революции, но в какой-то степени и автономные от политической борьбы. Они тоже заслуживают изучения, поскольку дали многое для литературы XIX в.

Это вынуждает обратиться к хронологическим рамкам изучаемого периода, как литературной микроэпохи, учитывая при этом, что границы литературных периодов всегда размыты.

Начальная дата, видимо, споров не вызывает. Сама революция началась в 1789 г. Революционная литература опередила эту дату и отстала от нее. Отмечалось, что революционная, как считают французские исследователи, поэма Руссе "Месяцы" появилась еще в 1779 г.²² Многие уже было сказано незадолго до революции. Знаменитый лозунг Сийеса (а возможно, Шамфора): "Что такое третье сословие - ничто, чем оно должно быть - всем!" в слегка замаскированном виде содержится уже в "Женитьбе Фигаро". Задолго до 14 июля и даже до собрания Генеральных штатов был написан "Карл IX" М.-Ж.Шенье. В январе 1789 г. был напечатан "анонс" о выходе из печати романа Ж. де Ла Валле "Негр, каких мало и белых", который и современники и последующие исследователи считают революционным романом. Словом, бесспорно, что ряд произведений, по содержанию и по форме не отличающихся от революционных и включенных в фонд революционной литературы, был создан еще до революции. Но слабая изученность предреволюционного Просвещения затрудняет точный ответ на этот вопрос. Вероятно, что революционная литература родилась во время подготовки к собранию Генеральных штатов

(конец 1788 - первая половина 1789 гг.), когда была значительно ослаблена цензура.

Консолидация сил революционной литературы охватила примерно за год (1789-1790), и только к 1791 г. были созданы сколько-нибудь устойчивое ядро, некоторые нормативы и традиции, принципиально отличающиеся от просветительских. И по лозунгам, и по форме "высокой литературы" 1789-1790 гг. ее можно считать приходящей к Просвещению, хотя и с существенными оговорками. Вершины революционного искусства XVIII в. были, видимо, все же не год якобинской диктатуры (1793-1794), а 1791-1792 гг., когда было создано большинство сколько-нибудь заметных произведений.

Особенно спорной проблемой являются финальные границы литературного микропериода. И сами историки спорят, когда кончается великая французская революция: после термидорианского переворота, после поражения заговора Бабефа или с приходом Наполеона, 18 брюмера (1799). Маркс называл границами французской революции XVIII в. 1789-1814 гг.²³, видимо, считая, что и в наполеоновские времена в какой-то степени продолжался революционный процесс. Во всяком случае, и после термидорианского переворота появляются революционные произведения: несколько пьес загадочной гражданки Вильнев, сиклерикальные романы Сезара Масийяна, патриотические романы герцога Ласалея и пр. Хотя при Термидоре и Директории революционная литература многое теряет, хотя струя ее стремительно сужается, она все же существует. Ее решительно и окончательно подсечет лишь Наполеон; Первый Консул запрещал писать о революции и вообще говорить о ней как положительно, так и отрицательно²⁴.

Даже после термидорианского переворота, когда были подавлены республиканские мятежи, уничтожена киберонская экспедиция, Франция успешно воевала с феодальной Европой. Иначе говоря, антифеодальный импульс революции продолжался, а для этого как термидорианцам, так и директорианцам приходилось опираться на народ, на испытанное оружие революционного энтузиазма. Это и было базой для сохранения революционного искусства. Но и при Термидоре, и при Директории правительство воевало с плебейской революционностью и поощряло антиякобинские тенденции литературы.

Во второй половине 90-х гг., при Термидоре и Директории, проламываются и получают некоторую определенность те глубинные процессы литературы, которые в предшествующий период еще не успели

созреть или были замаскированы бурной революционной полемикой. Социально-бытовая конкретизация повествования, историзм, т.е. ощущение динамики общественной жизни, усложненное понимание диалектики литературной психологии и пр. массовым порядком входят в литературу, прежде всего в художественную прозу. Распад рационалистической образной системы становится необратимым именно в это время.

Вся посттермидорианская литература пронизана трагическим раздумьем о революционном терроре и якобинской диктатуре. Тема эта присутствует и в "Путешествиях Пифагора" Сильвена Марешаля, и в "Новом Париже" Л.-С. Мерсье (1798), и в готическом романе, и в мелодраме. Пытаясь не порывать с демократическими устоями, писатели винят в терроре, массовых доносах, стихийных действиях толпы то деятельность группы заговорщиков, то вековечное неприятие народа, податливого на демагогию, то некие роковые обстоятельства, а на базе этого и строят концепцию понимания миротермидорианской литературы" обычно опираются на меланхолию, уже раз-

В этом аспекте наиболее показательным явлением эпохи был своеобразный "термидорианский роман". Его создателями были либеральные термидорианцы. Термидорианский переворот был совершен кратковременным блоком всех тех, кто по разным причинам был возмущен революционным террором или непосредственно Робеспьером. Либеральные термидорианцы были в нем скорее сочувствующей, чем активно действующей массой. Среди них была и значительная часть интеллигенции. Созданная ими литература отличается от контрреволюционной (пусть даже из лагеря либеральной эмиграции, вроде "Эмигранта" Сенака де Мейяна) тем, что признает революцию в рамках 1789-1792 гг., т.е. ее буржуазно-демократический, а не плебейски-санкюлотский аспект (как впоследствии Ж. де Сталь, Б.Констан и либералы XIX в.). Либеральные термидорианцы, принимая этот термин за наименее лучшего, более точного, осуждая террор, акты самосуда, манию доносов и обязательно Робеспьера, непримиримы к феодализму, непосвятившим священникам, к "агентам Питта", к эмигрантам и вообще ко всяким проявлениям дворянской контрреволюции. Самых себя они считают подлинными революционерами, осуждая реальную революцию с позиции книжной гуманности и абстрактной демократии.

Это было очень сложное литературное явление, в котором возмущалось тяготение к сентиментализму, к лирическому самораскрытию личности. Авторы любили показывать незаконно репрессированного подлинного революционера, человека благородных воззрений, живо представляя его злодеям-якобинцам и темной толпе. Это было лирически богатое раздумье о сложном человеке в меняющемся мире, поддающееся однозначной оценке. Исповедальный роман ранних романтиков, бесспорно, ведет начало оттуда. Для "термидорианского романа" показателен примат лирического эмоционального потока, который становится организующим центром повествования, где тонут вышние грезы и порой даже натуралистические сцены, элементы ерзадирающей морали и политические высказывания. Эмоция вытесняет рассуждение, она сама становится мировоззренческим фактором, оценочной категорией. Сочинители "термидорианской литературы" обычно опираются на меланхолию, уже разлитую в дореволюционной литературе, внося туда множество эмоциональных нюансов от мягко-идиллического до надрывно-трагического. В общем, этот колеблющийся, неопределенный поток, где реальное и воображаемое теряет свои границы, где жизнь предстает реальной, то иллюзорной, создает принципиально иное впечатление о действительности, чем оно было у просветителей. Мир и люди не поддавались однозначной оценке и рациональному объяснению. Мир самого автора такая ситуация была трагичной, означала крушение основ мироздания.

Лишь на первых порах такая литература была термидорианской, несла метки бурного протеста исключительно против террора "робеспьеризма", уже через два-три года писатели станут протестовать вообще против эпохи войн и революций, против глобального насилия и вселенской бесчеловечности. Известно, что даже террор был очень разный, а не только якобинский, террором активно пользовались все партии и группировки; современники говорили красном, "синем", "белом" и "черном" террорах.

Но термидорианская литература (включая ее эмигрантский вариант) и термидорианские представления были широко распространены и живучи: признание доякобинского периода революции, противопоставление "безнравственного" террора "нравственному" революционному идеалу распространилось по всей Европе.

Пито-Лебрен, Фьеве, Нугаре воскрешали антибуржуазную тему. Многие века процветавшая во французской литературе, она частично смягчилась при Просвещении, потесненная образом трудолюбивого добродетельного буржуа²⁵. Теперь, став свидетелями бесстыдного разгула буржуазного стяжательства при Директории, писатели вернулись к традициям Скаррона, Мольера и Фуретьера, показав тупоумного хитрика, нового хозяина жизни, "господина Ботта". В социально-бытовых романах Директории (1795-1799) много ситуаций и типов, напоминающих будущего Бальзака. Пито-Лебрен и Фьеве стали мостом от просветительского реализма к критическому

Литература Великой французской революции ценна и интересна сама по себе: и как отражение значительного исторического события, и как своеобразная микроэпоха со своими специфическими литературными отношениями. Особенно важна она как звено в эволюции французской (и мировой) литературы. Революция привела к серьезным и необратимым последствиям в литературном мире. Она прежде всего создала новых читателей, научившихся чтению на газетах и листовках в бурные революционные годы. После термидорианского переворота интерес к политике стал увядать, а привычка к чтению обратилась на литературу нескучную. Возникла "популярная литература", расходившаяся грандиозными тиражами. Если в середине XVIII в. тираж в 5 тыс. считался внушительным, то романы Дюкре-Дюмениля были изданы тиражом в миллион 200 тыс. экз. Круг читателей необычно расширился и стал демократичнее.

За время революции существенно модифицировалось все искусство слова, литература начала процесс массового перевооружения, глубокой трансформации образной структуры. Несмотря на то, что первые годы революции ознаменованы взрывом классицистической трагедии, к началу века она утратила лидирующие позиции и после 1792 г. основные эстетические открытия совершались не в ней. Практически исчезла философская повесть, испытывавшая короткий подъем накануне революции, не возродится и "галантная повесть" о похождениях фобласов. Революционная критика, продолжая просветительские традиции, боролась с ней, демократически настроенные читатели видели в ней поэтизацию ненавистного "аристократизма". Хотя революционеры и поддерживали нравоучительное искусство, мирная проповедь мешанских добродетелей была опрокинута революционным преобразованием мира. Писатели стали сочинять ина-

а читатели потребовали другой литературы: нравоучительный роман, сложную философскую повесть; игривые галантные рассказы и вытеснены готическими и популярными романами, подобно тому трагедию, а частично и комедию потеснили водевили и мелодрамы.

Историки литературы нередко обращались к революционной эпохе в связи с романтизмом. Бесспорно, что романтизм был реакцией на революцию XVIII в., откликом на нее, и судом, раздумьем над ней. Но французский романтизм в своих истоках был переплетен с литературой эпохи революции. Так, "Дельфина" Керман Сталь примыкает к "дамскому роману" о вековечно трагедии женщин в тяжелом нравственном климате светского общества. Он будет существовать во время революции во Франции (и в эмиграции тоже), нем впоследствии тепло отзовется Стендаль. Знаменитый трактат Сталь "О литературе" явится развернутым комментарием к "Эскизу исторической картины прогресса человеческого разума" (1794) Кондорсе - мыслителя, оказавшего услуги революции. Книга была вдохновлена победным путем революции. Сам трактат Сталь стал итогом литературных боев между критиками эпохи революции. "Рене" Шатобриана является прямой полемикой с революционным "вертерианским" маном, в неожиданном аспекте подхватившим гетевские традиции (даже Робеспьер одно время носил знаменитый голубой фрак Вертера). "Зальцбургский живописец" и "Изгнанники" Нодье тоже перебиваются с революционным вертерианством, а Констан противопоставил ему, но с иных позиций, чем Шатобриан. "Мученики" Шатобриана бы-ли неудавшейся попыткой что-нибудь противопоставить влиятельному философско-аллегорическому роману революции. "Бюг Жаргаль" Гюго завершает поиски в экзотизме, которые, будучи вдохновленными борьбой с рабством, вызвали богатую и талантливую литературу о работорговле, Черной Африке и Вост-Индии. Именно драматурги-романисты Великой французской революции впервые показали восставших негров, а их продолжатели при Директории изобразят справедливый бунт, спровоцированный изощренной жестокостью плантаторов, как сложнейшее противоречие между борьбой за свободу и диким варварством (это было намеком и на якобинский террор). Бюг-жаргаль уже не был просветительским естественным дикарем, поскольку литературный экзотизм прошел через революцию²⁶.

Революционная поэзия XVIII в. оказала длительное, десятилетие ощущаемое влияние на французскую поэзию. Для этого достаточно вспомнить Беранже.

Французские революционеры добились полной свободы театра, освободив его и от цензуры, и от академического снобизма. И если, как показал Ю.И. Божор, даже классицистическая трагедия приближалась к исторической драме, то под непосредственным влиянием народных вкусов новые жанры - водевиль и мелодрама - станут укореняться в романтической драме. Подобно готическому и популярному романам, они не станут прямыми предками романтизма, но помогут создать ту литературную ситуацию, в которой романтизм мог появиться. А созданный революцией водевиль, прошедший путь от "бульварных" (в понимании XVIII в.) фарсов до цикла о разбогатевшей торговщице, селедкой мадам Анго (последние годы XVIII - первые годы XIX вв.), той же структуре, которая сложится при Директории, проживет почти столетие.

Изучение литературы Великой французской революции многое дает для понимания истоков литературы XIX в., а порой и меняет сложившиеся представления. Считается, например, что Шатобриан "открыл" красоту церковной службы и впервые описал ее эмоциональное воздействие. (Правда, в "Дельфине" Сталь это было сделано за несколько лет до Шатобриана). Но первый удачный опыт подобного рода уже был в антиклерикальном романе Сели "Письма послушника из монастыря трапистов" (1790)²⁷, и это отмечалось у Э. Марона²⁸. Богатейшая антиклерикальная литература революции тоже ждет своего исследователя.

В Советском Союзе имеются все возможности для работы над литературой Великой французской революции. Известно, что еще в XVIII в. все то, что приходило из Франции, вызывало жадный интерес русской общественности. Революция на родине горячо любимых Вольтера и Руссо на первых порах завоевала массовые симпатии. Правда, с развитием революции она начала напоминать страшную "пугачевщину", поэтому отношение к ней у очень многих изменилось. Но жадный интерес все же остался, и он постоянно пробивался сквозь цензурные рогадки, преодолевая полицейские меры. И до появления пограничной цензуры, и после ее введения французская революционная книга потоком шла в Россию. Известно, что Радищев даже в

Илимском остроге читал "Отца Дюшена" - самое крамольное издание 1789-1794 гг.

В центральных, а, тем более, в периферийных книгохранилищах нашей страны сохранилось множество книг и периодических изданий 1789-1799 гг. Правда, они рассеяны по многим библиотекам и музеев, так что их сбор весьма трудоемок. В СССР имеется настоятельная необходимость издания сводного каталога литературы и периодики Великой французской революции.

Первый шаг к этому сделан героическими усилиями Р.М. Тонковой, бравшей каталог революционной периодики XVIII в. Некогда он хранится в Ленинградской библиотеке АН СССР, а сейчас в Ленинградском филиале института истории и трудно доступен.

¹ *Jornal litteraire et bibliographie*. Hambourg: Fauche et C°, 1798.

² Cf. *C a i l l e t E. La tradition littéraire des Idéologues*. Philadelphia: Univ. press., 1943.

³ Обзор драматической истории изучения революционного искусства конца XVIII в. дан во введении к работе: *Обломичевский И. Д. Д. Литература французской революции 1789-1794 гг.* : Наука, 1964. С. 3-25. К сожалению, ее автор не упомянул статей, опубликованных в журнале "Французская революция".

⁴ *A u l a r d F. A. Florian pendant la Révolution // La Révolution française*, 1895. Т. 29. P. 289-292; *D i d e A u. Florian pendant la Révolution // Jb. id.* 1886. Т. 10. P. 950-958; *l a g a i r o l l e E. A propos de Florian... // Jb. id.* 1898. Т. 36. P. 571.-576 etc.

⁵ Деметьев В. Г. "Вильгельм Тель" Флориана и исторический роман XVIII в. // Научная конференция по проблемам литературы Просвещения. М.: МГУ, 1971. С. 56-61.

⁶ Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская республика и ее крушение. Л.: ЛГУ, 1983.

⁷ Божор Ю. И. Жизненный и творческий путь Мари-Жозефа Пенье: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954; *Великовский И. С. И. Поэты французских революций 1789-1848 гг.* М.: АН СССР, 1963.

⁸ Тонкова Р. М. Основные библиографические источники для изучения французской революции XVIII в. // Советская библиография. 1940. № 1 (18). С. 29-38.

⁹ Державин Н. К. Театр французской революции 1789-1799. Л.: Искусство, 1937. С. 295-307.

¹⁰ *M o n g l o n d A. La France révolutionnaire et Impériale* .. Grenoble, 1930-49. V. 1-6.

¹¹ *H e j d e n H. E. French revolutionnaire Pamphlets // Bulletin of the New-York Library*. 1945. V. 49. № 2-4, фев.-апр.; *a u J. Bibliographie des ouvrages relatifs à l'amour, aux femmes, ou mariage...* Lille: St. Becour, 1894-1900. Т. I-IV.

12 **Estève E.** Le Théâtre "Monacal" sous la Révolution ses précédents et ses suites // Estève E. Etudes de la littérature préromantique; P.: E. Champion, 1923. P. 84-124.

13 **Тьерсо Ж.** Празднества и песни Французской революции. Пгг.: Парус, 1918; **Овсянников А.** Великая французская революция в песнях современников. Пгг.: 1920 и 1922; **Ольшевский А.** Песни первой французской революции (1799) // Песни первой французской революции. М.-Л., 1934. С. 3-96 и др.

14 **Обломиевский Д. Д.** Указ. раб. С. II-82.

15 **Солет Н.** Le Roman jusqu'à la Révolution. P.: A. Colet, 1967. Т. 1.

16 **Дементьев Э. Г.** Роман Великой французской революции. - Владивосток: Дальневосточное книж. изд-во, 1969.

17 **Обломиевский Д. Д.** Литература французской революции. М., 1964. С. 25.

18 **Дементьев Э. Г.** Философский роман в эпоху французской революции // Вестник Ленинградского университета, 196. № 8. Сер. лит.-ры. Вып. 2. С. 74-85.

19 **Дементьев Э. Г.** Революционно-патриотический роман периода французской революции XVIII в. // Филологические науки, 1965, № 4 (32). С. 66-77.

20 **Kitchin J.** Un journal philosophique "La Décade" (1794-1807). P.: Minard, 1965.

21 **Ерофеев В.** Метаморфоза одной литературной репутации. Маркиз де Сад, сализм и XX век // Вопросы литературы, 1973, № С. 135-168.

22 **Ashable L.** Un poème révolutionnaire en 1779 "Mois" de Rouher // La Révolution française, 1895. Т. 29. P. 149, 233-254.

23 **Маркс К.** Восемнадцатое брошюра Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. II 9.

24 **Тарле Е. В.** Печать во Франции при Наполеоне I // Социология: В 12 т. Т. IV. М.: АН СССР, 1958. С. 483, 540.

25 **Alter J. V.** Les origines de la satire antibourgeoise en France // L'Esprit antibourgeois sous l'Ancien Régime. Genève Droz, 1970.

26 **Дементьев Э. Г.** Проблемы реализма в романе эпохи французской революции XVIII в. // Ученые записки Дальневосточного университета, Т. X. Сер. литературоведения. Владивосток, 1966. С. 52-66.

27 **Sélys N.-J.** Lettres écrites de la Trappe, par un novice. P.: Garnery, l'an premier de la Liberté, 1790.

28 **Магон Е.** Histoire littéraire de la Révolution. P., 1896. P. 124-135.

Г. В. Якушева (Москва)

"ЭНЦИКЛОПЕДИЯ" ДИДРО И Д'АЛАМБЕРА
В ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЕ ФРАНЦИИ КОНЦА ХУШ В.

В середине ХУШ в. во Франции - стране, где словари различного рода всегда (а в те годы, по свидетельству исследователей, в особенности¹) пользовались живым читательским спросом, - стало публиковаться новое справочное издание, полное название которого гласило: "Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел, составленный обществом литераторов, отредактированный и опубликованный господином Дидро, членом Прусской Академии наук и искусств, а в математической части - господином Д'Аламбером, членом Парижской и Прусской Академии наук и Лондонского Королевского общества"².

Этому изданию, вошедшему в мировую культуру под именем "Энциклопедии" Дидро и Д'Аламбера, была суждена особая роль: не только, выполняя традиционное назначение жанра, удовлетворить любознательность читателей, дать им свод разнообразных знаний и таким образом заменить для них, как обещал Дидро, целую библиотеку, - но и стать подлинным манифестом Просвещения, консолидирующим силы оппозиции феодально-аристократическому режиму, воинствующему клерикализму и вообще образу мыслей, диктуемому невежеством, фанатизмом и предрассудками.

Революционный заряд этой "великой Энциклопедии" (как прозвали ее не только благодарные потомки, но и отзвучившие современники), во многом предуготовившей события 1789-1794 гг., заряд, по достоинству оцененный классиками марксизма-ленинизма³ и отмечаемый фактически всеми исследователями⁴, был с самого начала запрограммирован и обусловлен создателями энциклопедии как "революция в умах", должная предшествовать реальным действиям. Главный организатор, зачинатель, неутомимый редактор и автор ее, литератор и философ Дени Дидро уже с середины 40-х гг. мечтал о таком предприятии, вокруг которого он мог бы объединить наиболее острые и свободомысливные умы Просвещения с тем, чтобы умножить их усилия в критике "старого порядка", духовенства, ортодоксальной религии и невежества. Поэтому, когда издатель А.Ф.Лебретон обратился к Дидро с предложением отредактировать перевод на французский язык

4-го издания добротной английской энциклопедии Эфраима Чемберса ("Cyclopaedia or Universal Dictionary of the arts and Sciences", 1746), то он с энтузиазмом взялся за эту работу, которая с самого начала превратилась в процесс подготовки нового, вполне оригинального французского издания.

Сумев привлечь к энциклопедическому труду действительно наиболее ярких и прогрессивных деятелей своего времени (философа и математика Ж.Л.Д'Аламбера, являвшегося до 1759 г. соредактором издания; Вольтера, Ж.Ж.Руссо, П.А.Гольбаха, бывшего не только усердным автором, почти полностью взявшим на себя раздел химии, но и фактическим библиотекарем и библиографом энциклопедистов; Ш.Л.Монтескье, Э.Кондильяка, Ж.Кондорсе, естествоиспытателя Ж.Л.Бюффона, экономиста и философа А.Р.Турго, экономиста-физиократа Ф.Кенэ, писателей и поэтов Ж.Ф.Мармонтеля, Ж.-Ф.Сен-Ламбера, Ш.Дюкло, публициста Ф.М.Гримма, известных аббатов - вольнодумцев Г.-Т.Рейналя и А.Морелле и др.), Дидро способствовал сплочению просветителей в своего рода общество, в знаменитую "республику литераторов", "республику философов", "республику энциклопедистов", создавшую в итоге новаторскую и смелую энциклопедию, "благовест" которой, по выражению одного из исследователей, раздавался по всей Франции и далеко за ее пределами.

Естественно поэтому, что "Энциклопедия" Дидро с самого начала своего выхода в свет оказалась в эпицентре как социально-политической, философской и религиозной, так и литературной борьбы.

Иезуиты, незадолго перед тем издавшие свой энциклопедический словарь и в 1750 г. снисходительно предоставившие (в пику янсенистам) страницы своего журнала ("Journal de Trevoux") для публикации "Перспекта" новой энциклопедии, уже в 1751 г., после выхода в свет I-го ее тома, первыми спохватились, поняв революционизирующее и антирелигиозное значение этого труда, и открыли на страницах того же журнала настоящую травлю энциклопедистов.

История издания последующих томов энциклопедии своим драматизмом напоминает реальную политическую борьбу: королевское запрещение, разрешение, снова запрещение, "подпольное" печатание, тайные покровители, цензурные искажения, выход в свет под именем вымышленного издателя, с прозрачной "швейцарской" маскировкой, необходимость предъявлять "незаконнорожденные" тома в полицию

для изъятия "вредных" статей... Как писал Дидро в записке, предназначенной для Екатерины II, "явными нашими врагами были двор, знать, военные, попы, полиция, чиновники, те из литераторов, которые не участвовали в предприятии, светские люди, те из граждан, которые позволили этой толпе увлечь их..."⁵.

Проявлением ярости врагов была и литературная война, объявленная энциклопедистам. Пародии, эпиграммы, сатиры, брошюры, статьи, открытые обращения дождем сыпались на "энциклопедическую клику" "злодеев", как называли их в реакционных кругах общества. Усердствовал на страницах своего журнала "Литературный год" (*Année litteraire*, 1754-76) язвительный и темпераментный Э.К.Фрерон, талантливый публицист и убежденный ретроград. С сарказмом, неожиданным для сочинителя трогательной предромантической лирики, обрушился на просветителей-энциклопедистов Н.Жильбер в сатире "Восемнадцатый век". Л.Ф. де Помпийн, поэт малого дарования и большого сервилизма, губернатор королевских детей, с помощью интриг пролезший в Академию, в своей вступительной речи "бессмертного" напал на безбожие, современную литературу, самую Академию - и, конечно же, как на главное зло, на "Энциклопедию". Речь была одобрена королем и, вопреки протестам влиятельных друзей энциклопедистов, опубликована.

Скандальную известность приобрела пьеса посредственного драматурга Ш.Палиссо "Философы" (пост. в 1760 г.), где под вымышленными именами выводились виднейшие деятели Просвещения. В ней актер, загримированный под Руссо, выбегал на сцену на четвереньках, дабы доказать этим преимущества естественного состояния, философ Дортидиус (Дидро) проявлял антипатриотизм и другие неприятные качества, а персонаж, изображавший Гельвеция, так убедительно говорил о личном интересе как единственном мотиве человеческих поступков, что в конце концов был обворован слугой, последовавшим его проповедям.

Энциклопедисты не оставались в долгу. Вольтер осыпал оскорбительными эпиграммами Фрерона, а Д'Аламбер добился запрещения журнала последнего "Литературный год". Тот же Вольтер полемически выступил против Помпийяна в анонимном, но с легко угадываемом авторством сочинении "Полезные замечания на речь, произнесенную в Академии 10. VI. 1760 г.". Аббат Морелле ответил на пасквиль Па-

лиссо памфлетом "Ужасное видение Ш.Палиссо, вместо предисловия к комедии "Философы", - за что и просидел около двух месяцев в Бастилии.

Это была не единственная репрессия, которой, наряду с гонениями на энциклопедию, подвергались энциклопедисты. В самом начале работы над изданием по обвинению в "неверии и богохульстве" сидел в тюремной башне Венсеннского замка Дидро, в Бастилию заключался Мармонтель, бежал за границу преследуемый церковниками и богословами, лишенный ученой степени и проклинаемый за попытку религиозного сомнения сотрудник энциклопедии аббат де Прад; другой энциклопедист-священнослужитель, Ивонн, также был вынужден эмигрировать... Связь между официальными репрессиями и литературной травлей со стороны определенных кругов была очевидна. "Злобные и гнусные пасквили, которые печатаются... - писал в те годы Д'Аламбер к Дидро, - не только дозволяются, но и одобряются, поощряются и даже заказываются теми, в чьих руках власть"⁶.

Однако истинная, глубинная власть над событиями переходила все-таки в руки энциклопедистов. Вольтер, посылая из прусского "далека" вместе со своими статьями пламенные слова приветия и поддержки труженикам энциклопедии, с гордостью сообщал, что теперь все просвещенные люди Европы становятся энциклопедистами, и пророчески уверял, что Дидро с Д'Аламбером готовят себе в томах энциклопедии "крылья", на которых они перенесутся в потомство.

Действительно, авторитет и популярность издания росли с каждым томом, число подписчиков достигло астрономических по тем временам цифр, и год от года расширялся круг людей, бескорыстно предлагавших свои услуги в качестве авторов энциклопедии. При этом симптоматично, что окружающие (и друзья, и враги) воспринимали энциклопедистов как единое целое, как нерасчленимый "святой союз против фанатизма и тирании", хотя, если строго следовать фактам, такого полного единства не было. Среди авторов энциклопедических статей были люди разных политических, социальных, философских, религиозных и эстетических взглядов, разных уровней дарования и осведомленности, разной степени участия в энциклопедической работе. Так, Вольтер присоединился к энциклопедистам только начиная с У-го тома; Д'Аламбер, не выдержав травли (а также обеспокоенный усилением атеистических тенденций в энциклопедии),

отказался, после 10 лет сотрудничества с Дидро, от соредакторства, хотя и остался автором энциклопедии; Руссо, недовольный татей Д'Аламбера "Женева" в УП томе "Энциклопедии" и содержащимися там оценкой женеvesкого духовенства и советами оживить амосную патриархальную жизнь невинными и полезными театральными постановками, вообще порвал с энциклопедистами. По различным причинам уходили из энциклопедии и другие сотрудники, среди них оффон и Морелле. По-разному проявляли себя на страницах энциклопедии и ее признанные авторы. Так, традиционно причисляемый к ругу энциклопедистов стареющий Монтескье смог одарить издание только одной своей статьей - "Вкус"⁸, в то время как Дидро, например, был автором более 1200 статей, соревнуясь в продуктивности и преданности делу только со своим бессменным помощником, рудололюбивым и благородным эрудитом шевалье Луи де Жокуром.

Но несмотря на то, что столь крупное и многолетнее издание е пришло (и, видимо, в те времена по объективным причинам и не огло придти) к единству взглядов и оценок, уровня и качества всех своих материалов и не смогло добиться пропорциональности вклада своих участников; несмотря на то, что в "великой энциклопедии" не удалось избежать пестроты, противоречий, недомолвок, изванных в том числе и приведшей пост фактум в отчаяние Дидро равкой издателя Лебретона, тайком вычеркивавшего в корректуре елыми кусками наиболее смелые места, излишеств и просто откровенно слабых ("пошлых", по выражению Вольтера) статей, общественное мнение справедливо восприняло энциклопедию Дидро и Д'Аламбера как руд единомышленников по общей его концепции, по общему, пронизывающему все тома пафосу отрицания старого и созидания плана нового идеологического и социального мира.

Поэтому прав был видный иезуит и дипломат аббат Жоржель, который, несмотря на наличие в энциклопедии многих вполне лояльных по отношению к религии и власти статей, со скорбью утверждал своих мемуарах, что труд этот послужил тому, чтобы "загасить лампа веры, разорвать узы соподчинения и дать простор свободе еловека"⁹.

Поэтому прав был и аббат-энциклопедист Рейналь, уверявший в своем отзыве на I-й том энциклопедии, что это "одно из произведений наиболее последовательных, наиболее философских, наиболее

светлых, точных, сжатых и наилучше написанных из всего, что имелось на французском языке"¹⁰.

В этой связи следует подчеркнуть, что конструктивная роль "Энциклопедии", воспринятой на уровне высших ее достижений и общего идейного замысла, была не менее важна, чем деструктивная, и программа энциклопедистов - как в области социальной политики, так и в области эстетики - обладала, несмотря на видимые противоречия, глубинной цельностью и единством. Общепросветительский культ "естественного человека" опровергал всю систему сословной феодально-аристократической иерархии и реабилитировал социально и нравственно принижавшее "третье сословие". Этот культ прокламировала и "Энциклопедия". Дидро, сын ножовщика, вместе со своими сподвижниками впервые в истории энциклопедистики ввел в свое издание раздел "механических искусств" - ремесел - и счел необходимым подробнейшим образом, с приложением выкроек, чертежей, описаний технологических процессов, рассказать о каждом из них¹¹.

Уважительное отношение к промышленному труду, земледелию, торговле, подчеркивание особой важности этих занятий для процветания государства и нации, прославление мирной деятельности - в противовес военным подвигам и церковной аскезе - явное предпочтение трудового сословия аристократическому сочетались на страницах энциклопедии с острым сочувствием к положению простого люда и критикой его притеснителей. Вот что говорилось, например, в статье "Народ" (т. I2, 1765), написанной Жокуром:

"Некогда во Франции на народ смотрели как на наиболее полезную, наиболее ценную, а потому и наиболее уважаемую часть нации... Я же наблюдаю их (рабочих и земледельцев - Г.Я.) образ жизни с сочувствием; обнаруживаю, что этот рабочий живет либо под соломенной кровлей, либо в ... лачугах... Он встает вместе с солнцем и.... надевает своё платье, одинаковое для всех сезонов, копает наши рудники и каменоломни, осушает наши болота, чистит наши улицы, строит наши дома, изготавливает нашу мебель; когда он почувствует голод, ему согрится все, и когда кончается день, он тяжело засыпает в объятиях усталости.

Другой человек из народа - земледелец - до зари поглощен поевом на нашей земле, пахотой на наших полях, орошением в наших садах. Он терпит жар, стужу, высокомерие вельмож, заносчивость богатых, разбой откупщиков и грабеж их приказчиков, а так-

потравы диких зверей, которых он не может прогнать со своих древних полей в угоду прихотям власть имущих"¹².

Так энциклопедия, аккумулируя гуманистические социальные тенденции просветителей, объективно поддерживала развитие нового, "этьесословного" жанра - мешанской драмы, теорию которой разютал и драматургические примеры которой дал сам Дидро и в русской которой творили М.Ж.Седен, П.О.Бомарше, Л.С.Мерсье, она приотствовала появление на сцене (и вообще в литературе) нового, "этьесословного" героя - уже не комического или периферийного персонажа канонического классицизма, но носителя истинных добродетелей, глубоких чувств, гражданственных устремлений, вполне гетакующихся с простотой быта, трудовой жизни и нравов этого люда.

По традиционному мнению исследователей, единственная область, которой энциклопедия Дидро и Д'Аламбера не явилась проводником новых идей, была именно область литературы, риторики, поэтики¹³. Иствительно, на первый взгляд Мармонтель, редактор и основной тор этого раздела, равно как и принимавшие в нем участие Вольро, Дидро, Дикло и др., не смогли отрешиться от преклонения перед признанными литературными авторитетами классицизма и целиком гались в рамках нормативной эстетики. В этом смысле энциклопедические статьи Мармонтеля, собранные им впоследствии в книге "Основы литературы" (*Eléments de litterature*, 1787), уподоблядаже знаменитому многотомному "Лицею, или Курсу древней и новой литературы" Ж.Ф.Лагарпа, отличающемуся догматическим стремлением канонизировать эстетические нормы французского классицизма. Иако весь дух энциклопедии был духом свободы, а не конформистского авторитета, духом раскованной мысли, сомневающейся в общезнанном, отвергающей установленное и критикующей действительность, если оно не представлялось разумным; был настолько проникнут духом антигитирании и антидеспотизма в политической жизни, а в ровоззрении - духом отрицания непреходимых границ между всеми -лениями природы, науками и искусствами, проецирующимися и нациальную структуру общества, - что уже это само по себе мощно отествовало против идей жестокой нормативности и непреложных авил в любом виде творчества.

Для правильного понимания литературно-эстетической программы энциклопедистов необходимо обратиться и к решению ими проблемы взаимосвязи чувства и разума - проблемы, столь важной не только для социальной философии, но и для эстетики просветителей¹⁴.

Вопреки устоявшемуся мнению о том, что известная "ссора философов" (между Вольтером и Руссо), отражая полноту социально-политических программ просветительства (наиболее умеренной и революционно-плебейской), как бы символизировала в то же время противостояние апологетов разума, "цивилизации" (Вольтер) и чувства, "природы" (Руссо) в просветительской философии и, соответственно, эстетике, - представляется более оправданным искать принципиально общее в идейно-эстетической платформе просветителей, искать его не с помощью вышеназванных категорий. Потому что даже в век Разума, век Просвещения не разум мог выступать как единственный критерий созвучности эпохе, а добытая рассуждением, знаниями и чувственным опытом идея общечеловеческого равенства, тот самый культ естественного человека, о котором говорилось выше, принцип антииерархического, антиэлитарного, антисословного, демократического мышления.

Вопрос же о том, что считать главным аргументом равенства людей - их способность мыслить или способность чувствовать, то в данной связи он представляется второстепенным. (Тем более, что мы с высоты XX века уже видим, как в далекой перспективе споры о прерогативе разума или чувства сводятся, в конечном итоге, к единой цели: согласовать дерзания жизнелюбивого разума с четкими этическими установками, "вписать" природу в развитие цивилизации).

Возможно, в энциклопедической статье "Политическая власть", написанной Дидро и провозглашавшей: "Свобода - это дар небес, и каждый индивид имеет право пользоваться ею, как только он начинает пользоваться разумом"¹⁵, Руссо заменил бы слово "разум" на слово "чувство". Но это не меняет того обстоятельства, что для Дидро, по точному замечанию некоторых исследователей, своего рода "среднего звена" между Вольтером и Руссо, ближе всех из просветителей подошедшего к материалистической диалектике и мощнее всех участников отметившего своим влиянием энциклопедию, - разум и чувство совсем не выступали в категорической антиномии. Напротив, для него (как справедливо показано, в частности, в ряде оте-

ственных работ)¹⁶ разум - высшая форма чувства, ощущения, упорядочение и осмысление последнего.

Поэтому и не выявляется, на наш взгляд, принципиальной разницы между программной статьей Дидро "Прекрасное" ("Le Beau") в I-м томе "Энциклопедии" (1752) и его теорией "мещанской драмы", разработанной в "Беседах о Побочном сыне" (1757) и "Рассуждениях о драматической поэзии" (1758), равно как и реалистическими тенденциями художественной критики "Салонов" (1759-1781) даже требованиями условности сценической игры в "Парадоксе об актере" (1773-78, изд. 1830). То, что зачастую трактовалось либо как стадии эволюции эстетических взглядов Дидро (от классицизма к реализму, а потом - снова к классицизму, но уже другого уровня), либо как проявление противоречий в эстетике Дидро, - представляется достаточно целостным и "синхронным", хоть и динамичным в системе дидротовских представлений об искусстве. Так, статья "Прекрасное" Дидро выдвигает важный для реалистической эстетики принцип объективности существования прекрасного, но при этом признает и наличие некоего первообраза последнего - не отсутствующего в человеке изначально (в отрицание декартовских атальных "врожденных идей"), но воплощенного в реальном образце, едином для всех времен и народов, а именно - в античном искусстве. Согласно мнению Дидро, человек, испытывая эстетическое удовольствие от переживания структурной целостности созерцаемого предмета (гармонии отношений между его частями, между предметом и природой и т.п.), имеет в виду, в качестве точки отсчета, тот идеальный образец. Не как единственно возможный, но как лучший пример простоты, естественности, глубины содержания и совершенства формы в искусстве. Таким образом, речь здесь идет не догматически предустановленной гармонии (в отличие от канонических классицистов, видящих источник ее в гармонии одухотворенной Вселенной, для Дидро гармония в искусстве зависит от человека, творящего и воспринимающего, и потому многообразна). Речь идет о внесении в стихийный, хаотичный, "неразумный" мир творческих явлений идеи порядка, осмысленности и сообразности¹⁷.

С этой точки зрения реабилитация в искусстве (как и в жизни) умеренного, умеренного, "нормального", трудолюбивого и полезного человеку третьего сословия отнюдь не противоречит идеям порядка, гармонии, разумности и умеренности. Только буржурский "здравый

смысл", история развития которого проходит через весь XIX век и дотягивается до нашего столетия, выступает здесь не как учредитель иерархии жанров, стилей и типов, а как ориентация на образец "естественного человека" - в неисторически абсолютизируемого и в определенной мере приспособляемого к своим задачам персонажа античности. Поэтому для Дидро свободное, раскованное изображение чувств, верность "натуре", соотносительность с идеей морального долга роднили мещанскую драму с античной трагедией, и не случайно Дорваль в "Беседах о "Побочном сыне" восклицал: "Я никогда не устану твердить нашим французам: "Правда! Природа! Древние! Софокл! Филоктет!"¹⁸. Да и в "Парадоксе об актере" требование от сценической игры дистанции разума и бесстрастия прочитывается не как призыв к рационализму академического классицизма, но как стремление пропустить через разум, "упорядочить" стихию жизни, предвосхитившее в определенной мере принцип "остранения" театра Брехта¹⁹.

Вот почему разум и чувство не диссонировали друг с другом в энциклопедии не только тогда, когда они утверждали, каждый с помощью своей аргументации, общечеловеческое равенство перед природой и обществом, но и тогда, когда они сообща выстраивали систему требований к искусству.

Ибо основополагающий принцип демократизма, широкой общественной значимости искусства выявляется и в статьях сторонника "естественного чувства" Руссо, ведущего в энциклопедии до 1757 г. музыкальный раздел и выступавшего за близость к народно-бытовой музыке с ее приматом мелодии и выразительностью, и в призывах "вольтерьянца" Мармонтеля, обязывающего критика искусства вносить в "брожение человеческого разума" "дух порядка, точности и ясности", дабы "отличить истину от предрассудка, право - от власти, долг - от выгоды... все соотносить с обязанностями гражданина, ибо это условие - основа законов и норма для нравов, от которых никогда не имеет права освободиться ни один человек в обществе"²⁰.

Искусство должно быть понятно народу, "выражать" народ и учить его - так можно сформулировать общее идейно-эстетическое кредо энциклопедистов, и не случайно прогрессивные писатели XX в. именно в этом плане воспринимали как безусловных единомышленников и

апологета разума Вольтера, и "чувствительного" Руссо, невзирая на различие их художественно-эстетических устремлений и социальных программ²¹.

Да и были ли и в чисто эстетическом аспекте писатели-энциклопедисты столь различны между собой, столь категорически полярны, как это принято думать? Они не только не раз выступали вместе в литературно-эстетической борьбе своего времени, - они и в своих торах были ближе друг к другу, чем это казалось им самим. Так, Руссо, Дидро и Гримм в одном ряду сторонников живой и непосредственной итальянской оперы-буффа поддержали ее, в противовес условному французскому придворному театру, в известной "войне оперных"; Дидро защищал Руссо как пропагандиста эмоционально-народной музыки от рационалистической критики Рамо²². А Вольтер, презиравший "чувствительность" Руссо и не любивший ни "слезливых", ни "серьезных" комедий за их поэтизацию частной жизни, тем не менее, сам создал "чувствительную" трагедию "Заира", в публицистических брошюрах выступал в защиту прав обиженного "маленького человека" и написал ряд пьес в "смешанном жанре" (*genre mixte*), где его классицистские установки соединялись с элементами "мещанской драмы": сентиментальностью, неприятельской простотой, бытовым уровнем действия. Руссо, проклинающий цивилизацию и разум, тем не менее, в "Эмиле" вполне рациональное описание того, как можно рассчетливо и регламентированно (по сути, стремясь подчинить разумным задачам неорганизованную стихию природы), постигнуть "лабораторным путем" сформировать идеального человека. Да и владение знаниями считал он для своего Эмиля не лишним, как и испытание у него способности к социальной адаптации. Дидро создал жанр бытовой "мещанской драмы", но в то же время говорил о необходимости для произведения искусства высокой гражданственности, "великой максимы". Он же, преданный поборник театра, сошелся со своим противником Руссо (вспомним его известное "Письмо к Д'Аламберу о театральных зрелищах") как на практике (ибо Руссо явился создателем жанра музыкальной мелодрамы - своеобразного аналога мещанской драмы Дидро), так и в теоретическом призыве к широко демократичному, воспевающему добродетели простых честных людей народному зрелищу. И тот же Дидро, апологет просветительского разума, высказывает в своих "Салонах" "руссоистскую" мысль о том, что разум губит поэзию (непосредственность

чувства) и что цивилизация - "седые волосы" человечества, этим еще раз подводя к убеждению, что ориентация на "сердце" среди просветителей была симптомом начинающейся переоценки веры в абсолютное могущество разума, но не антипросветительской по существу, т.к. не противоречила основному - освободительному пафосу Просвещения.

С этой точки зрения весь литературный процесс во Франции второй половины XVIII в. словно группировался вокруг энциклопедии наиболее яркого воплощения главного умонастроения времени, либеральной "притягиваясь" к ней, либо отталкиваясь от нее.

Так, в круг энциклопедистов объективно входили все те, кто независимо от личного отношения к энциклопедии, видел причину несправедливостей, пороков, невежества и суеверия в дисгармонии социального порядка, игнорировавшего целый класс общества и его ценности, - и потому требовал его скорейшего изменения.

Здесь были и Вольтер с его героико-патриотическими трагедиями и философскими повестями, и писатели вольтеровского круга: Мольер с риторически-многословными философскими романами "Великий индус" и "Инки", призывающими к религиозной и расовой терпимости, и авторы тираноборческих трагедий: Б.Сорен ("Спартак" и др.), А.Лемьерр ("Вильгельм Телль" и др.), Ж.Ф. де Латарп ("Граф Уорик" и "Кориолан" и др.).

Здесь же находился и Дидро вместе с продолжателями реалистического поиска мещанской драмы (М.Ж.Седеном, Л.С.Мерсье, П.К.О.Бомарше). В том же лагере были и руссоист Н.Ретиф де Ла Бретонн, и создатель тонкого социально-психологического романа "Опасные связи" П.Шодерло де Лакло, и даже сочинители стихов в стиле позднего рококо, если они, подобно Вольтеру и отчасти Э.Парни, умели использовать их для выражения вольнодумства и гражданского протеста.

В то же время решительно не принимали энциклопедистов все те, кто боялся и не желал общественных перемен. Великая французская революция 1789-1794 гг., к которой призывала "Энциклопедия" Дидро и Д'Аламбера, в тысячах своих статей о правах народа, об ответственности государей, о многочисленных пороках в социальной, экономической, юридической, культурной жизни страны, дала самый убедительный и для тех лет беспрецедентный пример того, какой

лучшей действительностью может обладать печатное слово, если оно умеет точно уловить дух эпохи и адекватно выразить его. Именно благодаря этому энциклопедия не только во многом подготовила реальные исторические события ("Человечество находит накануне великого переворота, и этим оно обязано прежде всего энциклопедии", - писал Вольтер к Дидро в связи с работой над изданием),

но и обозначила в принципе программу развития литературы революционного периода.

В самом деле, идеи и темы энциклопедии, бывшие передовыми идеями и актуальными темами своего времени ("естественные права" человека, антифеодализм, антидеспотизм, антиклерикализм, уважение к труду и моральным установлениям, право на ниспровержение жестокой и несправедливой власти и т.д. и т.п.), с необычайной активностью воплощались в драматургии, поэзии, публицистике сторонников революции, определяя магистральное русло литературного процесса.

Как и в литературе предреволюционного периода, в это русло вливались произведения различных художественно-стилевых ориентаций. Но, естественно, с поправкой на историческое время.

Так, в литературе революции гораздо сильнее, чем прежде, делался акцент на выдвигавшихся энциклопедией идеях активности масс, гражданского характера добродетели, пропагандистского назначения искусства, идее счастья как всеобщего закона существования, трактовавшегося в специальной энциклопедической статье "Счастье" в антимистическом, антирелигиозном духе, как результат справедливого общественного устройства и воплощения полноты и осмысленности реального, земного бытия каждого человека²⁴.

С этим связан и подчеркнуто героический, активный характер классицизма в литературе революции, так называемого революционного классицизма, который соответствовал, кстати, динамичному актуализированному восприятию античной классики энциклопедистами Дидро, Вольтером и Мармонтеlem, видевшими в шедеврах древних не только образцы, но воплощение законов, побуждающих к собственному совершенствованию).

Обостряется воинственно-республиканский характер пьес наследников Вольтера: М.Ж.Шенье, потрясающего публику трагедиями "Карл

IX, или Урок королям", "Кай Грах" и др.; А.В.Арно ("Марий в Минтурнах", "Лукреция"), Ронсена ("Людвик XII", "Лига фанатиков и тиранов"). До высочайшей патетики поднимается ораторски-декламационная, торжественно-ритмическая поэзия революционного классицизма: оды и гимны М.Ж.Шенье, "Гиндара революции"

П.Д.Э.Лебрена, Т.Руссо, К.Ж.Руже де Лилия, Т.Дезорга, апеллирующих к абстрактно-просветительским категориям Разума, Свободы и т.п., столь привычным в аргументации и стилистике энциклопедии.

В мешанской, буржуазной драме ослабевают интерес к камерной, бытовой тематике; происходит "политизация" семейного конфликта, выведение действия из стен дома на площадь (комедии Ф.Ф.Фабра д'Эглантина, пьесы Колло д'Эрбуа, Камайя Сент-Обена, С.Бож, гр-ки Вильнёв, Л.Лэйа, Сизо-Дюплесси). Мощное социальное звучание - в соответствии и с энциклопедической постановкой проблемы - обретает антицерковная тема, и не только в "высокой" трагедии, но и в "низовой" мелодраме, особенно популярной в театрах парижских бульваров ("Монастырские жертвы" Ж.Монвеля).

Так просветительские "чувствительность" и "рационалистичность", диалектически примиренные на страницах энциклопедии в качестве равноправных (или почти равноправных) выразителей человеческой "естественности" (и, следовательно, человеческого равенства), в литературе революции тоже выступают в едином строе.

Поэтому как своих предтеч восприняла Революция и Вольтера, и Руссо, и в ее литературный обиход с одинаковой стремительностью вошли ранее запрещенные антифеодальные и антиклерикальные произведения писателей энциклопедического круга разных стилевых направлений: Дидро, Лагарпа, Дюкло...

Вера в прогресс через раскрепощение личности и отмену угнетения человека человеком была общей доминантой мировоззрения энциклопедистов, о чем уже говорилось выше, - независимо от того, мыслился ли этот прогресс через возврат к природе или через развитие цивилизации. Глубокий оптимизм энциклопедистов, основанный на убеждении в "правильности" человеческой природы и вытекающих отсюда надеждах на конечную победу разума и справедливости, энциклопедическая трактовка счастья как потенциально равного удела всех людей нашли отклик в мажорном, жизнеутверждающем тоне большинства произведений писателей революции, -

в том третьесословном оптимизме восходящего класса, который так ярко выразил, наряду с "Фитаро" Бомарше, "Жак-фаталист" Дидро (впервые изданный на немецком языке в 1792 г.).

Признание общественной природы человека, многократно обусловленное в энциклопедии и имеющее своим эстетическим аналогом требование Дидро в работах о театре изображать не характеры (постулат классицизма), а общественное положение (попытка реалистической типизации), также в значительной мере сказалось на принципах художественного освоения действительности в литературе революции, где образ добродетельного героя третьего сословия давался в непременном противопоставлении развращенным, паразитическим и лицемерным дворянам и клирикам, неизбежно доказывая при этом гражданское и моральное превосходство над ними.

Утверждение общественной природы человека естественно подвело энциклопедистов к провозглашению принципа общественной значимости искусства, прокламации пропедевтических, воспитующих иставляющих функций художника, что находило самое непосредственное выражение в литературе революции.

Стремлению Руссо, Дидро и Мерсье к широкому демократическому театру, к открытому и "учительному" искусству вообще оказались созвучными яркая фарсово-гротескная революционно-плебейская драматургия ("Страшный суд над королями" С.Маршала, пьесы Резикура, Раде, Дефонтена), многочисленные публичные зрелища, народные празднества, ярмарочные представления, популярные, злободневно-агитационные песни-прокламации и политические куплеты (Маршалль и др.) революционной Франции.

Разумеется, разнообразие и мощь революционной литературы не исключали идейно-политического ее многообразия, наряду с эстетическим, и даже противоречивости, что отражало реальную противоречивость революционного процесса, зерна которой заложены были уже в просветительском движении и в обобщающем своде его идей - "Энциклопедии".

Страх перед народным восстанием, выраженный наиболее откровенно в энциклопедической статье "Толпа"; буржуазный здравый смысл, не только осуждавший праздную роскошь, но и зорко стерегущий "законное" состояние; не только унаследованное многими просветителями (в том числе Вольтером) от аристократического рационализма предшественников противопоставление динамичных носителей Разума косной,

хотя и нуждающейся в заботе массе, но и дидеротовская идея просветительского реализма, предвосхитившая ряд специфических как как разумного соответствия явлений, руссоистский культ личности, явившиеся одними из теоретических предпосылок революции, все это могло стать отправными точками и для ее изначального притяжения (Мармонтель), и для отхода, под влиянием революционных событий, от умеренно-просветительских (А.Шенье) и даже радикальных (Мерсье) взглядов на контрреволюционные или близкие к ним позиции.

Тем не менее, место и роль энциклопедии как целостного историко-культурного явления в литературной борьбе конца XVIII в. было вполне однозначной - и не только в идейно-политическом, но и эстетическом плане. Ибо, в противовес предромантическим тенденциям ухода от реальности, вызревающим в творчестве противников социальных потрясений, энциклопедия, всецело обращенная к действительности и требующая вторжения в нее, соотносящая с насущными социальными проблемами и философские понятия, и положительные знания, и нравственные установления, стимулировала развитие именно реалистических тенденций во французской литературе.

В этой связи нельзя не отметить (вспомнив уже приводившуюся в статье высокую оценку энциклопедии как произведения французской письменности аббатом Рейналем) и такие литературно-художественные достоинства данного труда, как простота, ясность и выразительность языка (обогатившего к тому же отечественный литературный лексикон многими терминами промышленности, сельского хозяйства и т.п., доселе не упоминавшимися даже в академическом Словаре французского языка); отсутствие цветистости, тяжеловесности и высокопарности стиля, - при всем тяготении к философичности и остроте полемического пафоса, при всем публицистическом накале изложения в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера, нашедшем отдаленный отзвук в речах Марата, Робеспьера, Сен-Жюста, Луве де Кувре.

(Здесь также можно видеть преломление классицистских установок авторов издания - грамматистов С.Дюмарсе и Н.Бозе - с общим демократическим и динамично-критическим настроением энциклопедии).
Естественное для энциклопедии пристрастие к факту, документу, конкретному событию и реальному лицу, свойственное ей пристальное внимание к обывательской жизни не только третьего, но "четвертого" сословия - все это также предлагало своеобразную программу

просветительского реализма, предвосхитившую ряд специфических эстетических особенностей литературы революции.
Более того, не в энциклопедии ли следует искать и один из истоков развития жанра физиологического очерка во французской словесности предреволюционных и послереволюционных лет ("Картины Парижа" и "Новый Париж" Мерсье, "Парижские ночи" Ретифа де Ла Брета, в перспективе ведущего к обличительному реалистическому роману Франции XIX в.?

И не "Энциклопедия" ли Дидро и Д'Аламбера, впитывавшая на протяжении четверти века издания важнейшие идеи, факты, открытия своего времени и уже этим преодолевающая многие предрассудки (например, относительно полного регресса и застоя Средневековья), первые вполне раскрыла революционные возможности знания как такового и сумела правдивым и страстным рассказом о колониальных завоеваниях и работорговле, доселе неведомых широкой французской публике, не только возбудить гражданские и интернациональные чувства читателей, но и послужить дополнительным стимулом для создания в годы революции такого произведения, как роман Лавалле "Негры, аких и белых мало"?

Что же касается бытования в рамках собственного научно-популярного справочного жанра, то энциклопедия французских просветителей явила собой первый и до сих пор непревзойденный по силе общественного воздействия образец энциклопедии нового типа, соединив науку с мировоззрением и фактологию с публицистикой, выразительности объективного содержания эпохи и стимулятора прогрессивных социально-политических и культурных процессов как в своей стране, так и за ее пределами²⁵.

1 См.: Акимова А. Дени Дидро. М., 1963. С. 115 и др.
2 Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Mis en ordre et publié par M. Diderot, de l'Académie Royale des Sciences et des belles-Lettres de Pruffe; et, quant à la Partie Mathématique, par .D'Pruffe, et de la Société Royale de Londres. (P., 1751-1780). 1751-1765 гг. вышли 17 томов текста, в 1771 г. - II томов чережей и гравюр; в 1776-1777 - 5 дополнительных томов, в которых Дидро, по утверждению большинства исследователей, участия не принимал; в 1780 г. вышли 2 тома указателей. С 1759 г. издание вышло нелегально, с обозначением вымышленного швейцарского издателя.

3 См. в: Дробинский А. И. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и энциклопедическая литература. М., 1958.

4 См. в: Морле Й. Дж. Дидро и энциклопедисты. Пер. с англ. М., 1882; Дюкро Д. Энциклопедисты. Пер. с фр. СПб., 1906; Розанов М. Н. Очерк истории французской литературы эпохи "просвещения". М., 1916; Волгин В. П. Дидро и "Энциклопедия" // Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1958; Либинзон З. Лекции по французской литературе XVIII в. Горький, 1960; Луппол И. К. Дени Дидро. Очерки жизни и мировоззрения. М., 1960; Барская Т. Дидро. М., 1962; Акимов А. Дени Дидро. М., 1963; Длугач Т. Б. Дени Дидро. М., 1975; Rosenkranz K. Diderots Leben und Werke. 1866; Avezas-Lavigne C. Diderot et la société de baron d'Holbach. P., 1875; Le Gras T. Diderot et l'encyclopédie. P., 1942; Litske Th. Denis Diderot-Skizze eines europäischen Lebens. B., 1949; Proust T. Diderot et l'encyclopédie P., 1962; Gornu L. Diderot - un grand européen. P., 1971; Wilson A. M. Diderot. N.-Y., 1973; Chouillet T. Diderot. P., 1977.

5 См. в: Луппол И. К. Дени Дидро. С. 52.

6 См. в: Акимова А. Вольтер. М., 1970. С. 311.

7 См. в: Луппол И. К. Дени Дидро... С. 41.

8 В статье использованы материалы незаконченного эстетического трактата Монтескье "Опыт о вкусе" ("Essai sur le goût").

9 См. в: Луппол И. К. Дени Дидро... С. 51.

10 Там же. С. 41.

11 Демократический пафос энциклопедии Дидро высоко ценили прогрессивные писатели Франции последующих веков. Так, Анатоль Франс в "Речи, произнесенной на празднестве в честь Дидро, друга народа, в зале Ваграм" 29 июля 1900 г. утверждал: "Энциклопедия", которой он задумал столь гениально и столь смело осуществлять, представляет собой первый великий перечень трудов, принесенных пролетариатом в дар обществу... (Дидро) всем своим существом обращен к будущему и... провозгласил новую эру - эру пришествия пролетариата... Дидро с энтузиазмом и упорством создавал родословную труда, дабы поставить ее выше родословной дворян и великих мира сего... Дидро... великий слуга народа, защитник пролетариата" (Франс А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 380-381).

12 Жокур Л. де. Народ // История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 82-83.

13 См. в: Либинзон З. Лекции... Дени Дидро.

14 См.: Чалай З. Проблемы театра в эстетике Дидро. М., 1936; Гачев Д. И. Эстетические взгляды Дидро. М., 1961; Верман И. Е. Эстетика Дени Дидро // Верман И. Е. Проблемы художественного познания. М., 1967; Бахмутский И. В. Эстетика Дидро // Дени Дидро. Эстетика и литературная критика. М., 1980.

15 Encyclopédie... L'Essentiel. Les articles les plus significatifs de Diderot, d'Alembert... et. Choisis et présentés par Alain P., 1963. P. 137 ("La liberté est un présent du ciel, et chaque individu de la même, espèce a le droit d'en jouir aussitôt qu'il jouit de la raison").

16 См. упомянутые выше статьи Вермана и Бахмутского.

17 См.: Crocker., Lester G. Diderots chaotic Approach to synthesis. Princeton. Ind., 1974; Brem-G., Order and Chaoce: the pattern of Diderot's thought. Bridge, 1983.

18 Дени Дидро. Эстетика и литературная критика... С. 166.

19 См.: Kesting M. Brecht und Diderot. Brecht und der Kesting M. Entdickung und Destruktion. München, 1970.

20 Мармонтель Ж. Ф. Критика в искусстве // История энциклопедии Дидро и Д'Аламбера... С. 270.

21 См., напр., основополагающие в литературной критике Г. Манна "Дух и действие" и "Вольтер и Гете", где представителями критической традиции французской литературы, противопоставляемого холодно-отчужденному и отвергаемому Манном литературному истократизму", выступают рядом и Вольтер, и Руссо.

22 В ответ на критику Ж. Ф. Рамо "Ошибки по вопросам музыки в энциклопедии" Дидро написал в защиту Руссо брошюру "Уведомление тому" (1756). Также объединяло Дидро и Руссо общее восхищение С. Ричардсоном. Об эстетической близости обоих просветителей также в: Иванов И. Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII в. М., 1895.

23 См. в: Акимова А. Дени Дидро... С. 238.

24 См.: Mauzi R. L'idée du bonheur dans la littérature et l'essence française au XVIII siècle. P., 1960.

25 Почти одновременно с выходом во Франции энциклопедия издана в Италии, Швейцарии и др. странах. Большое влияние оказало на духовную жизнь Германии. В Москве в 1767 г. создано общество, имевшее целью издать "Переводы из энциклопедии" под редакцией М. М. Хераскова. Отдельные статьи из энциклопедии печатались в русских журналах. К настоящему времени на русском языке вышло несколько сборников переводов статей из энциклопедии.

И

Л. Р. Вдовиченко (Тольятти)

ТРАКТАТ АДОЛЬФА КНИТТЕ "ОБ ИСКУССТВЕ ОБХОЖДЕНИЯ С ЛЮДЬМИ"

КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕАЛОВ

ПЕРИОДА ПОДГОТОВКИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Многообразном, разножанровом художественном творчестве не-
этого писателя-просветителя Адольфа Книтте есть произведения,
уже можно по праву назвать "краеугольными", так как они

синтезировали в себе нравственные, философско-эстетические социально-политические проблемы. Одним из таких сочинений является трактат "Об искусстве обхождения с людьми" (1788). Написанный всего за год до революционных событий во Франции, он был для Книгге как серьезное выражение буржуазного идеала воспитания в период подготовки революции. Революционная символика заложена уже в самом названии книги. Слово человек в тот период было знаменем просветительского движения. Рядом со словами свобода, равенство, братство, счастье, права человека оно воспринималось как нерушимый, вечный символ. Для просветителей эти идеи означали идеологическую позицию, с которой велась критика жившей себя феодальной системы.

Трактат "Об искусстве обхождения с людьми" после своего выхода в свет принес автору европейскую известность. Секрет этого успеха заключался в тех глубоко демократических тенденциях, которые содержались в произведении. Особый акцент делался в нем на принципах взаимоотношений между людьми из всех сословий и классов. Автор предлагал моральный кодекс поднимающейся буржуазии. Книга явилась значительным для того времени политико-педагогическим вкладом в борьбу буржуазии за свою политическую самостоятельность.

Сочинение А.Книгге - это плод многолетних наблюдений над взаимоотношениями людей, результат размышлений о природе человека, сущности его общественного бытия. Произведение вообрело в себе и отразило, как в зеркале, большие задачи развития личности общества, их взаимосвязи и взаимовлияния. Трактат Книгге связан с морально-этическими проблемами времени, которые на всем протяжении XVIII века остаются основополагающими, подчиняя себе все остальные.

В пропаганде нравственных вопросов большую роль сыграли еженедельные "нравственные" издания - одно из характерных явлений духовной жизни Германии. Журналы выдвинули на первое место изображение буржера, поставили своей задачей сделать его честным, полезным, добродетельным. В то же время журналы решали и более узкие вопросы: привить буржуазному читателю правила семейного быта, домашнего хозяйства. В этих "нравственных" изданиях считали для себя честью выступать такие известные деятели культуры Германии XVIII в., как Готшед, Геллерт, Кампе, потому что, по их представ-

лением, художник должен быть прежде всего добросовестным гражданином, который придает своим сочинениям как можно больше поучительности.

Книгге своим трактатом, с одной стороны, продолжает морально-просветительскую деятельность предшественников, но, с другой стороны, он не ограничивается только задачами нравственного воспитания, а выходит за их пределы, в мир более широкий, более актуальный - в социально-политический мир предреволюционной эпохи.

Композиция произведения направлена на то, чтобы более полно раскрыть поставленные автором задачи. Первая часть трактата обращена как бы к "человеку вообще", высвечивает человеческую природу в целом. Автора здесь интересуют типы человеческих темпераментов, характеров. В построении отдельных глав своего сочинения писатель наиболее близок античной традиции - Аристотелю, Теофрасту. Так, например, в третьей главе дается описание основных четырех темпераментов, их смешанных форм, производных от них или присущих им качеств добродетели и порока. Индивидуализируя разнообразные человеческие характеры, Книгге выделяет в них "стержневую" доминанту, отталкиваясь от основных типов. Так в окружающем его мире появляются люди честолюбивые, властолюбивые, высокомерные, застенчивые, алчные, коварные - на одном полюсе, а на другом - чувствительные, добросердечные, дружелюбные и любвеобильные. При этом Книгге не просто описывает темпераменты и характеры. В своем повествовании он вплетает примеры и анекдоты, разнообразит абстрактную мораль юмористическими и сатирическими замечаниями, усиливая тем самым воздействие своей книги на конкретного читателя. Недаром современная автору трактата немецкая романистка Софи Эрнст писала: "Читайте эту книгу и рекомендуйте ее своим друзьям и подругам. Я убеждена, что она вызовет хорошие поступки, предупредит от ошибок и глупостей, усилит страстное желание знать"¹.

Занимают писателя и более частные вопросы, но такие, которые остро отражают "лицо века", например искусство переписки (не забудем, что XVIII в. - время расцвета эпистолярных жанров).

Во второй части трактата от рассуждений о "человеке вообще" Книгге переходит к размышлениям уже о "герое своего времени" - буржере. Автор рассматривает и природные фазы его бытия: юность - зрелость - старость, и современное его общественное состояние.

Общественным положением бюргера, человека третьего сословия, лишённого возможности активной государственной деятельности, жизнью при дворе, являлась его семья. Семейные проблемы, нравы, традиции, супружество и воспитание детей, связи и отношения между родниками - все привлекает внимание Книгге. Как истинный просветитель, он, изображая семейные бюргерские добродетели, утверждает гуманистические идеалы третьего сословия.

В главах о бюргерстве Книгге часто употребляет понятия "Biederkeit" и "Biederkeit". Это внешние выражения честности, справедливости, гражданственности бюргера и бюргерского образа жизни. Воспитать бюргера Biederkeit'ом - вот цель воспитания, направляющее требование, которое ставит перед третьим сословием автор. При этом необходимо отметить, что Книгге счастливо избегает апологии бюргерства, "обуржуазивания" его, которое всегда связано с определенной ограниченностью и узостью мировоззрения.

В некоторых разделах своего сочинения писатель рассматривает также профессиональные стороны и интересы бюргерского бытия. В поле зрения автора попадают врачи, юристы, пасторы, губернаторы, торговцы, мастеровые - все те профессиональные прослойки, которые в конце ХУШ в. объединялись еще недифференцированным понятием "народ". Однако уже среди "народа", "третьего сословия", демократии Книгге различает хозяев и слуг, господ и подчиненных.

В третьей части трактата автор прямо подходит к противопоставлению бюргерства господствующим сословиям - дворянству и духовенству. Именно в этом разделе сочинение Книгге приобретает социально-политический аспект, выражает революционную направленность. Книгге использует в произведении возможность развенчать тот авторитет, которым в течение долгих веков пользовались высшие сословия.

Первое правило, которое преподносит Книгге, гласит: "Каждый человек в этом мире стоит ровно столько, во сколько он сам себя оценивает" (I.I.I.)². Из дальнейшего социологического углубления и пояснения становится очевидной вся этическая и общественная ответственность, стоящая за этой фразой. "В точности соизмеряй свое поведение по отношению к придворным с их поступками относительно тебя самого. Это люди такого сорта, что, протяни им палец, они отхватят всю руку. Отвечай гордостью на гордость, хо-

лодность, дружелюбием на дружелюбие, короче говоря, давай не больше и не меньше получаемого. Следование такой осторожности имеет много преимуществ. Утонченные светские ветви, которая раскачивается от ветра, поскольку едва ли имеют представление о собственном достоинстве, их действие во всем основывается на внешнем эффекте" (3.3.IO), убеждает Книгге своего читателя. И далее еще более твердо: "используй аристократическую спесь или высокомерие против призрачного льстеца, чтобы у него не появилось и мысли подтрунивать над тобой. Эти рабские души дрожат перед превосходством знающего, последовательного человека" (3.3.II).

Честный человек бывает порой обезоружен в этом мире, когда видит, как какие-нибудь "благороднорожденные дураки, получившие от рождения все блага мира, взируют на него презрительно с высоты своего величия" (3.2.2). Именно поэтому необходимо воспитывать здоровое чувство собственного достоинства в благородных, умных и честных людях: "Дорожи собственной оценкой! Никогда не теряй доверия к самому себе, сознания своего человеческого достоинства" (I.2.5). По мысли автора, буржуа, ремесленники, крестьяне должны осознать себя полезнейшими членами общества, чтобы противостоять достойным образом правящей пока еще аристократии. Паразитирующему на шее народа "благороднорожденному классу" они должны противопоставить свою силу и созидательную деятельность. Одно из наиболее общих правил в искусстве общения с великими мира рекомендует: "Не ищи и не требуй себе авторитета, если ты и так принадлежишь к классу деятельных, созидательных и предприимчивых людей или по крайней мере пользуешься его значительным доверием" (3.2.2). И это вовсе не апология бюргерского самодовольства, не проповедь "золотого, удобного, среднего пути", как об этом напишет Варнгаген фон Энзе в рецензии на издание "Искусства обхождения" (1844)³, или как обычно трактовали Книгге, понимая его превратно. Скорее, это призыв обратиться к собственным силам и умениям, осознанию превосходящих моральных достоинств, которые не нуждаются в снисходительном признании: "Твори себя сам! Не вводи никого в заблуждение по поводу своего происхождения! Не стыдись его! Тогда ни высшие, ни те, которые ниже тебя, не смогут отказать тебе во внимании" (3.I.4), - должен убеждать Книгге. Долой фальшивую видимость, лицемерие

и кичливость! "Плати презрением тем, - советует автор, - к основываясь на старинном авторитете, еще пытается играть ведущую роль в мире, когда на самом деле это уже крах!" (3.2.2). Чем, собственно, выделяются представители правящих классов? Только лишь "высокомерной снисходительностью, деловитой проницательностью, опустошенностью, надменностью, бездушными разговорами, двуличием, ветреной бесчувственностью, подобострастием перед всем иностранным, презрением к родному языку, безграмотностью и даже комическими жестами, привычками и болезнями, бормотанием, шушуканьем, грубостью по отношению к низшим, подагрой, запятыми домами, дурным расположением духа и тому подобными великими преимуществами" (3.1.4.). Никакой благородный человек не станет ведь перед этим преклоняться, льстить их самолюбию, носить их прихоти, поддерживать высокомерие, - считает писатель. Он рекомендует вообще избегать этих людей. Но если все же избежать этого не удастся, то ни в коем случае нельзя поступать с ними бесчестно и совестью, уподобляться любимчикам и фаворитам вечности интригами министров, лукавых придворных, бездельничавших светских красавиц.

Книжке подвергает резкой критике не только дворянство. Много места уделяется в его сочинении развенчанию тесно связанной с аристократией духовенства. Автор возмущается его безмерным тщеславием, нетерпимостью и деспотизмом, "чванливостью без границ" и клеймит позором поповщину: "Скупые, алчные, похотливые, пренебрежительные, жорливые, льстецы перед великими и богатыми, высокомерные и неприступные перед низшими, полные зависти и подобострастия перед себе подобными, они большей частью виновны в том, что так широко распространилось нынче презрение к религии" (3.4.1.). Что можно предложить священнику верующему человеку, исповедующему "чуждую веколюбивую" религию? Способность тонко разбираться в душе, веротерпимость или хотя бы снисхождение к заблуждениям? На этот вопрос автор отвечает сам, продолжая разоблачать сущность представителей духовенства: "Ортодоксы - их пароль, слепая вера и молитвы в честь господ бога; они могут до смерти преследовать невинного бургера, который видит разницу между религией и богословием, не заискивает перед пастором и не жертвует (на церковь). Их месть ужасна, их враждебность непримирима (я знаю это из собственного опыта) против того, кто не склоняет головы перед

скуплетром, или не хочет молчать по поводу их злостных выпадов" (3.4.1.). В своей резкой критике духовенства и его основных черт, несущих на себе отпечаток принадлежности к правящей верхушке, Книжке выходит за пределы своего времени. Исходя из своих критических воззрений на церковь, он дает порой советы и в духе атеизма.

В своем сочинении Книжке подвергает нелицеприятному анализу не только отрицательные черты, присущие представителям правящего меньшинства и отражающие их классовую принадлежность, но и те стороны буржуа выделяет целые профессиональные группы людей, отстоящих далеко от идеалов, проповедуемых автором-просветителем. Особого внимания в этом смысле удостоиваются современные ученые и деятели искусства. Много ли среди них таких, кто своим духом развивал через посредство действительно полезных знаний и употреблял их для облагораживания своего сердца? - вопрошает автор. В своих оценках он исходит из принципиального мнения о том, что искусства и науки должны содействовать благополучию сограждан, в то время как сами ученые часто завязают "от менчивого и легкомысленного вкуса" публики.

Писатель высмеивает тех представителей "ученого мира", кто взаимовыгодно "устно или письменно хвалит и превозносит друга друга, ляпает друг другу лицеприятные рецензии балзамируя себя при живом еще теле и обеспечивая по себе блестящую память" (3.5.4.). Но не меньшее негодование автора вызывает и те, "кто не за различия во мнениях и системах бранится перед всем честным народом как базарная торговка, кто не способен сделать ни шагу ради выяснения истины" (3.5.4.). Книжке, для которого "жизненный родник правды" был превыше всего, возмущается подобной "ученой продажностью".

В среде практикующих ученых Книжке особо выделяет врачей, как "никто более не имеет такого непосредственного влияния на благополучие мира, на счастье, покой, довольство сограждан, как врач" (3.6.1.). Но и среди них царит в настоящее время несправедливость, безответственность, своекорыстие и эгоизм. То же самое относит автор и к юристам, этим, как он пишет, "привилегированным мошенникам". Призванные быть защитниками бедных, слабых и угнетенных от сильных, богатых и угнетающих, они на деле являются-

ся хранителями "старых римских законов, давно не соответствующих времени и обстоятельствам".

В своем сочинении Книгге разрушает устоявшиеся общепринятые представления о социальном устройстве, срывает один за другим покровы с различных общественных групп и целых классов. Как и в своих романах, он изображает здесь "реального человека действительного мира" (Бланкенбург). Великие мира сего часто оказываются жалкими негодяями, придворные и государственные служащие, духовенство и ученые мужи - подлыми и низкими тварями.

Автор трактата попытался здесь переставить акценты общественной значимости на те слои общества, которые действительно являются "полезнейшими и долженствующими быть первыми в государстве". "Добросовестный, работающий и умелый мастерской оказывается нужнейшим человеком в государстве, и то, что мы недооцениваем это сословие, делает немного чести нашим обычаям. Чем праздный придворный льстец или богатый лодырь, купивший себе за наличные титул и звание, превосходит прилежного горожанина, который добывает состояние честным трудом своих рук?" (3.6.7.) вопрошает Книгге. Мастерской (учитывая, что тогда еще не было рабочих) - это тот, кто "удовлетворяет насущные и естественные потребности человеческого общества" (3.6.8.). То же самое свойственно крестьянам, только они еще больше, чем ремесленники, эксплуатируются и угнетаются: "Крестьянин во множестве провинциальных государств живет в таком угнетении и рабстве, которое порой оказывается тяжелее, чем крепостничество в других странах. Задавленный подарками, приговоренный к тяжелым повинностям, он никогда не радуется жизни, не имеет даже тени свободы, какого-либо имущества; он обязан исключительно лишь соглашению с народом и что народ работает не для себя или своих близких, а только на своих тиранов" (3.6.9.). Тяжелое положение крестьянства особенно впечатляет своей безотрадностью и несправедливостью по контрасту с привилегиями в этой же главе картинами безудержного расточительства мелкочерговых князьков: "Если удельный князь выписывает себе свору охотничьих собак, таких, каких не имеет ни один вельможа в Европе, соседу вдруг понадобится свора придворных музыкантов, которые, по меньшей мере, создают столько же шуму. Третий, переполненный жаждой и отчаянием превзойти соседей, проедает горький труд своих ограбленных подданных в Париже, играя благородную роль отца отечества" (3.1.21.).

Та резкая критика, с которой Книгге выступает в своем "Истории обхождения с людьми", со всей очевидностью предполагала необходимость изменения общественных отношений. Как и все просветители, Книгге связывал свои помыслы об обновлении нации с воспитанием, с необходимостью и возможностью образования и просвещения людей. "Вся его беспокойная жизнь являла собой постоянное стремление к переустройству мира", - напишет впоследствии Герман Кленке в предисловии к изданию избранных материалов литературного наследия Адольфа Книгге⁴. Эта просветительская роль воспитания приводила порой автора трактата даже к оправданию, в определенной степени, злодеяний правящих классов, как следствию их ошибочного воспитания. Идеологическая позиция, из которой исходят наставления Книгге, была вполне ясной для того времени. Он писал свой труд не от имени некоего отвлеченного индивидуума, а для прогрессивной буржуазии современной ему эпохи, эпохи подготовки и осуществления реальных преобразований мира. Практическая философия жизни, выносимая автором, должна была в данном случае содействовать сознанию молодым классом буржуазии своей общественно-исторической роли. Актуальность такого произведения для тогдашней Германии бесспорна. А в 90-е гг. XVIII столетия трактат воспринимался как революционное сочинение. Например, в одном из мест книги, посвященных такому восприятию, говорится при обращении к людям мира: "Используйте время своего правления для поощрения справедливости, честности, правды и гуманности! Не уподобляйтесь тому, кто хотел бы забыть, что всем, что он имеет и чем является, обязан вернуть свои права, если вы станете злоупотреблять его доверием; что наше добро и наша собственность не только не являются нашей собственностью; что в наши просвещенные времена скоро никто не станет верить в то, что один единственный человек, возможно слабейший из всей нации, желая сделать свои права наследственными, сможет водить за нос сотни тысяч умных и честных людей" (3.1.17). Этого отрывка еще нет в первом издании 1788 г., он является лишь в третьем, датированном 1790 г.⁵ Это положение сформулировано не только под влиянием "Общественного договора" Руссо, оно несет на себе прежде всего отпечаток воздействия

событий Великой Французской революции. Эта общественно-политическая направленность определяет основное содержание трактата Адольфа Книгге - пламенного и последовательного просветителя. Она делает произведение документом большого культурно-исторического значения.

¹ La Roche S. Briefe über Mannheim. Zürich, 1871. De 13. Brief. S. 182 f.

² Knigge A. Über den Umgang mit Menschen. Berlin, 1788. В дальнейшем ссылки на это издание будут делаться с указанием соответствующей главы, параграфа и номера абзаца сочинения Книгге.

³ Beilage zur Allgemeinen Zeitung. Jena, 1844. № 297. S. 5.

⁴ Klenke G. Aus einer alten Kiste. Leipzig, 1853. S. 10.

⁵ Всего при жизни Книгге сочинение переиздавалось 5 раз.

Н. Е. Ерофеева (Общественно-политическая)

Р.Б.ШЕРИДАН И ИДЕИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ)

Отношение к французской революции в Англии не было однозначным. С одной стороны, Бёрк и те, кто его поддерживал, выступали против свободы и за ужесточение режима, с другой - Годвин, Байрон и другие радикальные писатели, которые приветствовали революцию увидев в ней защиту прав человека и его стремлений к свободе личности. Они составляли "прогрессивное меньшинство", и деятельность их ограничивалась такими политическими обществами, как "Общество революции" или "Конституционное общество", потому что "это меньшинство, состоящее, главным образом, из менее зажиточной буржуазии относилось с симпатией к революции, но в парламенте оно было слабо" ¹. В самом парламенте к "прогрессивному меньшинству" в период острой идеологической борьбы можно с полной уверенностью отнести известного драматурга и политического деятеля Ричарда Бринсли Шеридана. Идеи французской революции нашли отражение в творчестве этого писателя.

Выступая против Бёрка, который обвинил французскую революцию в жестокости и деспотизме, он не просто защищал ее, но наглядно

представил положение предреволюционной Франции и обосновал необходимость взрыва. Шеридан говорил: "Промышленность бездействовала, торговля прозябала, голод держал бедноту в своих цепких гтах, отчаяние повисло над всеми! Для такого зла не было других мер исправления, чем радикальное изменение основ и существа ей системы. Это изменение не было задачей одного лишь Национального собрания. Это было требование - крик! - всей Франции, противившейся воедино для этой цели" ².

"Шеридан был прежде всего человек общественный, не принадлежащий к числу писателей, которые преследуют в кабинетной тиши влеченные идеалы искусства", - скажет в конце прошлого столетия русский критик З.Венгеров ³. Творчество Р.Б.Шеридана, действительно, имело общественное значение. Его лучшие комедии написаны, когда в Англии уже прошла буржуазная революция. Результаты революции показали утопичность многих идей просветителей о всеобщем равенстве и братстве в антагонистическом обществе, обнажив противоречия во всех сферах общественной жизни и отразились в творчестве лучших писателей.

Задолго до свершения Великой французской революции Шеридан ставил в своих пьесах проблемы нравственности современного общества так же остро, как Конгрив, Грей, Голдсмит, Филдинг. В "Сонниках" драматург восстает против лживой сентиментальности и естественности чувств, в "Дуэнье" за веселой карнавальной атмосферой скрывалась острая критика буржуазных порядков, которые законивают власть денег, искажают человеческие взаимоотношения. "Кола злословия" собрала воедино все проблемы времени и показало состояние аристократического общества после английской и национальной французской революций. Не случайно советский ученый М.Мозов заметил: "Шеридан разоблачает "вншний свет", который по-прежнему оставался законодателем официального мнения, руководил наиболее влиятельной прессой или, точнее, приказывал ей, вознося их и подвергая других беспощадной травле по своему произволу" ⁴.

Творчество Р.Б.Шеридана стало известно русским людям в конце 18 в. Оно воспринималось ими под влиянием недавних событий французской революции. Русскую публику в равной мере интересовал и драматург, и политический оратор Ричард Шеридан. Еще в 1793 г.

в статье "Несколько слов о русской литературе" Н.М.Карамзин писал: "Мне нравится крылатое красноречие Шеридана и Фокса, но не нравится ни их холодное действие, ни однообразная интонация фраз"⁵. А в "Письмах русского путешественника", описывая процесс по делу Гастингса, на котором он побывал, русский писатель скажет о своем восприятии речи оратора: "В Шеридане более чистого жара, но менее логической силы..."⁶.

Французская революция обострила противоречия между группировками в парламенте. В это время британские власти впервые услышали с трибуны гневное обличение существующих законоположений в английском парламенте прозвучало обвинение колониальной политики современного правительства. Р.Б.Шеридан в своей пьесе "Бейгам спит" впервые в истории страны открыто представил все злодеяния англичан в Ост-Индии, которые творились под руководством наместника У.Гастингса. В речи оратор обрушился не только на частное ведение Англией дел в колониях, но и на саму колониальную систему. Он говорил: "Целые нации истреблялись ради пачки банкнот, целые области опустошались огнем и мечом, чтобы обеспечить капиталовложения... Генералы становились акционерами, дубина вошла в реквизит банкирских контор, и весь Индустан увидел британское правительство с окровавленным скипетром в одной руке, в то время как другая рука его шарил по чужим карманам". Речь, ставшая примером гражданской честности и принципиальности, получила широкую поддержку в народе. Об этом свидетельствует слова Н.М.Карамзина: "Но что англичане просвещены, соглашусь: здесь ремесленники читают Кюмову "Историю", служанка - Йорикову проповеди и "Клариссу"; здесь лавочник рассуждает о торговых выгодах его отечества и земледелец говорит вам о Шеридановом красноречии"⁸.

Политическая биография Р.Б.Шеридана наполнена постоянной борьбой. Настроения, так ярко выраженные в речи по делу Гастингса, были частью его душевного состояния на протяжении многих лет. Дело в том, что Р.Шеридан постоянно вел борьбу за независимость ирландского народа, который так же находился под игом английского владычества. Его политическая позиция по колониальному вопросу нашла отражение и в последней пьесе - трагедии "Писарро" (переработка пьесы Коцебу "Испанцы в Перу"). Один из современников Шеридана утверждал, что в этой трагедии драматург не сказал ни-

го нового по сравнению с речью на процессе Уоррена Гастингса. Наш взгляд, такое замечание подчеркивает еще раз то значение "Бейгам спит", которое не ступевалось и через несколько лет. Пьеса, трагедия написана под впечатлением наполеоновской внешней политики и направлена против нее. Однако подобное обстоятельство тоже свидетельствует о реакции английского драматурга события эпохи, о его отношении к различного рода посягательствам на права народов. Слова одного из героев пьесы, полковника Роллы, как бы продолжают мысль Р.Шеридана - обвинителя Гастингса: "В постыдном иступлении они сражаются за власть, за аво грабежа, за новые земли. А мы - за родину, за наши алтари, за свой очаг. Они похваляются, будто пришли улучшить нашу жизнь, осветить умы, освободить нас от ярма тяжелых заблуждений! Но о хочет нам дать свет свободы? Те, кто сами - рабы страстей и чности, рабы гордыни! Они нам предлагают покровительство - кое, какое коршуны дают ягнятам: крылом прикроют и сожрут! Они с призывают променять все наше достояние, все верное наше следье на сомнительное счастье игрока, на блеск замазанных полов. Ответ наш прост: мы признаем престол, освященный народным бранием, мы соблюдаем закон, завещанный от наших честных отцов, мы следуем вере, которая учит нас жить в любви ко всему человечеству и умирать с надеждой на загробное блаженство. Скажите о чужеземцам, напавшим на нас, и скажите еще, что мы не ищем ремей, и меньше всего таких перемен, которые несут нам они"⁹.

Политическая позиция Р.Шеридана на протяжении многих и многих лет оставалась предметом уважения и признательности не только современников, но и последующих поколений. В то время в английском парламенте не было более радикального и демократического в своих убеждениях человека, чем Р.Б.Шеридан. О широком интересе к нему свидетельствуют записки А.И.Тургенева за 1825 г.: Лондоне вышла "Жизнь Шеридана", изд. Муром. Все раскупают книги для автора, и для предмета, им избранного"¹⁰. Однако Р.Шеридан не всегда сохранял верность своим политическим принципам. В конце своей политической деятельности в парламенте он позволял себе переходить от одной партии к другой.

Творчество Р.Б.Шеридана неразрывно связано с событиями общественной и культурной жизни страны. "Он жил открыто, на глазах этого общества, жизнью и вкусами этого общества, стремясь за -

ности правителей, устанавливаются человеческие отношения к нейшей братии, преступнику, рабу, детям", - писал А.Веселовский¹⁶

Естественно, что отношение русской публики к драматургу тоже формировалось под влиянием французской революции. "Школа злословия", наиболее популярная и известная в репертуарах российских театров, вызвала определенные настроения у ее зрителей в этот период. Так, в Полтавском драматическом театре она ставилась во время оживления декабристского движения в 1817-1818. Именно здесь смотрели ее братья Муравьевы-Апостолы, познакомившиеся в Полтаве с героем войны 1812 г. С.Волконским. Идеи французской революции питали учение декабристов, влияли на формирование их политических и идеологических взглядов. И, конечно, драматургия эпохи Просвещения сыграла в этом заметную роль. Жизненность и актуальность комедии Шеридана не вызвали сомнений. Более того, что к началу XIX в. русский читатель, исключая тех, кто знал язык оригинала, не был знаком с "Писсаро" и другими, более ранними произведениями английского драматурга. "Школа злословия" определяется русской литературной критикой вслед за исследованиями зарубежных авторов как завершающий этап развития английской комедии эпохи Просвещения и начало нового этапа развития реалистической драматургии. "Кроме остроумия и изобретательности этой пьесы, - говорит Хэзлит, - существует подлинный дух откровенности и щедрости в ней, которое дает облегчение души и очищает легкие"¹⁷. Слова Хэзлита выражают сущность того воздействия на зрителей, которое в равной мере испытывали русские и английские почитатели театральных представлений. Но было бы огромным преувеличением говорить о всеобщем принятии творчества Шеридана. Когда в России появились первые переводные работы иностранных исследователей, русский читатель мог ощутить, насколько субъективно порой подходит критика к анализу творчества писателя. В труде Ипполита Тэна "Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы" читаем: "Какое-то странное преувеличение преобладает в дебатах, вызванных процессом Уоррена Гастингса и французской революцией, в язвительной риторике и утрированной декламации Шеридана..."¹⁸ А при разборе "Школы злословия" автор книги не скрывает своего отношения к драматургу: "У автора заготовлен большой запас... сарказмов, а потому надобно же их израсходовать; он сам говорит

там каждого из своих героев, всех наделяет одним и тем же юмом, то есть собственным, собственною ирониею, едкостью, живою выразительностью..."¹⁹. В такой характеристике произведения Шеридана невольно прослеживается связь творчества драматурга политической деятельностью. Кроме того, характер творчества драматурга выводится из характера писателя, его личностных качеств.

Ричард Бринсли Шеридан вошел в историю мировой и русской культуры как драматург и политический оратор. Через весь XIX в. прошел в этих двух ипостасях. Таким знала его и русская публика. Литературная критика, живо откликавшаяся на передовые идеи эпохи, представила русскому читателю и зрителю удивительно полную и многогранную личность англичанина, не ступившая ни на шаг назад в его творческой и общественной биографии. И хотя разнородными сведениями (как статья в журнале "Русская мысль"), они не пополнили своего значения до сегодняшнего дня. "Шеридан не принадлежит к титанам комедии, как Шекспир и Мольер, - отмечала З. Венкова, - но занимает первоклассное место среди создателей "комедии нравов". Его заслуга в английской литературе та, что он единял остроумие и живость драматургов Реставрации с тактом и энергией более прогрессивного общества. Он дал блестящие образцы современной ему комедии, которое по осмеянным Шериданом слабостям похоже на общество всех времен, - и в этом опять-таки его преимущество перед Вичерли и комп."²⁰

Мысль о свободе человеческого разума, человеческой энергии, равенства жизни воплотилась не только в деяниях французской революции. Она пропитала творчество и судьбы лучших людей эпохи, стала вдохновителем демократических сил последующих поколений. Эти революции пронизали "Бейгам спич" Р.Б.Шеридана, его трагедия "Писсаро", жили в нем до конца дней. Примечателен и тот факт, что после выступления в парламенте в защиту рабочих-луддитов Бай-с сразу пошел к старику Шеридану.

Личность Ричарда Шеридана, английского драматурга и политика, вызвала немало споров. Но всегда неизменным оставалось признание его способностей. А реакция Шеридана на события эпохиниска- уважение и признательность современников и потомков. Его карьер-

еру драматурга невозможно отделить от карьеры политика и на-
 оборот. Не случайно английский исследователь Л.Джиббс писат:
 "Интересно и поучительно размышлять над славой Шеридана, кото-
 бы он имел, если бы умер в конце 1779 года; его слава опира-
 бы на его пьесы... Его биографы и историки литературы отмечают
 бы, что его смерть раньше двадцати восьми лет несомненно умень-
 ла бы потомков многих замечательных произведений, а его несвое-
 временная кончина возбуждала бы некоторый меланхолический ин-
 терес, который мы чувствуем в творчестве Чаттертона, Китса, и
 ли"²¹.

Политическая позиция Шеридана привлекала русскую публику в
 продолжение многих лет. Ей импонировало отношение драматурга
 французской революции, к политике Наполеона, гражданская по-
 зиция в парламенте. Идеи французской революции пропитали всю
 общественную и культурную жизнь России в XIX столетии, опреде-
 лили отношение ко многим явлениям литературы и искусства, котор-
 активно входили в жизнь отечественной культуры, в частности к
 творчеству французских и английских драматургов эпохи Просвеще-
 ния. В.И. Ленин писал: "... Весь XIX век, тот век, который дал
 цивилизации и культуру всему человечеству, прошел под знаком
 французской революции. Он во всех концах мира только то и делал,
 что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали
 великие французские революционеры буржуазии..."²³. Ленинская
 мысль очень полно очертила то состояние русской общественной
 культурной жизни прошлого века, когда творчество Р.Б.Шеридана
 нашло своего читателя в демократической среде России.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.16. Ч. II. С.301.
² Цит. по: Маршова Н. М. Ричард Бринсли Шеридан. 1751-1816. Л.-М.: Искусство, 1960. С.114.
³ Венгерова З. Шеридан // Мир божий. 1893. № 8. С.5.
⁴ Морозов М. Книга о жизни Шеридана // Интернациональная литература. 1942. № 6. С.139.
⁵ Карамзин Н. М. Несколько слов о русской литературе // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С.64.
⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.: Сов.Россия, 1983. С.463.
⁷ Кагарлицкий Ю. Ричард Бринсли Шеридан // Шеридан Р.Б. Драматические произведения. М.: Искусство, 1956. С.8.

8 Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. 474-475.
 9 Шеридан Р. Б. Драматические произведения. М., 1956. 431-432.
 10 Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825-1826). М.; Л.: Наука, 1964. С.324.
 11 Венгерова З. Шеридан... С.34.
 12 Политический журнал / Ред. П.А.Сохатский и др. М., 1793. I. С.3-7.
 13 Кагарлицкий Ю. Ричард Бринсли Шеридан... С.24.
 14 Шеридан Р. Б. Драматические произведения. С.314.
 15 Подобная тенденция была характерна не только для русских переводчиков. Пример см.: Полякова Н. Б. Фридрих Людвиг Шерер. М.: Искусство, 1987. С.156.
 16 Цит. по: Берг Э. П. фон. Русская комедия до появления Н.Островского. Варшава, 1912. С.221.
 17 Цит. по: Gibbs L. Sheridan. L., 1974. P. 72.
 18 Тэн Г. О. Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы. СПб., 1871. Ч.2. С.198.
 19 Там же. С.95.
 20 Венгерова З. Шеридан... С.44-45.
 21 Gibbs L. Sheridan... P. 71.
 22 Ленин В. И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г. // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.38. С.367.

З. Е. Л и б и н з о н (Горький)

ТРАГИЗМ РЕВОЛЮЦИИ
(ШИЛЛЕР И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ)

Об отношении Фридриха Шиллера к Великой французской буржуаз-
 ой революции написано немало специальных трудов¹, не говоря уже
 главах во всех без исключения работах о творчестве немецкого
 поэта. И это вполне закономерно. Совместно с Гете Шиллер пред-
 ставляет высшее достижение немецкой культуры того времени; впер-
 же история столкнула крупнейших писателей с актом всемирно-исто-
 рического значения, впервые история наяву разрешала вопросы, над
 которыми неустанно билась их творческая мысль, и поэтому они не
 могли пройти мимо грандиозной битвы, развернувшейся по ту сторо-
 ре Рейна.

Известно, что большинство мыслителей Германии - писатели старшего поколения (Клопшток и Виланд), многие из переживших период "Бури и натиска", философы (уже к тому времени прославившийся Кант и молодые Фихте и Гегель) - с восторгом встретили весть о взятии Бастилии и начале революции во Франции. К этому перечню обычно добавляют и Шиллера. Многие шиллероведы на Западе настойчиво возражают против включения Шиллера в этот ряд, это тенденциозный марксистский тезис, - говорят они, а Визе об-являет этот тезис "фальшивой и трудно искоренимой легендой"².

Споры об отношении Шиллера к Французской революции объясняются прежде всего тем, что в отличие от названных писателей и мыслителей Шиллер не оставил прямых высказываний о начавшейся революции. Все приводимые в различных работах выдержки из писем и сочинений поэта относятся либо ко времени до 14 июля 1789 г., либо к 1792 г. и последующему времени, когда Шиллер недвусмысленно отверг крайние методы революции, и поэтому ссылки на сочувственное отношение поэта к вспышке революции не всегда достаточно аргументированы. "Я питаю бесконечное почтение к этому огромному, стремительному человеческому океану", - цитирует Л. Лозинская шиллеровское письмо, предусмотрительно не указывая даты его написания (оно написано 27 ноября 1788 г. и касается восприятия предреволюционной Франции). Р. Бухвальд, которого Визе непосредственно цитирует, приводит отрывочные фразы из произведений Шиллера 1793-1794 гг., стремясь доказать, что поэт во второй половине 1789 г. приветствовал свержение французского абсолютизма³. Такая аргументация, разумеется, весьма уязвима.

Единственное более или менее достоверное свидетельство о первых шиллеровских впечатлениях от взятия Бастилии и от начального этапа революции - косвенное. Это мемуары К. фон Вольцоген, которая через много лет - уже после смерти поэта - писала: "Мы впоследствии вспоминали, как это событие перевернуло и потрясло всю Европу и как революция проникла в жизнь каждого человека как разрушение памятника мрачного деспотизма казалось нашему юношескому сознанию предвестником победы разума над тиранией"⁴. Здесь переданы беседы сестер Лентефельд с Шиллером, но нет слов самого поэта. Косвенным свидетельством является и часто цитируемое письмо Шиллера от 13 июля 1793 г. герцогу фон Августенбургу, где действительно говорится об "этом необыкновенном событии", не-

орится в условном наклонении: "Если бы факт был истинным и истическое законодательство основывалось на разуме, почитало человека и обходилось бы с ним как со своей целью, возвело закон на престол, сделало бы подлинную свободу основой государства, то я бы хотел навсегда оставить муз и посвятить всю деятельность самому прекрасному художественному творению - искусству разума". С большой натяжкой можно усмотреть в этих словах восторг от начавшейся революции. Итак, у нас нет абсолютно достоверных доказательств того, как Шиллер непосредственно встретил весть о кануне революции за Рейном, но нет никакого сомнения - и этому есть неопровержимые доказательства в письмах и произведениях, написанных с конца 1788 г., что по мере развития революции он улавливал ее огромные значения. В "Письмах об эстетическом воспитании человека" Шиллер подчеркивал, что теперь "на политической арене... решается великая судьба человечества", что ныне непосредственно решается великий спор о правах", и этот спор, "как по содержанию, так своим следствиям, касается всякого, кто носит имя человека". Более того, он понял, что по ту сторону Рейна восставшие будут "восстановления своих неотъемлемых прав", "насиленно домогаются того, в чем им несправедливо отказывают" (VI, 261). Шиллер безапелляционно оправдывает требования большинства человечества, хотя методы осуществления этих политических действий он там столь же безапелляционно отвергает. Такая позиция вполне соответствует всему мировоззрению Шиллера - который никогда не отрицал необходимости революций. Поэт ясно признавал, что прогресс человечества во всех областях его деятельности на протяжении всей многовековой истории осуществляется в непрерывных идеологических и политических переворотах. Он считал подлинной революцией переход человека от дикости к современному состоянию. Немало способствовали развитию человеческого общества коренные изменения, происшедшие в средних веках. Во время питейной университетской лекции он обобщил эту мысль, сказав: "Как много открытий, изобретений, политических и религиозных революций должно было пройти в одно и то же время, чтобы эти и еще нежные победы науки и искусства могли развиваться и попросту распространение!" (IV, 21). В этой же лекции Шиллер развивает еще одну очень важную в связи с пониманием исторического дви-

жения мысль, что носителем прогресса всегда было так называемое третье сословие, оно "творец всей нашей культуры", оно "предпосылки для прочного счастья человечества". Именно так высоко оценивал борьбу горожан Италии и Германии цепей крепостного права, против великом переселении народов, крестовых походах и о средние века" Шиллер указывал, что в эпоху средневековья грозно лось третье сословие, противопоставившее свою власть, дворянству и самоуправству римской церкви, т.е. ствававшим силам тогдашнего общества.

Вместе с тем он сознавал, что это сословие вается в большинстве стран Европы политически в Нидерландах и Англии оно добилось определенных успехов. гих же странах оно до сих пор остается угнетенной частью ва. Особенно волновала его участь народа, трудящихся, самобитой части того же третьего сословия. Мы не можем, конечно утверждать, что Шиллер до 1789 г. - да и в самый разгар пции и после нее - видел или даже предугадывал возможности народа. Подобно большинству просветителей, он надежды на избранную часть философов, преданную делу разума. Об этом ясно сказано в эпиграмме "Величие народа". Однако в другой своей эпиграмме он попытался как бы объяснить причины забитости черни:

Хватит, довольно речей! Обеспечьте их кровом и хлебом,
Тотчас, прикрыв наготу, гордость они обретут.

(Пер. Е. Эткинда)

Да и вся творческая деятельность Шиллера до 1792 г. была направлена на то, чтобы для всех угнетенных народов. Депутат собрания Филипп Роль имел полное право включить Шиллера в лиц для присвоения звания гражданина французской республики то, что он "своими сочинениями и отвагой служил делу свободы и подготовлявал освобождение народов". Предложение его было принято 9 сентября 1792 г., и Шиллеру был послан вместе с сопроводительным письмом министра внутренних дел Роллана диплом почетного члена в низвержении местного курфюрста и открыто перешел на

Французской республики, подписанный Дантоном, диплом, Шиллер всегда гордился. И именно высоко оценивали деятельность Шиллера и немецкие якобинцы - Фростер и А. Ребман. Как революционно настроенный, беспредельно преданный делу свободы писатель, воспринимался Шиллер всеми современными людьми своего времени. Но когда французские революционеры, воодушевленные "первыми днями свободы", как говорилось в письме Роллана, присуждали Шиллеру почетное звание, для которого поэта наступило время глубоких раздумий о том, что же происходит во Франции. Основные сведения о происходящей революции Шиллер черпал из писем Вольцогена, учившегося с 1788 г. в Берлине, также архитектурно-строительному делу, тюрингенского монаха Иейхардта, из французской газеты "Монитор", которую он почти ежедневно читал, и из некоторых других источников. Сообщения были большей частью сугубо тенденциозные. Шарлотта фон дефальд, невеста Шиллера, как-то сообщила ему в письме историю, рассказанную ее шурином, о том, как взбудораженные французики, собравшись группой вокруг смертельно раненного гвардейца, вырвали из груди его сердце и упивались его кровью. Подобные клеветнические известия о зверствах революционеров распространялись немецкими и эмигрировавшими из Франции аристократическими кругами и особенно усилились после ареста Людовика XVI и уда над ним, и они не могли не повлиять на Шиллера и на других немецких просветителей, лишенных непосредственных связей с фактической революционной борьбой. В первые годы начавшейся революции Шиллер очень редко высказывался о ней, лишь с ноября 1792 г. в его письмах все чаще встречаются отзывы о событиях во Франции, только с этого времени он начинает все больше размышлять о революции как таковой. 6 ноября 1792 г. он настойчиво советовал Кернеру принять предложение издателя Гешена написать небольшую книжку об английской революции, ибо "очень существенно именно в наше время вынести такое здоровое суждение о революции", не сомневаясь, что такое "равное суждение" "окажется благоприятным для врагов революции". Подобная книга, по мысли Шиллера, должна служить предостережением всем правителям. Шиллер осудил поведение Г. Форстера, который создал в Майнце якобинский клуб, принял деятельное участие в низвержении местного курфюрста и открыто перешел на

сторону революции. Больше всего на Шиллера подействовало известие о суде и казни французского монарха. Как известно, по задумке Шиллера, он бесповоротно отдал бы свой талант служению этому делу. Но разворот событий по ту сторону Рейна во многих отношениях разочаровал его. Об этом он прямо говорил своему другу академиком лет Ковену во время встречи на родине, в Людвигсбурге 1794 г.⁷ Шиллер чувствовал - конечно, смутно, инстинктивно, - разразившаяся во Франции революция не приведет к установлению подлинной свободы и царства разума, слишком велик разрыв между ее идеалами, вознесенными устами просветителей, и практичным их осуществлением. Исходя из кантовской философии, он приходил к выводу о неосуществимости вообще разумных и свободных общественных форм в реальной жизни, передоверив их мечте и искусству. Но нельзя не видеть, что даже в этом вынужденном агностицизмом Канта, как и во всех его размышлениях о ходе революции, звучит глубокий трагический аккорд. Революция неизбежна и оправданна, она явилась результатом пагубной политики правящих сословий, она должна воплотить вечные чаяния человечества, но во Франции вновь прибегли к средствам, которые, как казалось Шиллеру, противоречат великим целям в первых своих художественных произведениях Шиллер ставил вопрос о путях осуществления идеального общественного строя. Французам. "Если французы лишат меня моих надежд..." - говорил он в только что приведенном письме к Кернеру. Добавим, что в альманахе Шиллера к французской революции. Там справедливо отмечено, что произведений французских просветителей, идейно подготовивших революцию. Он прочел тогда "Век Людовика XIV" и "Историю Карла IX" Вольтера, "Дух законов" Монтескье, биографию Дидро, "О воспитании" Мирабо, "Историческую картину прогресса человеческого рода" Кондорсе и др. У Шиллера сложилось явное представление об идеальном общественном устройстве, о том царстве разума, которое должно обеспечить осуществление неотъемлемых прав человека. И с досадой он думал о том, как далеки еще французы от идеала, провозглашенного лучшими их умами.

Глубоко знаменательно, однако, что именно в это время Шиллер попытался глубже разобраться в том, что действительно происходит во Франции. 26 ноября 1792 г. он писал Кернеру: "Спор как я читаю "Монитор", я жду от них (от французов - Э.Д. многого. Если ты не читаешь эту газету, я тебе ее очень рекомендую. Тут мы найдем подробности о дебатах в Национальном собрании и можем узнать силу и слабость французов"⁶. Голосов революции он никогда не поддерживал, наоборот, резко осуждал действия немецких властей, напуганных революцией и принявших суровые меры для еще большего ограничения и без того скудных свобод в Германии.

Оставаясь непримиримым к реакции в любой ее форме, Шиллер все чаще высказывал свое разочарование в методах и результатах революции. Неоднократно он подчеркивал, что он многого ждал от французов. "Если французы лишат меня моих надежд..." - говорил он в только что приведенном письме к Кернеру. Добавим, что в альманахе Шиллера к французской революции. Там справедливо отмечено, что произведений французских просветителей, идейно подготовивших революцию. Он прочел тогда "Век Людовика XIV" и "Историю Карла IX" Вольтера, "Дух законов" Монтескье, биографию Дидро, "О воспитании" Мирабо, "Историческую картину прогресса человеческого рода" Кондорсе и др. У Шиллера сложилось явное представление об идеальном общественном устройстве, о том царстве разума, которое должно обеспечить осуществление неотъемлемых прав человека. И с досадой он думал о том, как далеки еще французы от идеала, провозглашенного лучшими их умами.

Эти глубокие сомнения и выражены им в уже цитированном письме к Августенбургу от 13 июля 1793 г., где он указывал, что, если бы во Франции политическое законодательство действительно основывалось на разуме, если бы там была введена подлинная свобода,

если бы целью нового государственного правления было благо народа, он бесповоротно отдал бы свой талант служению этому делу. Но разворот событий по ту сторону Рейна во многих отношениях разочаровал его. Об этом он прямо говорил своему другу академиком лет Ковену во время встречи на родине, в Людвигсбурге 1794 г.⁷ Шиллер чувствовал - конечно, смутно, инстинктивно, - разразившаяся во Франции революция не приведет к установлению подлинной свободы и царства разума, слишком велик разрыв между ее идеалами, вознесенными устами просветителей, и практичным их осуществлением. Исходя из кантовской философии, он приходил к выводу о неосуществимости вообще разумных и свободных общественных форм в реальной жизни, передоверив их мечте и искусству. Но нельзя не видеть, что даже в этом вынужденном агностицизмом Канта, как и во всех его размышлениях о ходе революции, звучит глубокий трагический аккорд. Революция неизбежна и оправданна, она явилась результатом пагубной политики правящих сословий, она должна воплотить вечные чаяния человечества, но во Франции вновь прибегли к средствам, которые, как казалось Шиллеру, противоречат великим целям в первых своих художественных произведениях Шиллер ставил вопрос о путях осуществления идеального общественного строя. Французам. "Если французы лишат меня моих надежд..." - говорил он в только что приведенном письме к Кернеру. Добавим, что в альманахе Шиллера к французской революции. Там справедливо отмечено, что произведений французских просветителей, идейно подготовивших революцию. Он прочел тогда "Век Людовика XIV" и "Историю Карла IX" Вольтера, "Дух законов" Монтескье, биографию Дидро, "О воспитании" Мирабо, "Историческую картину прогресса человеческого рода" Кондорсе и др. У Шиллера сложилось явное представление об идеальном общественном устройстве, о том царстве разума, которое должно обеспечить осуществление неотъемлемых прав человека. И с досадой он думал о том, как далеки еще французы от идеала, провозглашенного лучшими их умами.

французских смут", написанной в 1792 г., - руки привыкли к лилию крови, а уста ко лжи" (IV, 410). "Когда бессильно право, решает сила", - подчеркивается в "Истории тридцатилетней войны".

Шиллер оправдывал применение силы для целей национального освобождения из-под чужеземного ига, любые же другие области применения насилия он отвергал, в первую очередь - в области установления социальной справедливости внутри страны. Поскольку враждующие стороны в гражданской войне прибегают к одним и тем же методам, то он отвергал целесообразность гражданских войн вообще. "Чувства справедливости, порядочности и верности которые ожидают лишь на сознании всеобщего равенства в гражданско-политической жизни вообще", - читаем мы в той же "Истории французских смут", - теряют силу в гражданской войне, где каждая сторона считает свои преступников преступниками и присваивает себе право карать их". Шиллер, следовательно, не видел разницы в целях и средствах действий со стороны различных социально-политических сил. Однако здесь следует добавить, что, исследуя различные гражданские войны, происшедшие в ряде стран на протяжении многовековой истории, Шиллер пришел к твердому убеждению, что пользу из них испокон века извлекали те, кто владел силой и властью.

Как противовес насилию Шиллер выдвигает идеал разумного общества, достигаемый путем мудрой умеренности. Наиболее полно социально-политические воззрения Шиллера в период Французской революции нашли отражение в статье "Законодательство Ликурга и Солона", напечатанной в журнале "Талия" в конце 1790 г. В ней мы находим уже те мотивы, которые через два года привели к открытому отрицанию революционного террора, а затем к созданию теории эстетического воспитания человечества.

Аналогии с античностью характерны для социологических теорий всех просветителей. Примеры древней Греции или Рима должны доказать возможность возрождения утраченного царства разума, будить у современников преданность гражданскому долгу. Для просветителей было характерно противопоставление политического Спарты и Афин. Большинству из них Афины казались образцом гармоничной гармонии, приведшей к замечательному расцвету культуры. Руссо и его поклонники восторгались воинственной Спартой, в

вой патриотизм приобрел суровый аскетический характер. Шиллер предлагает общепросветительскую концепцию, отклоняясь от руссоистской. Он, правда, вовсе не идеализирует Афины. Там, считал он, не всегда и не все было прекрасно. И там нередко утверждались самодержавие или аристократическая монархия, издавались жестокие законы, вроде законов Драконта, который действовал единственно орудием - устрашением, приведшим к унижению человеческой личности. Но именно в Афинах были периоды, когда государство руководствовалось идеями разума, когда не было никакого разрыва между философией и политикой. Таким периодом, в восприятии Шиллера, было правление Солона. На примере Солона Шиллер пытался разрешить актуальные для его времени политические вопросы, высказать свой идеал государства. Проще говоря, - писал он, - при оценке политических установлений мы должны твердо держаться правила, что хороши и похвальны те, которые, споспешествуя движению цивилизации вперед по меньшей мере не тормозят его, развивают все заложенные в человеке силы" (У, 423). С этой точки зрения он отдавал предпочтение Солону, который "глубоко уважал человеческую личность и государство никогда не жертвовал человеком, ради средства к определенной цели", а, напротив, заставлял государство служить человеку" (У, 443). Законы же Ликурга вызывают у него резкое осуждение "для человечества ничто не могло бы быть прискорбнее подражанию этому образцу во всех странах" (У, 422).

Вопреки различным формам государственного правления, Шиллер с решительным образом отвергал абсолютную монархию, неизменно ведущую к тирании. Немало резких слов он высказывал и относительно демократии, которая влечет за собой, с его точки зрения, упадок. Но здесь важно подчеркнуть, что сама по себе демократия не была идеалом для Шиллера, он горячо сочувствует такой форме, он воспринимал ее как демократическую: "Народ сделался всевластным в самом широком смысле этого слова, и правил он не только через поставленных должностных лиц, но также и непосредственно, самолично" (435).

Воплощая идеал мудрой умеренности, Шиллер полагал, что народ еще незрел для управления государством. У простых афинян были развиты такие замечательные качества, как общественное чувство,

патриотический дух, политический разум, однако и они, собрав на широкий форум, совершали большие ошибки ("многолюдные собрания всегда влекут за собой некоторое ослабление законности"), простой же народ "нашей страны", вставляет он вдруг едкое замечание в статью из истории древней Греции, вообще не готов к тому чтобы самому управлять делами государства. С этой же мерой политических качеств немецкого народа Шиллер, видимо, подходе к оценке и французского народа, что сыграло не последнюю роль в его отношении к якобинской диктатуре.

Следуя этической теории Канта, Шиллер считал, что прежде необходимо воспитать в человеке свободную волю, умение безусловно подчиняться внутреннему нравственному долгу, творить добро не из-за каких-то интересов, а ради самого добра. Это самая кантовская "добрая воля", о которой К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что она "вполне соответствует бессилию, придавленности, убожеству немецких бурgeois"⁸. И Шиллер здесь, в истолковании кантовского тезиса, возможно, более кантианец, чем сам Кант. Кант, как известно, "перенес осуществление этой доброй воли, гармоничную между ней и потребностями и влечениями индивидов, в тусторонний мир"⁹, но Кант все же принял Французскую революцию, симпатизировал якобинцам и даже в 1798 г. - в период спада революции - произнес восторженную речь в честь Французской революции.

Шиллер же в годы революции отвергал метод восстания, надеясь лишь на силу разума и справедливости, но и он утверждал, что для достижения благих целей не следует пренебрегать и насильственной революцией. В этом смысле применимы к Шиллеру слова пользуясь им мудро и временно. "Остается вечной истиной, - писал он, - что применение силы там, где этого применения требует рост, никогда не должно быть поручено насильнику, что нарушению порядка можно доверять лишь тому, кто им дорожит" (У, 57). Якобы применения насилия, и он их поэтому осуждал.

Из всего сказанного следует, что Шиллер сочувствовал Французской революции на протяжении всего пути ее развития, он увидел в ней смелую попытку практического осуществления самого разумного политического идеала. В статье "Законодательство Ликурга и Солона" имеется фраза, которую, как нам кажется, можно применить к оценке Шиллером революции во Франции. Там сказано, что редко,

редко законодателю удается претворить в жизнь идеал, "который он в мыслях своих создал таким высоким и чистым. Но даже эта попытка, если она предпринята бескорыстно, на благо людям, осуществляется целесообразными мерами, достойна всяческой похвалы" (У, 427).

И еще одно важное замечание. Шиллер неизменно мечтал об обществе, где гармонично сочетались бы интересы личности и государства, о светлом царстве разума, ради практического осуществления которого он готов был сам оставить художественную деятельность. Но он сознавал, что до установления во Франции истинного разумного общества еще далеко, что совершившаяся там революция разрушила простор царству честолюбия и эгоизма. Именно поэтому в эти годы начинает разрабатывать свою теорию трагического, он инстинктивно почувствовал трагизм той революции, которая своими возможностями неспособна претворить в действительность свой общественно-политический идеал. Заключение это не может, условно, оправдать субъективную позицию Шиллера, его отрицательное отношение к высшему этапу революции, когда воочию проявились самые слабые стороны его мироощущения, но должно лишь пояснить сложность его политических и эстетических размышлений. Понимание противоречивой роли Французской революции, с другой стороны, дало ему возможность создать величественные трагедии - от грандиозного "Валленштейна" до "Вильгельма Телля", историческую концепцию которых невозможно понять вне трагического контекста крупнейшего события той эпохи - Великой Французской буржуазной революции.

В этом смысле применимы к Шиллеру слова Маркса: "Но если Германия сопровождала развитие современных народов лишь абстрактной деятельностью мышления, не принимая активного участия в действительных битвах этого развития, то, с другой стороны, она разделяла страдания этого развития, не разделяла его радостей, его частичного удовлетворения"¹⁰.

¹ Stern A. Der Einfluß der Französischen Revolution auf das deutsche Geistesleben. Stuttgart u. Berlin, 1928; Baumker W. Schiller und die Französische Revolution. Berlin, 1909; Boucher M. La Revolution de 1789 vue par les écrivains allemands, ses contemporains. Paris, 1954; Wiese B. Schiller und die Französische Revolution // Wiese B. Der Mensch in der Dichtung. Stuttgart, 1958. S. 148-169; Alheim H. Schillers Stellung zur Französischen Revolution // Forschen und Wirken, 1960. Bd. III.

2 W i e s e B. von. Friedrich Schiller. Stuttgart, 456.
 3 B u c h w a l d R. Schiller. Wiesbaden, 1956. Bd. 134.
 4 W o l z o g e n K. von. Schillers Leben. Stuttgart bingen, 1830. S. 170.
 5 Ш и л л е р Ф. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1955. Т. VI. С. 254. В дальнейшем цитаты из произведений Шиллера водятся по этому изданию. В тексте статьи указаны том и
 6 Ш и л л е р Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1937. Т. VII. С. 400.
 7 Schillers Gespräche / Auswahl von F. Biedermann. Leipzig, 1929-1930.
 8 М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Немецкая идеология / Сочинения. Т. 3. С. 182.
 9 Там же.
 10 М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. К критике гегелевской философии права. Введение // Сочинения. Т. I. С. 424.

Е. И. Волгина (Куйбышев)

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая французская революция способствовала пробуждению волевого немецкого народа. Она, как выразился Энгельс, "точно молния ударила в этот хаос, называемый Германией. Ее влияние было огромно"¹. Под влиянием революционных событий во Франции пришла в движение все слои немецкого народа, во многих местах Германии возникли восстания среди горожан и крестьян; кульминации этого демократическое движение достигло в образовании на левом берегу Рейна, занятом французскими войсками, Майнской республики и в борьбе майнских патриотов в 1792-1793 гг.

Однако в экономически отсталой и политически раздробленной Германии конца XVIII в. не было общественных предпосылок для широкого народного революционного движения. В целом, как это уже упоминалось, перешо понимал активный участник революционных событий Георг Фихте, "Германия... не созрела и не была подготовлена ни к революции"².

Несмотря на жестокую эксплуатацию трудового населения Германии и на обострившиеся конфликты между феодальными классами и народом, в стране не возникло революционной ситуации. Нарочито

восстания были здесь лишь отдельными разрозненными эпизодами, не связанными между собой; они не принимали массового характера и локализовались отдельными очагами, а потому легко подавлялись властью. Одно восстание, за редким исключением, не имело к другому никакого отношения; а так как не было еще единства классовых интересов, то и в требованиях восставших тоже не было никакого единства. Поэтому длинная полоса немецких народных восстаний в годы французской революции не дала ощутимых результатов. Немецкий народ не добился не только политических буржуазных свобод, не только изменения политических и общественных форм, - он не добился даже экономического улучшения жизни угнетенных классов. "Народ, - как писал Энгельс, - слишком мало просвещенный, слишком скованной старинной привычкой подчиняться тирании, остался безучастным"³. Да и немецкая буржуазия была слишком слаба для того, чтобы организовать, возглавить и привести к победе революционно настроенные массы народа.

Значение французской революции для Германии заключалось в другом: в возникновении мощного духовного подъема, чисто идеологического движения среди передовых людей из всех слоев немецкого общества. "Вся буржуазия и лучшие представители дворянства в один голос радостно приветствовали Национальное собрание и народ Франции. Среди многочисленных немецких поэтов не было ни одного, кто бы не прославлял французского народа"⁴, - писал Энгельс. Клопшток, Виланд, Гердер, Фосс, Шубарт, Бургер, Кант, Фихте и многие другие немецкие поэты, писатели и философы восторженно приветствовали французскую революцию как зарю освобождения человечества. От нее они ожидали осуществления идеалов Шиллера: "Возвести закон на трон, уважать, наконец, человека как самонад и сделать истинную свободу основой политического союза"⁵. Революция вызвала огромный резонанс в политической и культурной жизни Германии. Немецкое общественное мнение, занятое до того почти исключительно проблемами философии, морали и эстетики, с наступлением французской революции полностью переключается на политические вопросы. Немцы с жадностью ловят каждое новое известие из революционной Франции, откликаются на все события ее жизни, каждый новый декрет французского Национального собрания вызывает в немецкой прессе оживленную полемику. Этот огромный интерес немецкой читающей публики к французской револю-

ции неоднократно отмечался современниками. "Всех поглощают те- перь французские события, и только они пользуются монополией исключительного интересовать собой каждого, кто только умеет читать", - свидетельствует Архентгольц в 1793 г.⁶ И в другом месте те: "Огромный интерес к французской революции вытесняет все... самые популярные сочинения принимаются холодно, исторические книги... теряют, по крайней мере в настоящий момент, свое очарование, и лучшие стихи остаются нечитанными. Хватает только раз ты и такие книги, которые могут утолить политический голод. Множество других высказываний современников показывает, что всеобщий интерес в большинстве случаев был окрашен глубокой патией к революции. О всеобщем увлечении революционными идеями пишет, например, в 1791 г. один из наиболее реакционных журналов того времени - гамбургский "Политический журнал": "Известно, что французская революция вскружила головы множеству людей из всех классов"⁸. "Число тех, кто лелеет желание религиозного и государственного переворота, стало теперь слишком велико..." - утверждает в 1793 г. другой реакционный журнал того времени - "Журнал искусства и литературы"⁹.

"Взоры философа и любого человека напряженно прикованы к политической арене, на которой, как полагают, решается теперь великая судьба человечества... Этот великий спор о правах как по содержанию, так и по своим следствиям касается всякого, кто носит имя человека, особенно же самый способ ведения спора должен интересовать всякого самостоятельно мыслящего. Вопрос, который прежде решался лишь слепым правом сильнейшего, как будто предложен жен теперь на разрешение суда чистого разума, и всякий, кто способен поставить себя в центр целого и свою личность слить с дом, может считать себя заседателем в этом суде разума; в то самое время он, будучи человеком и гражданином мира, является борющейся стороной, в большей или меньшей степени участвующей в решении спора"¹⁰, - писал Шиллер в 1793 г. в "Письмах об эстетическом воспитании человека", опубликованных двумя годами позже.

Многие из передовых немцев, как только разразилась революция во Франции, поспешили в Париж, в центр революционных событий, чтобы стать свидетелями и участниками их. Иоганн Генрих Мерк, старый друг Гете, рецензировавший вместе с ним "Франкфуртские ученые ведомости" за 1772 г., отправился в Париж и стал членом

косовицкого клуба. И.В.Архентгольц в самом начале революции по- елился в Париже и регулярно печатал в своем журнале "Минерва" одобрение отчеты обо всех сторонах жизни революционного Пари- а; известный просветитель XVIII в. Иоахим Генрих Кампе, один из сотрудников берлинского просветительного журнала "Берлинский жемезячник", издаваемого Гедике и Бистером, охваченный энту- измом, летом 1789 г. отправился в Париж и регулярно посылал Германия свои корреспонденции о ходе революционных событий о Франции, наибольшей известностью из которых пользовались Парижские письма, написанные во время революции" (1790)¹¹. Свидетелями и участниками революционных событий были также один з наиболее активных сотрудников журнала "Минерва" публицист онрад Зильснер, выпустивший в 1799 г. свои "Фрагменты из бумаг свидетеля и беспристрастного очевидца французской революции", ридрих Шульц, создавший под живым впечатлением свою "Историю великой революции во Франции", и многие другие.

Георг Форстер, находившийся в это время на княжеской службе в г.Майнце, выпрашивает у своего курфюрста трехмесячный отпуск отправляется вместе с Александром Гумбольдтом в путешествие по Нижнему Рейну, Англии и Франции. Пребывание во Франции про- везвело на него глубокое впечатление. Пробыв в Париже всего дня но- особенно взволновали Форстера приготовления к национальному азднику годовщины революции во всех слоях общества. Результа- артинги Нижнего Рейна, Брабанта, Фландрии, Голландии, Англии Франции в апреле, мае и июне 1790 года". Материал, собранный орстером за время этого путешествия, послужил для создания и жда других его работ, лишь отчасти посвященных вопросам фран- зской революции: "Воспоминания о 1790 году в исторических ртивах и рисунках", "Революции и контрреволюции в 1790 году", влияния искусства управлять государством на счастье челове- ства" и др.

Сообщения о французской революции, посылаемые в Германию не- чкими очевидцами, восторженными поклонниками ее на первом эта- , еще более усиливали живой интерес немцев к происходящим со- тиям.

Ценное свидетельство о настроениях немецкого общества этого года оставил Гете, которому по возвращении из похода 1792 г. "... бросилось в глаза, что вплоть до высших сословий получила распространение известное свободомыслие, стремление к демократии". - "Я видел, - говорил Гете, - что бюстам Лафайета и Марии-Антуанетты оказывают здесь божеские почести; одному из-за его рыцарских и гражданских добродетелей, другому из-за его ума и ораторских способностей. Так странно колебались настроения немцев. Немецкие офицеры сами были в Париже, слышали речи и видели действия знаменитых мужей и, к сожалению, по немецкому обычаю стали стремиться к подражанию. И это - как раз в тот момент, когда беспокойство о левом берегу Рейна переходило в страх!"¹².

Революция во Франции способствовала изменению всего характера немецкой литературы 90-х гг., дала ей новые импульсы и ставила перед ней новые задачи и цели, наметила новые перспективы. Но ее влияние на литературную жизнь Германии выразилось не во всем в мощном развитии и расцвете немецкой журналистики и публицистики. В Германии появилось большое количество газет, брошюр, листовок, журналов и сочинений самого различного рода освещавших французские события и трактовавших политические и теоретического характера. По свидетельству Архенгольца, "... одним из многих последствий, которые имела для Германии французская революция, явилось огромное количество политических писателей, газетчиков, журналистов"¹³. Все существующие в это время немецкие журналы, независимо от их направления, активно откликаются на события французской революции, между журналами завязывается ожесточенная полемика по вопросам ее теории и практики, идет борьба за общественное мнение. Так, например, журнал Виланда "Немецкий Меркурий", выходящий в Веймаре с 1773 г. и посвященный в дореволюционные годы, главным образом, художественной литературе, философии, морали, эстетике и т.п., с началом революции приобретает политический характер. На страницах этого журнала появляются патетические оды в честь французской революции, печатаются политические статьи, рассказывающие немецкому читателю о событиях во Франции, о деятелях революции, о положении в революционном Париже, трактуются вопросы теории французской революции. Очевидно, в связи с изменением направления в 1790 г. журнал Виланда переименовывается в "Новый немецкий Меркурий". То же са-

мое можно сказать и об органе берлинских просветителей - "Берлинском ежемесячнике" и других прогрессивных немецких журналах. Попытка использовать периодическую печать для создания общественного мнения по основным вопросам гражданской жизни была сделана немецкими писателями-просветителями еще с середины 70-х гг., иногда один за другим стали издаваться их политические журналы: "Немецкая хроника" Х.Ф.Д.Шубарта (1774-1777, 1787-1791 гг.), журнал А.Л.Шлецера "Переписка исторического и политического содержания" (1777-1781 гг.) и "Государственные ведомости" (1783-1794 гг.), "Немецкий кабинет для чтения" Бойе и Дома (1775-1783 гг.), журнал В.Л.Веккерлина "Хронологии" (1779-1783 гг.), "Серое чудовище" (1784-1787 гг.) и "Гиперборийские письма" (1788-1790 гг.), "Журнал о Германии и для Германии" Геккингга (1784-1792 гг.). Однако эта попытка оказалась несостоятельной. Незрелость политической мысли, прямая зависимость журналов от местных монархов, отсутствие свободы печати - все это были помехи, о которые разбивались самые лучшие надежды передовых людей. Обычно дело кончалось запрещением журнала, а иногда и заключением в тюрьму его редактора (как это было с Шубартом и Шлецером).

В 1792 г. возник упомянутый выше историко-политический журнал Архенгольца "Минерва", с помощью которого и распространялись, главным образом, в Германии точные сведения обо всех событиях, происходивших во Франции, так как его издатель первые годы сам жил в Париже, а сотрудниками были почти все "парижские немцы", в их числе Кернер, печатавший анонимно свои "Парижские письма немца", и Конрад Эльснер, перу которого, по мнению Георга Орстера, принадлежали лучшие статьи в этом журнале¹⁴. По первоначальному замыслу издателя, "Минерва" должна была освещать все новейшей истории, но с каждым номером французские дела занимают в ней все большее и большее место и почти полностью вытесняют все прочие сообщения. Уже в предисловии к первому выпуску своего журнала Архенголец замечает, что он вынужден сосредоточить свое основное внимание на французской революции, так как она в данный момент представляет собой самое значительное мировое событие, привлекающее взоры всех народов¹⁵. "Минерва" Архенгольца, наиболее полно удовлетворявшая интерес немецкой читающей публики к событиям французской революции и наиболее подходящая ей по своему умеренному направлению,

пользовалась огромной популярностью в Германии и была одним из наиболее читаемых журналов. По этому поводу Коцебу, один из реакционных писателей этого времени, бьет тревогу и взывает к правительствам, обращая их внимание на то, что более сотни немецких научных журналов и газет "вводят в заблуждение умы", распространяя "современный образ мыслей". Наряду с "Минервой" Архентольца, "Государственными ведомостями" Шлецера и "Шлезвигским журналом", он называет здесь "Иенскую литературную газету". В ней участвует несколько сот ученых, - пишет Коцебу, - и по тому тону, который в ней господствует, можно заключить, как вообще настроены немецкие ученые. Те, кто не разделяет с ними их принципов в области религии, политики и философии, высмеиваются и позорятся в этой газете", а она "с жадностью читается во всех сословиях"¹⁷.

Дальнейшее развитие и углубление революции с началом господства якобинцев вызвали в Германии процесс дифференциации мысли, который протекал несравненно более сложно, нежели реальный процесс классового расслоения во Франции. Уже события в Рейнской области, ее оккупация французской революционной армией в 1793-1794 гг. и возникновение первой буржуазно-демократической республики на немецкой почве в Майнце в 1792 г. вызвали энергичный расцвет немецкой революционной публицистики. Она достигла наивысшего подъема как раз после 9 термидора, после крушения якобинской диктатуры, в период интервенции объединенных европейских сил реакции против Французской республики в 1794 г., и вплоть до 1800 г. немецкие просветители-публицисты смело защищали республиканские принципы¹⁸. Именно в эти годы боевая якобинская публицистика призвала немецкий народ к политическому действию. Это была трибуна общественного прогресса, с которой велась борьба с феодальной реакцией. Появилось огромное количество прогрессивных демократических журналов, среди которых особо выдающееся место занимают "Альманах обскурантов", издававшийся с 1798 по 1800 г. одним из самых прогрессивных немецких публицистов Андреасом-Георгом-Фридрихом Ресманом, "Сатирический альманах", который публиковал с 1799 по 1801 гг. Иоганн-Кристоф Гретшель (под псевдонимом Януса Еремита), а также журналы "Гений времени" (1794-1800) и "Анналы страждущего человечества" (1795-1801), издававшиеся в Альтоне Августом фон Хеннингсом в сотрудничестве с поэтом-демократом Иоганном-Генрихом Фоссом.

Наследники немецкого и европейского Просвещения, эти якобинцы публицисты стремились к освобождению всего человечества, воюли за уничтожение крепостничества, выступали против обрантизма и книжеского произвола, стремились вытравить дух неподданничества в немецком народе, призывая его к классовой идарности со всеми угнетенными народами мира. В форме "сти-о свободе", басен, коротких сатирических рассказов и публи-тических очерков эта якобинская литература воспитывала не-кий народ в революционном духе, активизировала его мышление, зивала к активной борьбе с реакцией¹⁹.

О влиянии французской революции на литературную жизнь Герма-Коцебу писал так: "Одна только Лейпцигская ярмарка ежегодно тавляет нам 4000 новых книг. И я не боюсь утверждать, что 0 из них восхваляют принципы французов... Часто книга носит сем невинное название: речь идет о предмете из истории или философии, ничего общего не имеющем с нашим сегодняшним време-и, - и вдруг наталкиваешься на место или только на замечание, автор садится на своего любимого конька и начинает разбрасыв-ь семена, которые очень легко дают всходы на любой почве... час нет почти ни одного романа и ни одной пьесы, где бы не бы-намеков на свободу и равенство. Трагедии изображают тиранов, едди высмеивают дворянство. В романах даже на бога любви на-ивают колпак свободы или же Свобода украшается луком Амура... тические змеи прячутся иногда под цветами романа"²⁰. Однако годы французской революции были для Германии не только лодом возникновения и развития демократических движений и ре-оционизации умов. Вместе с тем это были годы мрачной и все-ливавшейся феодально-абсолютистской реакции. Военные неудачи, лучше недовольство и движение народных масс приводят к усиле-правительственной реакции и внутри страны. Правительства и одствующие классы отдельных немецких государств, охваченные окой тревогой, жестоко расправляются со всеми попытками не-ого народа свергнуть иго своих угнетателей, облегчить поло-е самовольными мерами. На помощь помещикам в восставшие мест-и посылаются карательные отряды, военные силы участвуют в-влении многих городских восстаний. аступление феодальной реакции в Германии в конце 80-х - на-90-х гг. проявилось не только в жестокой расправе реакцион-

ных правительств с восставшими крестьянами и горожанами, не только в арестах, заключении в тюрьмы, в ссылках на каторжные работы и за пределы страны "зачинщиков" и "подстрекателей", проповедников свободы и авторов мятежных листовок и брошюр, но и в общем походе против прогрессивной прессы в целом, в нападках на отдельных писателей, в императорских и королевских указах и цензурных распоряжениях.

К середине 90-х гг. многие оппозиционные журналы либо были закрыты, либо капитулировали перед властями и переменили свое направление. Зато возникает множество журналов реакционных, ведущих яростную борьбу против французской революции, против распространения ее идей среди немецкого населения.

Упорную борьбу с французской революцией и ее отголосками в Германии вел реакционный "Политический журнал", издававшийся в Гамбурге с 1781 по 1804 гг. Штрахом. Оценивая революцию во Франции не только как большое событие современности, но и видя в ней "начало новой эпохи человеческого рода Европы"²¹, он с первых дней революции бьет тревогу, призывая монархов всего мира сплотиться для отпора революции. Никогда еще личное внимание монархов всего мира не было так необходимо, как в настоящий момент, чтобы не допустить превращения удара во Франции в электрическую искру по всей Европе", - пишет он уже в августе 1789 г. и начинает вести упорную борьбу с революцией, с ее отзвуками в

Германии. Несколько позже возникает еще несколько журналов, которые ставят своей целью борьбу с французской революцией. Это журнал "Эдемония, или Счастье немецкого народа", выходящий с 1795 по 1797 гг. анонимно, но издатели его известны: Гехгаузен, Грольман и Рисс, которых Фойгт в письме к Гете от 16 марта 1799 г. называл "щелчками, вынюхивающими якобинцев" (Jakobiner-Riescher). Другой реакционный журнал носил название "Революционный альманах" (1793-1803), хотя к революции он имел только то отношение, что его издатель Рейхард в течение десяти лет боролся с революционными или просто прогрессивными явлениями и натравливал на них немецких князей и их цензоров.

Феодальная реакция боялась просвещения народных масс, ненавидела просветителей и в каждом писателе видела подстрекателя к народным мятежам. Поэтому главное внимание реакционных сил в эти годы было направлено на борьбу против Просвещения и просве-

телей с их культом разума. Уже самые слова "просветитель", "друг человечества", "друг народа" и т.п. употребляются в реакционной прессе этих лет как бранные, ими клеймят всех неугодных властям людей. Масса журнальных статей и отдельных книг, направленных против просветительских принципов, появляется в 1790-е годы. "Вот уже несколько лет в Германии идет борьба против Просвещения. Его выставляют в смешном виде в сочинениях и, что еще более странно, - в законах"²², - отмечает в 1793 г. Архенгольд в "Минерве".

Специально для борьбы с Просвещением в Австрии были основаны такие реакционные издания, как "Венский журнал", выпускаемый в Вене Гопфманом в 1792-1793 гг., и "Журнал искусства и литературы" (1793-1797). Считая французскую революцию и связанные с ней повсеместные политические беспорядки в Европе "плодом разложения Просвещения, фанатической философии и вообще шайки космополитических и филантропических писателей типа Мирабо"²³, Гопфман так формулирует программу своего журнала: "Писатели должны бороться против писателей. Общественное мнение нужно перетянуть на другую сторону, народам необходимо показать их истинную природу, искусителей народа разоблачать и с непоколебимой твердостью перед лицом всего мира бороться с политическими злодеями"²⁴.

На страницах упомянутых журналов искажаются и высмеиваются принципы Просвещения, дискредитируются лозунги французской революции, втаптываются в грязь имена ее вождей. Просветители - обманщики, внушает реакционная пресса своим читателям. Их намерение - вовсе не сделать народ свободным и счастливым, как они декларируют, они заботятся исключительно о своем собственном благополучии. Просветители хотят лишь натравить народ на своих монархов, чтобы его руками свергнуть власть и самим занять это место. Все красивые слова просветителей о равенстве и братстве - только средство обмануть народ²⁵. И даже просвещение народа трактуется как стремление просветителей расширить сферу своего влияния. "Первая их забота была направлена на то, чтобы заставить весь мир читать. Дать образование и простому народу и сделать его пригодным для нужных занятий - похвальное дело. Но не это о их намерениях: они хотели приготовить для себя канал, по которому их пагубные принципы могли направляться и в низшие народ-

ные классы, которым они предназначили быть орудиями их действий"²⁶.

Проповедуемые "друзьями народа" принципы - это только красивые слова, которые вовсе не будут воплощаться в жизнь. Неоспоримый пример французских просветителей показал, что они поступают диаметрально противоположно тому, что проповедуют: "О, друзья народа! - восклицает "Журнал искусства и литературы". - Кто в вас говорит о гражданском долге, о правах человека, о святости собственности, о равенстве всех людей и о равенстве всех людей, которая, как беспристрастное солнце, на всех распространяет свой благотворный свет и свое живительное тепло? И кто более осуждает обязанности человека и гражданина? Кто оскверняет священные права человечества с большим хладнокровием? Кто больше вас протягивал свои руки к чужой собственности? Кто бесчеловечно издевался над побежденными, вынужденными бежать, убитыми братьями?"²⁷.

Французская революция изображается в реакционной прессе тех лет как сплошное нагромождение ужасов, как кровавая бойня, где текут реки невинной крови, где тиранят народ кровопийцы Дантон, Робеспьер и Марат: "Вот прекрасные плоды хваленой революции: когда-то цветущее государство опустело, обеднело, задавлено пустых бумаг, частная собственность разграблена, грабеж освящен именем национального достоинства, а национальное достоинство потрачено на погибель нации и на обогащение губителей народа, религия отброшена, нравы испорчены, добродетель отвергнута, жадность, разбой, предательство посажены на трон, а культура, нравственность - источники всякого гражданского счастья - отброшены на целый век назад!"²⁸.

Реакционеры объявляли просветителей истинными виновниками французской революции. Это они развратили народ, внушили ему демократические и атеистические взгляды. "Фривольная и популярная философия Вольтера способствовала этому новому народному движению больше, чем все английское золото и все политические эмиссии из того или иного кабинета", - замечает "Венский журнал"²⁹.
Немецкие просветители и их деятельность не менее страшны и опасны, чем французские, а их доверие к человеческому разуму - источник всего зла, творящегося во Франции. В статье "Что такое Просвещение", опубликованной в третьем номере "Журнала искусства"

"литературы" за 1793 г., анонимный автор пишет так: "Я знаю, наши просветители-философы хвастают силой человеческого разума, и приписывают мощному влиянию света разума, обладание которыми они считают своей монополией, чудодейственную силу, равную египетской магии и животного магнетизма. Однако их блестящие речи находятся в полном противоречии с тем, что показывают".
Только мудрые правительства и духовенство якобы спасают Германию от подобного взрыва - цели, к которой неустанно стремятся немецкие просветители. "Если бы действительно просвещенные князья, чиновники их советники и мужественные главы церкви, пекущиеся о религии больше, нежели о своем покое, не воздвигли злу плоду, то наступило бы такое сильное просвещение, что вскоре от тьмы света и ослепляющего сияния мы не увидели бы больше ни онов, ни алтарей", - иронизирует "Журнал искусства и литературы" в 1793 г.³⁰

Немецкая реакционная пресса призывает немецких монархов учесть уроки французской революции, не повторять тех ошибок, которые допустили в своей политике французский король и господствующие классы Франции и которые, по их мнению, и привели к гибели государства: французское правительство слишком беззаботно относилось к распространению антиаристократической философии, к падению религиозности в народе, к возрастающей "безнравственности", стране были разрешены тайные общества, секты и ордена, Франция стала мятежным американцам в их борьбе с "законным" правительством, и, наконец, самая большая ошибка - созыв Национального собрания³¹.

Исходя из этого, "Венский журнал" и предлагает монархам строить свою политику по отношению к народу. "Единственное средство против революции - строгость"³². Нужно запретить просвещение народа, распространение в нем "ненужных" ему знаний, а в особенности - интерес к политике и государственным делам. Управление государством - это дело князей. Простой же народ должен знать только свою работу и честно выполнять свои обязанности по отношению своим господам. Вопросы политики его не должны касаться. Несвободным народом легче управлять: "Непросвещенный народ более неуклонно против обмана, он не переходит так легко от правды к лжи, и не потонет так быстро в водовороте мнений"³³, - резюми-

рует "Журнал искусства и литературы". "Мудрые государства хотят застраховать себя от появления атеистов - раздетелей тронов, предохраняют себя прежде всего от народного разования"³⁴. "Народное просвещение должно распространять ко такие знания, которые требуются для общего благополучия человека. Каждый знает уже достаточно, если он научился считать необходимыми и полезными обязанности своего сословия и если выработал в себе волю исполнять эти обязанности. Но к чему изощренные умозрения популяризированного искусства управления государством? К чему распространение такой философии, которая смеивает старые обычаи и религию, расшатывает моральные устои, учит копать в правах и обязанностях и призывает простого человека стать знатоком законодательства и всевозможных политических государственных дел?"³⁵. "Для человеческого общества было бы несчастьем, если бы крестьянин, ремесленник, художник, или даже политический деятель захотел тратить свое время на абстрактные размышления о государстве и религии... Мы требуем от них совсем иного, нежели рассуждения о наилучшем устройстве государства"³⁶.

Наряду с этим реакционная пресса усиленно рекомендует правительствам обратить особое внимание на укрепление религиозности в народе. "... народные знания должны в большинстве случаев опираться на чувства религии и нравственности", - заявляет "Венский журнал"³⁷. Авторы статей, появившихся в это время, яростно нападают на просветителей-атеистов, сеющих в народе безверие. "Отрубать руки и вешать навеки замок на рот нужно бы тем людям, которые пытаются вытравить чувство религиозности и нравственности в целых нациях, - пишет "Венский журнал". - Даже поджигатели и разбойники с большой дороги не причиняют столько зла, как эти тайные апостолы безверия, неповиновения и политической свободы"³⁸. На разные лады доказывает он необходимость существования религии. "Без религии не может быть нравственности, без нравственности не может быть закона, без закона не может быть государства. Просвещение, которое отрицает религию, нравственность и законы, разрушает империи и государства"³⁹. "Человеческое общество без религии и без политического порядка подобно обществу диких зверей, конец которых легко предвидеть", - утверждает "Журнал искусства и литературы"⁴⁰.

Такое вот "воспитание" народа, т.е. внедрение в него вероидлических и религиозных чувств, удовлетворенности одной судьбой, покорности и смирения, - немецкие реакционеры предлагают называть "истинным просвещением", которое должно вытеснить старое "опасное" просвещение, занять его место. "Единственно истинное просвещение состоит в том, чтобы каждый человек научился признавать и выполнять обязанности своего сословия и чтобы он с разумным чувством довольства не стремился обладать тем, чего у него нет и что он по своей судьбе не может иметь. Тот, кто распространяет иное просвещение, - сознательный убийца душевного спокойствия своих сограждан", - пишет "Венский журнал" 1792 г.⁴¹ "Истинное просвещение, - подхватывает "Журнал искусства и литературы", - влияет... не столько на остроумие и на образ жизни, сколько на разум и нравы. Процесс истинного просвещения в каком-либо народе сказывается в полном осознании всеми классами их обязанностей и в убеждении, что от исполнения этих обязанностей зависит благо всех и каждого в отдельности"⁴². У Просвещения оспаривается его название, доказывается, что оно имеет права его носить, ему даются разнообразные бранные клички: "Распространение ложных принципов так же мало является просвещением, как суеверие - религией... Это - заблуждение ума..., злоупотребление знаниями"⁴³. "Называйте вещи своими именами: мнимое просвещение - тьма; просветители, направляющие на ложный путь, - обманщики, а направляемые - глухцы"⁴⁴. Некоторые из реакционеров доходят до того, что предлагают даже изъять из немецкого языка ненавистное им слово "Просвещение". Так, "Венский журнал" 1792 г. вносит такое предложение: "Пусть слово "Просвещение" (Aufklärung), впредь до полного уяснения его точного значения, полностью выпадет из немецкого языка. Там, где пойдет речь об истинном и разумном просвещении..., можно употреблять всем известное и почетное слово "мудрость", а там, где хотят обуздать глупость и фантазерство, претендующие на это название, - слово "просветительство" ("Aufklärerei")"⁴⁵. Но реакционеры не ограничиваются только ругательствами по адресу просветителей, дискредитацией их учения. Они прямо призывают все реакционные силы к сплочению в борьбе с Просвещением, а немецких монархов - к репрессиям против просветителей. На страницах реакционных журналов то и дело появляются воззвания, наподобие

следующих: "Граждане! Если вы хотите мирно и счастливо жить, гасите льстивый свет: он разгорится в страшный пожар. Остерегайтесь таких настроений, последствием которых будут самые ужасные разногласия... Государства! Если вы не хотите превратиться в ломки, восружайтесь против советчиков и просветителей народа!"⁴⁶. "Князья! Не медлите!.. Объединяйтесь, чтобы срубить ядовитое дерево, корни которого касаются ада, а вершина осеняет ваши троны!"⁴⁷.

В Германии происходит яростная борьба со всякими обществами и объединениями, в каждом из них усматривается "клуб пропаганды французской революции. Гонениям подвергаются также масонские журналы. Реакционная пресса обвиняет немецких масонов в связи с французскими революционерами, в антиправительственной деятельности. В печати идет ожесточенная борьба за и против существования оперы Моцарта "Волшебная флейта", поставленной впервые в 1791 г. в Вене, усматривая в ней аллегорию французской революции. Веймар объявлялся центром Просвещения, а крупные немецкие писатели - Гердер, Виланд, Беттигер и др. - ответственными за французскую революцию и революционную пропаганду в рейнских областях Германии"⁴⁸. Реакционный журнал "Эвдемония" объявил "сачинщиком всего зла" Шиллера, "Разбойники" которого "были не только предвестниками революции, но и больше всего содействовали ее подготовке"⁵⁰.

Этот яростный поход реакционеров против просветителей с их культом разума сатирически изобразил в те дни Адольф фон Книппе, один из самых последовательных сторонников французской революции в Германии. В "Посмертных бумагах покойного господина статского советника фон Шафскопфа" (т.е. фон Болванского), изданных в Ганновере в 1792 г., он рассказывает о возникновении "Ордена глупцов", программа которого полностью совпадает с политикой правящих кругов Германии в отношении к революции и просветителям. И первым пунктом этой программы значится борьба против разума, против стремления к знанию: "противодействовать бурно растущему верию к обманчивому человеческому разуму; восстановить в прежнее достоинстве религию, опирающуюся на авторитеты и традицию; препятствовать развитию несносного духа пытливости, вызывающего тревогу; раз и навсегда уничтожить царство так называемых просветителей"

теми средствами приводить к смирению тех, кто считает себя стоящими выше своих собратьев..., сокрушать отвратительный порок религиозной терпимости и смело сражаться с распроклятым обшественным мнением, со свободой мышления, слова и печати"⁵¹.

Реакционная публицистика, в самых мрачных тонах рисуемая "ужасы революции", агитация и пропаганда реакционных идей, руководимая непосредственно главами государств, воздействие религии и церкви - все это оказывало несомненное влияние на народные массы Германии, не доросшие до осознания своей силы; контрреволюционная публицистика создавалась не только правительством и реакционным дворянством, но и бюргерскими интеллигентами, служившими господствующему классу, вроде публициста Генпа, который, присоединяясь к англичанину Берку, боролся против революции, отражал страх бюргерских кругов перед революционно-демократическим движением и переворотами.

Еще перед революцией образовалась в Германии литературная группа, в которую вошли писатели, ранее близко стоявшие к "Буре и натиску" (бр. Штольберг, Якоби, Шлоссер, Клаудиус и др.), а теперь решительно выступавшие против всех политических и культурных тенденций антифеодального характера, защищая существующий порядок. После революции эта группа усилилась и особенно проявила свою реакционную направленность. И, наконец, писатели, которые раньше стремились к социальным изменениям, сами стали подвергать себя цензуре в отношении политического и социального содержания своих произведений и из-за страха правительственных репрессий, из-за боязни выступлений революционных народных масс.

Даже в рядах самих просветителей в 90-е гг. нередко возникали колебания. "Напуганные плебейскими методами борьбы революционно-народом, приведенные в смятение волной буржуазного эгоизма, атаковавшей Францию после Термидора, многие просветители готовы были подвергнуть сомнению самые основы своего мировоззрения: уверенность в силе разума, человеческого знания, в возможности премены существующего разумно и целесообразно построенным обществом"⁵².

Только учитывая идеологическую борьбу, происходившую в Германии в 90-е гг., можно по справедливости оценить подвиг писателей-просветителей во главе с Гете, сумевших в эти годы мрачной реакции сохранить гуманистический взгляд на человека, веру в конеч-

ную победу его творческих сил и выступивших на защиту заво-
Просвещения.

1 Э н г е л ь с Ф. Положение в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.2. С.562.

2 F o r s t e r J. G. Briefwechsel / Hsg. von Th. N. Lehmann. 1829. Bd. II. Это мнение он повторяет неоднократно.

3 Э н г е л ь с Ф. Положение в Германии. С.562.

4 Там же.

5 Ш и л л е р Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. Письмо пятое // Шиллер Ф. Собрание сочинений: В 7 т. М.: ГИИЛ. 1957. Т.6. С.261.

6 Minerva: Ein Journal historischen und politischen Inhalts / Hsg. von J. W. Archenholz. Berlin, 1793. Bd. I. Januar.

7 Там же. Т.УП, июль 1793. С.199.

8 Politisches Journal / Hsg. von Schirach. Hamburg, 1791.

9 Magazin der Kunst und Literatur. Wien, 1793. Bd.II. S.13.

10 Ш и л л е р Ф. Письма об эстетическом... С.253-254.

11 С а м р е J. H. Briefe aus Paris während der Französischen Revolution geschrieben / Hsg. von Helmut König. Berlin: Rütten & Loening.

Эти письма, опубликованные в 1792 г. в "Брауншвейгском журнале", были точными и впечатляющими сообщениями о французской революции и относятся к наиболее ценному духовному наследию немецких демократов XVIII в. Именно за их создание Кампе получил почетное звание гражданина Французской республики.

12 Г е т т е И. В. Французская кампания 1792 года // Goethes Sämtliche Werke, J.A., Bd.28. S.159.

13 Минерва. Июль 1794. Т.УП. С.163.

14 Forsters Briefwechsel. Bd.II. S.460.

15 Минерва. Январь 1792. С.122.

16 Имеется в виду газета "Allgemeine Literaturzeitung", выходившая в Йене с 1785 по 1804 гг. и ставшая виднейшим изданием своего времени. В 1804 г. она была перенесена в Галле, где существовала до 1849 г., а в Йене ее место заняла "Йенская литературная газета" ("Jenaische Allgemeine Literaturzeitung").

17 К о т з е б у е A. von. Memoire über den Revolutionskrieg in Rücksicht auf einige russische Provinzen und über die Mittel, dessen Fortschritte zu hemmen, 1794 // Weimarer Beiträge. 1955. S. 106-107.

18 Voegt H. Die deutsche jakobinische Literatur und Publizistik 1789-1800. Berlin, 1955. S.13.

19 Там же. С.14.

20 К о т з е б у е A., von. Указ.раб. С.105-108.

21 Politisches Journal / Hsg. von Schirach. Hamburg, 1790. N. 1.

22 Минерва. Июнь 1793. С.377.

23 Wiener Zeitschrift. 1791. N.1. S.3.

24 Там же. Недаром издателя этого журнала Гофмана современники называли "предводителем обскурантов" и написали на него следующую эпиграмму: "Им (т.е. Леопольдом II - Е.В.) охраняемый год: раб Писал пасквили на человеческий разум И говорил народам: бьте овцами И ласково лижите руку своего убийцы" (Heine K. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrich des Großen bis zur Auflösung des alten Reiches. Stuttgart, 1899. Bd. 1. S. 310).

25 Wiener Zeitschrift. 1792. S.341-342.

26 Magazin der Kunst und Literatur. 1793. Bd.I. S.280.

27 Там же. С.323.

28 Magazin der Kunst und Literatur. 1793. Bd.II. S.11.

29 Wiener Zeitschrift. 1792. Heft 2. S.199.

30 Magazin der Kunst und Literatur. 1793. Bd.I. S.264.

31 Wiener Zeitschrift, 1792, Heft 2. S.201-202.

32 Там же. С.212.

33 Magazin der Kunst und Literatur. 1793. Bd.IV. S.259.

34 Там же. С.273.

35 Wiener Zeitschrift, 1792. Heft 2. S.210.

36 Magazin der Kunst und Literatur. 1793. Bd.I. S.274-275.

37 Wiener Zeitschrift. 1792. Heft 2. S.210.

38 Там же. С.211-212.

39 Magazin der Kunst und Literatur, 1793, Bd.IV. S.279.

40 Там же. 1793. Т.1. С.283.

41 Wiener Zeitschrift. 1792. Heft 9. S.310.

42 Magazin der Kunst und Literatur. 1793. Bd.III. S.191-192.

43 Там же. С.204-205.

44 Там же. С.171-172.

45 Wiener Zeitschrift. 1792. Heft 8. S.189.

46 Magazin der Kunst und Literatur. 1793. Bd.IV. S.279-280.

47 Wiener Zeitschrift. 1792. Heft 6. S.344.

48 Известен такой факт, что в Баварии каждый чиновник должен дать присягу, что он не принадлежит ни к какому тайному обществу (Хайгель К.Х. Указ.раб. С.310).

49 Там же. Т.1. С.313.

50 Там же. Т.1. С.312.

51 K n i g g e A. F. Der Traum des Herrn Brick: Essays. Sati-Utopien. Berlin, 1968. S. 548.

52 Гейман Б. Я. "Фауст" Гете в свете исторического
лома на рубеже XVIII и XIX вв. // Ученые записки Ленинградского
гос. пед. ин-та им. Герцена. 1955. Т. 121. С. 70.

52 Гейман Б. Я. "Фауст" Гете в свете исторического
лома на рубеже XVIII и XIX вв. // Ученые записки Ленинградского
гос. пед. ин-та им. Герцена. 1955. Т. I. С. 70.

А. Н. Анисимова (Кульба)

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ТВОРЧЕСТВО Х.Ф.Д. ШУБАРТА

Воздействие Французской революции на общественно-литературную жизнь Германии XVIII в. выразилось в мощном развитии журналистики в ее политической ориентации. Большая заслуга в активизации политической публицистики принадлежит Д. Шубарту - основателю в Германии политического журнала "Немецкая хроника", подготавлившего почву для развития немецкой политической публицистики.

Христиан Фридрих Даниэль Шубарт (1739-1791) - один из наиболее значительных участников литературной жизни Германии XVIII века, демократ и патриот, просветитель немецкого народа, публицист, поэт и композитор. Его творчество представляет значительный интерес в плане отражения общей тенденции развития немецкой культуры XVIII в., и в частности духовной жизни Германии времен Великой французской революции. Будучи старшим современником Гете, одним из поэтов "Бури и натиска", наставником Шиллера, Д. Шубарт оставил богатое поэтическое наследие, обеспечившее ему достойное место в классической немецкой литературе. Однако творчество Шубарта мало исследовано литературоведением, а проблема "Шубарт Великая французская революция", по существу, не изучена вообще. Деятельности Д. Шубарта в период революции имеются лишь отдельные замечания во вступительной статье В.М. Жирмунского¹.

Профессию публициста, которой он занимался, Шубарт называл одной из самых опасных. За критику духовенства и власть имущих выслали из свободного города Аугсбурга, и он переселился в Ульм, где продолжил выпуск журнала, писал предисловия к книгам, сочинял в ряде немецких журналов, сочинял стихи и музыкальные произведения. В 1777 г. Шубарта по приказу герцога Карла Евгения перевели в герцогство Вюртемберг и бросили в крепость Хоэнасперг, где без объявления приговора он томился 10 лет. С заключенными обращались чрезвычайно жестоко. В течение года его содержали в темной камере на хлебе и воде, лишив человеческого общения

Он не видел никого, кроме охранника. Это было самым страшным мучением для общительного, темпераментного поэта и музыканта. Он пытался сочинять и записывать свои произведения вилкой, но эти предметы у него отбирали и пригрозили приковать цепями к стене. На протяжении девяти лет Шубарт не имел свиданий с родными. Лишь в последний год заключения ему разрешили свидание с женой и сыном. Моральные страдания поэта усиливались тем, что герцог Карл Евгений несколько раз обещал освободить его, но не сдерживал своего слова. Только в 1787 г. под давлением определенных общественных и правящих кругов Пруссии Шубарт был выпущен на свободу. Ему разрешили вновь издавать журнал и назначили директором театра в Штутгарте. Но здоровье поэта было подорвано, прожив неполных пять лет, скончался 10 октября 1791 г. в возрасте 52 лет.

Большинство литературоведов представляет Д. Шубарта этих лет человеком физически и морально сломленным в результате десятилетнего заключения в крепости Хоэнасперг². Однако разработка Шубартом в своем творчестве темы Французской революции доказывает ошибочность мнения о моральном поражении публициста и поэта. После освобождения из крепости в 1787 г. Шубарт возобновляет издание своего журнала, только слегка изменяя его название: "Отечественная хроника Шубарта" (1787), "Отечественная хроника" (1788-1790-1791 гг. - просто "Хроника". Это связано с изменением тематики статей в журнале. Все большее внимание автор уделял актуальным событиям во Франции, народным выступлениям в Нидерландах, Польше, России. Поэтому названия "Немецкая хроника" и "Отечественная хроника" уже не соответствовали содержанию журна-

ла. Изучение публицистики Шубарта поражает широта политического кругозора ее автора, глубокое понимание им исторических процессов, верная оценка некоторых важных вопросов войны, мира, революции: он исследует вопрос о справедливых войнах; анализируя положение во Франции после начала революции, предостерегает от вмешательства других стран в ее внутренние дела. Пламенный журналист разоблачает политику господствующих классов, которые отталкивают народ от борьбы за свои права вовлечением страны во внешние конфликты. Удивляет политическая интуиция Д. Шубарта, который предвидел победу американскому народу в борьбе за свою неза-

висимость, предвидел великие события во Франции и то, что жающие ее государства задуют революцию.

Д. Шубарт, восторженно приветствуя Французскую революцию, хвалился свободолюбием этого народа: "Французы - великий, с народ, они скорее пожертвуют материальными благами, чем ст рабами"³. "Жажда свободы у французов - это огонь алтаря, а тление соломы" (12 марта 1790, № 21). Публицист ставил реви ный французский народ в пример своим согражданам, пытался немцам высокие, благородные чувства: "Братья, поклонитесь: и умереть за свободу!" (28 мая 1790, № 43). Однако воспитат кие качества в народе, который веками угнетался, в котором давялось все лучшее, было нелегко. Д. Шубарт приводит слова парижской листовки, где говорится о том, что "немец не имет патриотизма, ни чувства свободы; если он может только набить свой живот и полоскать свою глотку, то ему все едино, что вать: врата ада или небесный Иерусалим" (21 июля 1789, № 5). Шубарт поддерживает французов: "Бесславно для нас, немцев, ду свободу за деньги" (21 июля 1789, № 58). С горечью автор ко рует, что "нет солдат лучше немецких" (21 июля 1789, № 58), чину видит в том, что народ "учат думать мелко и по-рабски" июля 1789, № 58). Недаром публицист называл военную академию цога Вюртембергского Карла Евгения "плантацией рабов".

Мотив свободы является одним из основных в творчестве Д. та и пронизывает его стихи и публицистику. Он признавался: я говорю о свободе, то речь моя становится песнопением" (17 1789, № 57). Свободного человека Шубарт сравнивал с полубот торный "может сотворить все, что он захочет" (15 июня 1790, Сокровенные мечты и надежды Шубарта связаны со свободой и м для всех людей.

Будучи демократом, Д. Шубарт последовательно защищал народ ные интересы. Он относился к числу немногих писателей, которые в револуционные возможности немецкого народа. "Ни одно крупное жеение тех лет не прошло мимо его газеты... Он старался освет те или иные всплшки народного недовольства в Германии, посто выражая им сочувствие и критикуя просветителей типа Мозера, вавшихся на позициях "мудрой умеренности"⁴.

Д. Шубарт писал: "... Монархи существуют ради народа, а не род ради монархов. Только нация - в полном своем составе или

Полная законным образом своими избранниками - уполномочена вага распоряжения и законы, под властью которых она хочет во. Против последних глава государства, будь то выборный или лядственный, не имеет права возражать, хотя ум и общее бла- людсказывают прислушиваться к опыту правителей, взвешивать и брать из него все пригодное. Обязанность монархов - толь- зводить в исполнение эти законы и применять их на благо об- кзава" (30 сентября 1791, № 78). Как видно из этого отрывка, лужной формой государственного устройства Шубарт считал кон- дупционную монархию. Однако особое значение имеет здесь та о, которая отводится автором народу, ради которого и должны ствовать, по его мнению, монархи. Многие литературоведы кают Шубарта в том, что он прославлял так называемых просве- тых монархов: Фридриха II, Екатерину II, Густава, Иосифа II⁵. Вирмунский и З.Е. Либинзон объясняют это сложным, противоречи- характером немецкой демократии второй половины XVIII в. Ли - туровед из ГДР Альфред Антковиак полагает: "Шубарт осознал, что свобода нации без ее единства исторически невозможна. И ради единства нации он был склонен признавать монархов", ко- ставили своей целью объединение нации в рамках централи- ного государства⁶. Однако было бы несправедливо не отметить, т публицист неоднозначно относился к "просвещенным" государям. он и сочинял в их честь оды, он в то же время обличал их си. Так, говоря о Екатерине II, Шубарт задавал вопрос: до ка- тор будут торговать людьми, как скотом? И отвечал на него: тех пор, пока человек будет позволять обращаться с собой по- им образом и пока он не приобретет чувство собственного до- ства (6 августа 1790, № 63). Нельзя, конечно, отрицать, что политические взгляды Шубарта, как и большинства немецких про- тителей, были еще... нечеткими, порой расплывчатыми"⁷. идеа- политических взглядов Д. Шубарта проявляется, например, в дщере в классовое единение нации. Сообщая о событиях во Фран- де он писал: "Уже давно вся нация была похожа на бурлящее мо- тью теперь улягутся бушующие волны, так как великое дело - единение сословий - свершилось... Аристократия, духовенство овод слились в чудесном трезвучии... К балкону королевского а, где стояли король и королева, взлетает ликующий возглас: равствует король! Королева!" (7 июля 1789, № 54).

Великая французская революция не только определила свободный характер творчества Шубарта, но и явилась тем пробным камнем, который выявил противоречия его политических взглядов. Отношение к религии всегда было слабым местом мировоззрения Д. Шубарта. Он родился в семье дьякона, изучал в университете теологию, был помощником священника. Он искренне верил в бога, но, видя ханжество и злоупотребления служителей церкви, яростно критиковал их. Еще в 1772 г. за пародию на католическую мессу он был выслан из Лудвигсбурга, резиденции герцога Вюртембергского, и в течение 8 лет был отлучен от церкви. На страницах своего журнала Шубарт вел полемику с орденом иезуитов, разоблачал шарлатанство пастора Гесснера, который приписывал возникновение болезней воздействию злых духов на человека и лечил прощедурой "изгнания дьявола". Однако воцарение свободы и справедливости Шубарт непременно связывал с религиозным чувством. "Если французы будут так же продолжать свое дело, если они с постоянным обращением взора к богу, отцу нации и дарителю свободы, будут продолжать работу над своей новой Конституцией, если они будут защищать, хранить, распространять святую христианскую религию, как величайшее благо мира (ведь философия без религии может возыметь высшей власти над людьми, как сказал один мудрый римский прелат), то на удивление всем народам в ближайшем будущем поднимется их храм свободы - храм, который будет стоять и тогда, когда ангел призовет всех на страшный суд: "Пора!" (28 мая 1790 № 43).

Противоречия в общественно-политических взглядах Шубарта являются чем-то неожиданным: они вполне объяснимы сложностью и противоречивостью эпохи, в которую он жил. Однако его творчество, которое является народным по своей сущности, имеет ярко выраженную тенденцию: служить народу, его просвещению, воспитанию в нем национального самосознания, чувства патриотизма, свободолюбия, служить объединению немецкой нации. А своими разоблачениями пороков властителей и служителей церкви Шубарт побуждает к борьбе против несправедливости.

Редкий поэт и публицист того времени отваживался на такую последовательную критику существующих порядков и такое последовательное прославление свободолюбия французов и Французской революции. Правда, Шубарт умер в октябре 1791 г., став свидетелем лишь пер-

стапа Французской революции. Буржуазные критики постоянно упор на то, что Шубарт не был современником "ужасов Робеспьера", иначе он непременно выступил бы против Французской революции. Это утверждение опровергается таким фактом. После смерти Шубарта "Хронику" продолжали издавать сын публициста Людвиг Шубарта и его друг Готхольд Штойдлин, которые были единомышленниками Шубарта и так же, как он, оценивали события во Франции и при этом не забывали о том, как болезненны были уколы их критики для герцога Евгения и какое большое влияние оказывала "Хроника" на общественное мнение Германии. Бесценным свидетельством значения Шубарта является донесение тайного советника Вюртемберга Евгения о состоянии прессы в графстве от 20 декабря 1790 г.: "Внимательном рассмотрении... содержания газет, которые чаще всего читаются всеми народными классами и зачастую не понимают, следует отметить, что со временем влияние этих газет может быть вредные последствия. Это касается особенно Французской революции, о которой шубартовская хроника пишет восторженным языком и положительно оценивает события во Франции. Эти статьи с восторгом переводятся на французский, печатаются в парижских листовках и у французов вызывают периодически сенсацию и могут повредить в значительной степени законам, которые должны быть приняты в этом донесении из всех публицистов выделяется Шубарт, издающий "Хронику", как самый опасный в плане изображения событий Французской революции, волнений в Нидерландах и внутри Германии. Иная на то, что народ непросвещен, автор донесения отмечает, со временем чтение газет подобного толка может привести к вредным последствиям для герцога. Этот донос подтверждает, что Французская революция стимулировала творчество Д. Шубарта, а работу им тем свободолюбия и мира. Характерно, что идейный противник Д. Шубарта отметил не только влияние Французской революции на Шубарта, а через его журнал - немецкий народ, но и значение немецкого публициста для развития Французской революции. Тайный советник герцога Вюртембергского полагал, что мысли Шубарта могли оказать влияние на новый закон, который готовился к принятию во Франции, что вос-

торженные отклики на Французскую революцию, печатавшиеся в "Ницке", переводились на французский язык и вызвали бурные выступления у французов.

Публицистика Шубарта очень своеобразна. В свои статьи вплетает басни, анекдоты, порою проза органично переходит в стихи, особенно если речь идет о борьбе за свободу и мир.

Ряд стихотворений Шубарт написал под влиянием Великой французской революции: "По поводу обломка от темницы Вольтера" (Auf eine Bastill(e)trümmer von der Kerkertüre Voltaires, 1789); "О свобода, свобода! Рожденная богом..." (O Freiheit Gottes Schoß entstiegen..., 1789); "Немецкий дух свободы" (Deutscher Freiheitsgeist, 1789); "Итак, властители Земли" (Also, ihr Herrscher der Erde..., 1790); "Приди, богиня мира" (Friedensgöttin, komm, ich flehe..., 1790). "Земля от человеческих убийств устала..." (Die Welt ist nun des Menschenmordes müde..., 1790) занимает особое место в позднем творчестве Д. Шубарта.

Земля от человеческих убийств устала,
И войны выходят из боев,
С небес нисходит Мир - пора настала,
И Плодородие в поля приходит вновь.
Пред Миром клонятся колосья тучной нивы,
Их не растопчут уж копыта лошадей,
И широко разносятся напевы мира,
А в них звучит восторг простых людей.
О немцы, будьте же достойны Мира,
Ведь нужно, чтобы каждый с честью жил,
Чтоб Марс не вырвался из преисподни
И Землю вашу не опустошил.

Это стихотворение написано в августе 1790 г. и опубликовано в № 69 "Хроники". Оно тематически связано со статьями Шубарта о Французской революции, в которых автор рассуждает о справедливости и несправедливых войнах, предостерегает французов от опасностей контрреволюции, требует мира для Франции. Подобные требования высказывались официальными властями как предательство, как "антиреволюционное" и "якобинское" поведение. Слово "якобинец" звучало тогда как "разбойник". Данное стихотворение относится по классификации самого Шубарта к дидактическим. Свои мысли поэт облачает в образы, контрастные по своему значению: Мир, сошедший с неба, и Марс - душитель, жаждущий вырваться из ада и опустошить страну. Таким образом утверждается: Мир - от бога, война - от сатаны и призывает гра...

в стремлении к добродетельной жизни, чтобы быть достойными мира. В волеизъявлении публицистики Шубарта призыв к добродетели звучит как призыв не участвовать в войне против Французской революции. Война несет с собой горе людям и бесплодие земле, душист свободу. О не поэт говорит косвенно, вводя образ Земли, уставшей от войн, пропитанной человеческой кровью, образ растоптанных на полях колосьев.

Обратившись к политической тематике, Шубарт внес значительный вклад в движение "Бури и натиска". Характерно, что до заключения в крепость, в 1774-1777 гг., Д. Шубарт писал в основном басни, бичевал пороки тиранов и священников, прибегая к иносказанию. А после десятилетнего заключения он обращается к политической лирике, называя вещи своими именами, открыто критикуя князей. Подобное явление мы связываем с изменением внутриполитической ситуации в Германии под влиянием Французской революции, еще раз наглядно опровергает точку зрения, согласно которой Шубарт вышел из темницы морально сломленным человеком. Если бы было так, Д. Шубарт должен был бы вообще отказаться от опасной профессии публициста, или, опасаясь повторных репрессий, еще тщательнее прятать свои мысли под иносказаниями. Но ничего подобного не произошло: десятилетним тюремным заключением Карлу Шубарту не удалось подавить бунтарский дух поэта.

Необходимо отметить эмоциональный, выразительный язык Шубарта. В том плане его творчество находится в русле литературы "шторме", которая, будучи демократической по своим тенденциям, "стремясь к народности содержания, разговорной простоте языка, неподдельности чувства и эмоциональной выразительности, она предвещала неотесанность, даже грубость, как выражение душевной чужды и жизненной правды, искусственной изысканности и условности красавости поэзии высших классов общества, воспитанной французским придворным классицизмом".

Подводя итог, необходимо отметить, что именно тема Французской революции оживила и придала особый блеск журналу Д. Шубарта, который он вновь стал выпускать после освобождения из тюрьмы, так именно в этих материалах яростный публицист-демократ мог выразить свои мысли о свободе личности и всего народа, о его единстве, о любви к Отечеству, о борьбе против угнетателей, о праве человека на счастье и мир.

1 Жирмунский В. М. Вступительная статья // Немцы демократы XVIII века. М., 1956; См. также: Жирмунский В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы. М., 1972; Либинзон З. Е. Формирование общественно-политических воззрений молодого Шиллера // Вопросы русской и зарубежной литературы. Куйбышев. Т.2. 1966.

2 Cassau G. Lessing, Goethe und Schubart. Leipzig, 1980. S. 94; Жирмунский В. М. Вступительная статья // Немцы демократы XVIII в. М., 1956. С.26; Mainm. Der Musiker Schubart: Vorwort // Christian Friedrich Daniel Schubart. Ideen zu einer Aesthetik der Tonkunst. Leipzig, 1977. S.

3 "Хроника" Шубарта от 20 апреля 1790 г., № 32. Цит. по книге: Schubarts Werke in einem Band. Weimar, 1959. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте.

4 Либинзон З. Е. Формирование... С. 382-383.

5 Нополка К. Schubart: Dichter und Musiker, Journalist und Rebell: Sein Leben, sein Werk. Stuttgart: Dt. Verl. Anst., S. 286.

6 Schubart Ch. F. D. "Einigkeit der Freiheit Amme Ein Brevier / Alfred Ankkowiak. Berlin, 1956. S. 7.

7 Либинзон З. Е. Указ. раб. С.382.

8 См.: Нополка К. Указ. раб. С.283.

9 Schubart C. F. D. Briefe. Leipzig, 1984. S. 381.

10 Перевод мой.

11 Vgl.: Voegt H. Die deutsche jakobinische Literaturpublizistik: 1789-1800. Berlin, 1955. S. 18.

12 Ср.: Ch. F. D. Schubarts kurzgefaßtes Lehrbuch der schönen Wissenschaften. 1781. S. 172.

13 Жирмунский В. М. Вступительная статья // Немцы демократы XVIII века. М., 1956. С.24.

Г. В. Кучумова (Куйбышев)

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ К. М. ВИЛАНДА

Кристоф Мартин Виланд (1733-1813) "вошел" в революцию, будучи уже признанным авторитетом в немецкой просветительской литературе. Пик его литературного творчества был позади. Завершена была работа по созданию "Истории Агатона" (1766-1767)¹ и "История абдеритов" (1781), написан роман "Золотое зеркало, или Короли Шешана" (1772) и поэтическая поэма "Оберон" (1780). События Французской революции дают беспокойному духу Виланда новые творческие импульсы.

В период с 1789 по 1793 гг. появляются его статьи и сочинения, отразившие размышления писателя о революции ставшие своеобразной энциклопедией, запечатлевшей политическую и духовную жизнь Германии в эпоху Великой французской революции. Обновляется и литературно-политический журнал "Немецкий Меркурий", издаваемый Виландом с 1773 г. С 1790 г. он выходит под названием "Новый немецкий Меркурий" с измененным титульным листом.

Широкому кругу читателей Виланд известен как поэт, рассказчик, публицист и переводчик; как журналист и издатель "Немецкого Меркурия" он известен гораздо меньше. Однако исследователи его творчества называют писателя одной из центральных фигур духовной элиты Германии конца 18 в., "комментатором" французских событий. И это действительно так. Из современных ему писателей лишь немногие так пристально проследили весь ход событий Французской революции, еще меньшее число немецких просветителей посвятило революционным событиям так много страниц. За период с 1789 по 1794 гг. Виланд опубликовал в журнале "Немецкий Меркурий" 18 статей и сочинений, посвященных Французской революции².

Статьи и сочинения Виланда в "Немецком Меркурии" имели ряд неоспоримых достоинств. Прежде всего они знакомили немецкого читателя с ценным и свежим материалом из революционной Франции. Красиво владея французским языком, Виланд получал информацию, которую называются, из первых рук. В своих статьях он часто ссылается на "Монитор", "Меркур де Франс", а также на "Журналь де Пари", опубликовавший дебаты Национального собрания. Статьи и выступления Виланда были остро актуальными и отличались зрелостью мышления. В этом плане журнал "Новый немецкий Меркурий" являлся одним из важнейших источников информации о французских событиях. Будучи одним из самых популярных и читаемых журналов в Германии конца 18 века, он во многом формировал политические взгляды немецкого читателя³. Об этом свидетельствуют слова Кристиана-Беньямина Гейслера, вождя крестьянского восстания 1790 года в Саксонии. Гейслер ясно указал на журнал "Новый немецкий Меркурий"⁴. Этот интереснейший период в творчестве писателя (1789-1794) изучен еще недостаточно. Зарубежными и советскими исследователями написан ряд научных работ по разным аспектам творчества Виланда.

да. Однако этому чрезвычайно важному периоду уделяется крайне мало внимания⁵.

Виланд - известный немецкий просветитель, предшественник в создании немецкой классической литературы, был в немцах, которые, по образному выражению М. Шагинян, "зачерпнули первые костры" Великой французской революции, которые лишь ее "первому великому пламени вместе с лучшими людьми ее родины"⁶. Но Виланд был и в числе тех, кто прошагал волною лишь часть пути, так как не сумел до конца принять революцию.

Как крупнейший просветитель своего времени, Виланд воспринимал Французскую революцию большие надежды. Он был убежден, что события, потрясшие Францию и всю Европу, имеют огромное историческое значение. Он видел в них плод работы просветителей, которые ненавистной ему эпохи феодализма. В сочинениях этого периода политические темы выдвигаются на передний план.

Виланд восторженно встречает Французскую революцию. В его сочинениях "Разговоры богов" (1789-1793), говоря о революции, восклицают: "Какой день! Какие действия! Какой день для современников и последующих поколений!"⁷. Виланд приветствует Французский народ, изумляясь, как быстро произошла в Франции переход от рабства к свободе духа. Он пишет: "Нам вдруг встала как один, чтобы идти на смерть за свободу и счастье"⁸. С большим интересом, пишет далее автор, вся Европа следит за событиями в соседней Франции, восхищаясь патриотическим мужеством и стойкостью французского народа, самой передовой нацией в Европе⁹. Такое же восторженное отношение к французским событиям мы встречаем и в ряде других сочинений этого периода.

Однако мнение писателя о Французской революции не оставалось неизменным. Уже осенью 1789 г. Виланд в первой же статье "Французской революции" от лица своего героя Адельштана делает упрек депутатам Национального собрания в том, что они как представители всего французского народа превышают свои полномочия. Он опасается, что в подобной ситуации "взвешенный" народ, "незамедлительно попытается взять власть в свои руки. В результате Адельштан боится увидеть не столько победу разума, сколько победу "черни" над элитой, победу грубой силы над духом"¹⁰.

Являются ли позиция Адельштана выражением позиции самого Виланда? Отчасти, да. Виланд, как и многие другие немецкие поэты, любил Французский народ. "Но это был энтузиазм, - пишет Адельштан, - на немецкий манер, он носил чисто метафизический характер и относился только к теориям французских революционеров. На деле, как только идеалы революции стали воплощаться в жизнь, многие немецкие писатели отшатнулись от нее. Волнения, террор, кровавые столкновения - такова была действительность. Являясь противником всякого насильственного переворота, Виланд считал, что изменение существующего строя должно идти мирным путем, постепенно, "эволюционно", "ведь природа не делает скачков"¹². Поэтому вся его писательская и журналистская деятельность была направлена на борьбу за распространение просветительских идей во всех слоях населения.

В немецкой прессе Виланд постоянно подвергался нападкам со стороны - революционеров и контрреволюционеров; вместе с этим его хвалили за острый политический ум, революционную ориентированность, интересовались его мнением. Из этого ясно, отмечает исследователь Г.-Л. Финк, что Виланда считали яркой фигурой в политической и литературной жизни Германии¹³, хотя его взгляды во многом противоречивы.

Виланд иногда демонстративно проявлял свое безразличие к политическим событиям, неохотно вел политические разговоры¹⁴. Под маской "комментатора" событий, "стороннего наблюдателя" его очень часто мимовывала. Писатель считал себя надпартийным свидетелем современных событий. Быть надпартийным значило, по его мнению, быть объективным экстремистом, которые хотели видеть только одну сторону событий. Так, Виланд резко выступал как против реакционеров, так и против революционеров, вождей революции Робеспьера, Дантона и Марата, в действиях которых он усматривал слабость, желание удовлетворить свои политические амбиции¹⁵.

В критике он одинаково направлял против обеих сторон, и это явно доказывает, что всякая партийность была ему чужда. В выступлениях Виланд часто нападал на Шлецера¹⁶, издателя "Государственные ведомости", считая, что немецкая пресса захваченная "партийным азартом", не умеет быть беспристрастной, искажает факты, что все корреспонденты словно сговорились против "свободы разума и сознания". Но столь же активно Виланд

выступал и против реакционных действий, с помощью которых правительство Германии пыталось подавить революционный накал прессы. По мнению Виланда, только пресса, свободная от нажима как с одной, так и с другой стороны, может стать оплотом борьбы против варварства.

Некоторые исследователи, например Б. Вейерграф, готовы устать в позиции Виланда - "дистанцированного наблюдателя" - от оценки реальных событий¹⁷. Г.-Л. Финк, напротив, полагает, что "олимпийский трон", с высоты которого герои "Разговоров богов" ведут беседу о смысле революции во Франции, нужен Виланду для того, чтобы, подобно Кипитеру, соблюдать объективность, беспристрастность и непредвзятость в оценке происходящего, чтобы не быть подвластным своим чувствам и симпатиям¹⁸. Правильно на наш взгляд, предположить, что в начале 90-х гг. Виланд не имел еще четкой позиции по отношению к событиям во Франции. Пуцкая революция слишком стремительно разрушала прежние устои. Многие писатели не были в состоянии быстро и, главное, но осмыслить события и выработать свое отношение к ним. Виланд тоже не спешил давать оценку происходящему.

Позиция "простого наблюдателя", выбранная Виландом, обусловила его переход к другим жанрам. Ранее Виланд писал в основном романы, чтобы более адекватно выразить свое мыслящее "я", его связи и отношения с упорядоченной действительностью. Революционная эпоха разрушила прежнюю упорядоченность. И единственным новым способом освоения этой действительности стал для Виланда диалог, в котором проявилась уже знакомая современникам манера писателя дистанцированно и иронически многозначно доносить к читателю свои и чужие размышления¹⁹.

В диалогах, посвященных Французской революции, Виланд представляет слово антагонистам не для того, чтобы подвести их к зрению к какому-то "усредненному" мнению, к их синтезу. Задача состоит в том, чтобы под определенным углом зрения исторически осветить идеи Французской революции, события, людей, и помислы. Поэтому в его диалогах инициативу часто берет консерватор или сторонник монархии, то либерал. Так, герой алога "О Французской революции" (1789) Вальтер, представитель либерального лагеря, вступает в беседу с Адельштамом, защищающим идеи монархизма. А Кипитер ("Разговоры богов"), реалист, пр-

20, позиция которого во многом совпадает с точкой зрения Виланда, ведет беседу со своей супругой Юноной, сторонницей монархии, и с ее подругами, стоящими на позициях консерва-

Осторожная позиция Виланда вполне объяснима. За несколько лет до Французской революции автор остро критиковал господствовавшие социальные условия в Германии в романе "История Агаты". Но в 1778 году в журнале "Немецкий Меркурий" он отрицал ответственность в романе событий с окружающей его немецкой действительностью. По-видимому, Виланд опасался, что герцог Баварии Вюртембергский по-своему истолкует содержание романа, и хотел отвести от себя всякие подозрения. Ему хорошо было известно печальная судьба швабского писателя Цубарта. Начало революции во Франции вызвало горячую симпатию и поддержку у Клоппштока, Форстера, Фихте, Гегеля, Гельдерлина и др. Виланд отличался от них вынужденная лояльность по отношению к австрийской герцогине Анне-Амалии: он занимался воспитанием двух ее сыновей. Эта должность давала писателю титул надворного советника и пожизненную пенсию, а главное, позволяла вести сравнительно независимый образ жизни. Материальная независимость писателя была по тем временам очень редким случаем, и Виланд знал цену.

И все же Виланд чувствовал себя менее скованно, чем, скажем, современник Гердер. Свойственная Гердеру прямая и недипломатическая манера высказывания не позволяла ему открыто выражать свое отношение к революции, последовательным сторонником которой был и идеалам которой до конца оставался верным. Виланд же умел скрывать свое мнение. В "застольных беседах" у Анны-Амалии, публикуемых в печати его разговоры никогда не сводились к однозначному суждению. Он умел влетать свое мнение в диалогическую, сталкивая при этом самые разные точки зрения. Наиболее "революционным" сочинением Виланда периода 1789-1793 гг. считаются его "Разговоры богов". Интересны высказывания современников об этом сочинении. В августе 1791 г. Кнебель пишет к Гердеру сообщает: "Опасность заключается уже в том, что он его (Виланда - Г.К.) сочинения в "Немецком Меркурии" печатать на другую улицу. Ни один человек не осмеливается даже читать их". Написанные в духе Лукиана "Разговоры богов", ко-

торые "брали на мушку" события во Франции, очень понравились Гердеру. Он настоятельно рекомендовал их своим друзьям всякого рода политической литературы²².

Однако высказывания Виланда в этот сложный период складываются с тем, что события Французской революции поколебали прежние убеждения, веру в торжество справедливости и милосердия человеческого разума. Постепенно он начинал почтительно относиться к просветительской идеологии, усомнился в "универсальных законах разума", которые якобы определяют прогресс человеческого общества. Поэтому, понимая значимость происходящих во Франции событий, Виланд не спешил ни с восхищением, ни с осуждением. Ему претили пышные речи за и против революции.

Противоречивость мировоззрения писателя в момент, когда лася была вера в гуманистические идеалы Просвещения, спред его идейного позитивизма. Виланд не принимает революцию как политическую форму переустройства общества, но вместе с тем он признает ее огромное историческое значение для прогресса всего человечества. В сочинении "Разговоры наедине" (1798-1799) Виланд одним из первых европейских публицистов высказал предположение, что революция может закончиться монархией²³. Здесь наличествует предвидение, что Французская революция, по сути своей буржуазная, не может создать "царство свободы и справедливости", с которым мечтали писатели-просветители.

Таким образом, взгляд Виланда на события Французской революции отличался большой сложностью и неоднозначностью. Творчество этого периода отразило сложный этап идейной эволюции писателя в 90-е гг. и не во всем они могут рассматриваться как "зеркало его души".

¹ Окончательная редакция романа относится к 1793 г.

² Среди них: О Французской революции (Zur Französischen Revolution, 1789); Беспристрастные размышления о революции во Франции (Unparteiische Betrachtungen über die Staatsrevolution Frankreich, 1790); Французская республика (Die Französische Republik, 1792); О войне и мире (Über Krieg und Frieden, 1792) и др.

³ Stoll K. Christoph Martin Wieland. Journalistik und Politik. Bonn. 1978. S. 57-59.

⁴ Вильманн Н. Einleitung // Wielands Werke in vier Bänden. Berlin u. Weimar: Aufbau-Verlag, 1984. S. XXXVII.

5 Dinkel H. Herder und Wieland. München, 1959; Seligsohn W. Wieland. Stuttgart, 1949; Stoll K. Christoph Martin Wieland...; Fink G.-L. Wieland und die Französische Revolution // Deutsche Literatur und Französische Revolution. Göttingen, 1974; Weuergraf B. Der skeptische Bürger: Wielands Schriften zur Französischen Revolution. Stuttgart, 1972; Виланд В. И. Д. Просветительские романы Кристофа Мартина Виланда. Автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 1967; Данилевский Р. Ю. Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму. Л., 1970; Пурришев Б. И. Виланд // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 2. М., 1963.

6 Шагинян М. С. Гёте. М., 1950. С. 20.

7 Ch. M. Wielands Sämtliche Werke. Leipzig: Göschen, 1796. B. 25. S. 110-111.

8 Wielands Werke. Berlin: Hempel o. J. Bd. 34. S. 295.

9 Там же. С. 280.

10 Там же. С. 166.

11 Энгельс Ф. Положение в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 562.

12 Wielands Werke. Berlin: Hempel o. J. Bd. 35. S. 398.

13 Fink G.-L. Wieland und Französische Revolution // Deutsche Literatur und Französische Revolution. Göttingen, 1974. S. 8.

14 Карамзин Н. Письма русского путешественника. М., 1983. С. 110-112.

15 Wielands Werke. Berlin: Hempel o. J. Bd. 34. S. 205-207.

16 Август Людвиг Шлёцер - издатель журнала "Государственные ведомости" (1782-1793).

17 Weuergraf B. Der skeptische Bürger. Stuttgart, 1972. S. 16-27.

18 Fink G.-L. Wieland und die Französische Revolution... S. 13.

19 См.: "Дон Сильвио" Виланда.

20 Wieland Werke... Bd. 9. S. 109.

21 Von und an Herder: Ungedruckte Briefe aus Herders Nachlass. // Neg. von H. Dintzer u. F. G. von Herder. Lpz., 1861. Bd. III. S. 74.

22 Dinkel H. Herder und Wieland. München, 1959. S. 68.

23 Данилевский Р. Ю. Виланд и его "История абдеритов" // Виланд К. М. История абдеритов. М., 1978. С. 233.

Г. Н. Андрюшкина (Куйбышев)

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ТИКА

В одной из своеобразных и причудливых повестей Тика "Своеобразие и непостоянство" на вопрос отца: "Откуда в тебе этот бунтарский дух?" - героиня отвечает: "Дорогой отец, я же родилась в

великом, грозном и добром 1789 году, откуда и идет мое неподчинение всем обычаям и порядкам, которые люди считают важными и необходимыми"¹.

В революционном 1789 г. будущему писателю-романтику Людвигу Тику исполнилось 16 лет. В это время он вместе со своим другом, единомышленником, впоследствии также писателем-романтиком В.Г.Вакенродером учился в гуманитарной Фридрих-Вердеровской гимназии в Берлине. Столица Пруссии той поры, по словам итальянского поэта Альфиери, представляла собой "большую казарму, внушающую отвращение", а все прусское государство со своими тысячами оплачиваемых приживальщиков - одной огромной нескончаемой гауптвахтой"². Ведь именно Пруссия в союзе с Австрией предпринимает военные действия против революционной Франции. Однако и в Пруссии усилились оппозиционные настроения, выразителями которых стали, в частности, ранние романтики Тик и Вакенродер.

Годы революции во Франции - студенческие годы в жизни Тика, он их провел, обучаясь в университетах Халле, Эрлангена и Геттингена, в двух последних - вместе с Вакенродером. Французская революция нашла живой отклик среди немецкого студенчества. Тик откликнулся на революционные события во Франции драматической поэмой "Пленник" (1790), которая осталась незаконченной. "Песня пленника" из этой поэмы, перевод которой приводим ниже, дает пример политической немецкой лирики революционных лет.

Приди, о свобода!	Увидеть лазурный
Прими меня	Свод неба,
В свои объятья!	Увидеть луны
Улыбнись мне снова,	Золотое сиянье,
Золотое солнце,	Мерцающих звезд
Свейте меня, вы,	Бесконечные дали,
Свежие ветры!	Услышать ручья
Откройся, тюрьма!	Молодого журчанье,
Отодвиньтесь засовы!	Услышать далекий
Как жажду	Шум леса!
Упитесь свободой,	

Умчался о тогда я к небу
На крыльях у бури-ветра,
Через леса летел бы,
Через моря и горы,
Устремившись смело
Солнцу навстречу.
Облетев все звезды,
Я принес бы с неба
Счастье на землю³.

(Перевод мой - Т.А.)

Возрождение Тика, будущего "короля романтизма", как назвал его Ф.Геобель, формируется под прямым воздействием событий Великой французской революции. В 1792 г. Тик пишет Вакенродеру: "Я никогда не чувствовал в себе столько силы и мужества, как теперь, - но что делать с этим в Германии? О, если б я был теперь французом, тогда бы я не сидел здесь..."⁴. Вакенродер, оставаясь до конца своей недолгой жизни единомышленником Тика, в период подъема французской революции, в январе 1793 г., очень точно выражает настроения своего друга: "Уверяю тебя, что я думаю о них (французах - Т.А.) в точности то же, что и ты, и от всего сердца разделяю твой энтузиазм. Однако же не могу удержаться, чтобы не прибавить следующее. Я здесь (в Берлине - Т.А.) ни с кем не говорю о французах, и это оттого, что о них говорят все, сообщают об их великих делах всегда с улыбкой, словно желая сказать: и чего только не наворотили эти наивные дети! И кто говорит о них с такой улыбкой, тому мне хочется тут же дать пощечину"⁵. В марте того же года Вакенродер пишет Тику: "Казнь короля привела в ужас и заставила отшатнуться от французов весь Берлин, но не меня. То, что я думал о французах прежде, то думаю и теперь. Не могу судить, правильными ли средствами они пользуются, потому что плохо разбираюсь в истории"⁶.

Тик, вступив в активную литературную деятельность сразу после революционных событий во Франции, становится "типичным представителем первого писательского поколения нового времени, отсчет которого начинается с французской революции"⁷. К 1794 г. им уже созданы первые литературные произведения (драмы "Алла-Моддин", "Орест в рыцарские времена", повести "Альманзор" и "Абдалла"), начата работа над романом "История господина Вильяма Ловелля", наиболее значительным ранним произведением Тика. Герой романа, молодой английский дворянин, совершающий путешествие по Европе в духе английских просветительских романов (не случайно фамилия тиковского героя частично сходна с фамилией Ловеласа, героя романа Ричардсона "Кларисса, или История молодой леди"), прибывает в Париж. Тик использует эту ситуацию для показа безнравственности, распущенности парижской аристократии и поражающей бедности низов в предреволюционной Франции, "царстве рабства и нищеты". Европа живет в ожидании революции.

В послереволюционные годы, наиболее плодотворные в творческом отношении, Тик создает свои самые значительные прозаические и драматические произведения, принесшие ему славу первого писателя-романтика. С 1795 по 1798 гг. он работает над многотомным сборником "Страусовые перья", который включил в себя такие рассказы, как "Два достопримечательных дня из жизни Зигмунда", "Сен-Леонард", "Ученое общество", "Чувствительный Ульрих", "Гениальный фермер", "Дневник" и др. В сборник вошли не только развлекательные рассказы, в соответствии с заказом издателя К.Ф.Никола: во многом продолжающие традиции просветительской литературы, но и новаторские, романтические повести, ознаменовавшие собой появление нового литературного направления в Германии. В 1797 г. появляются "Народные сказки" Тика, среди которых есть и комедия "Кот в сапогах" и "Перевернутый мир", свидетельствующие о появлении в Германии романтической драматургии.

Восторженное восприятие Тиком событий во Франции 1789-1794 г.г. вскоре сменяется пониманием ограниченного характера буржуазной революции, что повлекло за собой критику идей просветителей, выступивших главными вдохновителями революции. Не случайно в новаторской пьесе Тика "Кот в сапогах" разыгрывается "балаганная революция. Среди героев пьесы выступает Пугало, представляющее закон в образе льва, который превращается в мышку и проглатывается котом. Раздается крик: "Свобода и равенство! Закон съеден! Итак, отныне к власти придет третье сословие". Слышится свист филистеров и возглас: "Революционная пьеса!" Ирония по поводу знаменитого революционного лозунга "Свобода, равенство и братство!" в пьесе очевидна.

Тик, используя атрибуты сказки, выводит в своей пьесе короля, напоминающего героя мещанской драмы, и разыгрывает "сказочную" революцию, которая и в таком виде пугает зрителей-филистеров. То что пьеса, разыгрываемая в комедии, проваливается, также символично. "Государство разума", воплощенное в действительность французской революцией, потерпело полное крушение"⁸, - писал Энгельс в "Анти-Дюринге". Противоположность между богатыми и бедными, вместо того, чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, еще более обострилась. Осуществленная теперь на деле "свобода собственности" от

бесчеловечных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина своего продавателем эту мелкую собственность. Братство, провозглашенное в революционном девизе, нашло свое осуществление в инстинктах и зависти, порождаемых конкурентной борьбой. Одним словом, установленные "победой разума" общественные и политические учреждения оказались злом, вызывающей горькое разочарование как интеллигенцией, так и массами. Литературой на блестящие обещания просветителей"⁹.

В послереволюционных произведениях Тика критика просветительских идей дополняется критикой послереволюционной буржуазной действительности. Неприятие буржуазных отношений писателем часто передается в фантастических образах сказки. Так, в одной из своих блестящих сказок - "Белокурый Экберт", вошедшей в сборник "Народные сказки", Тик художественно точно передает свое ощущение современной эпохи, показывая разрушение патриархальной идиллии и установление дисгармоничных отношений между людьми. В рассказе волшебный мир лесного уединения (Waldeinsamkeit - понятие, введенное в романтическую литературу Тиком) противопоставляется миру корысти и эгоизма. Исходя из рассказа, и лесное уединение не представляется Тиком спасением от всех бед. Оно ассоциируется у писателя, на наш взгляд, с миром природы, искусства, литературы (просветительской в том числе), внутренним миром человека - всем тем, что удаляет человека от проблем реальной действительности. Новелла "Руенберг" (1802) отражает усиливавшееся чувство неприкаянности и отчужденности человека в современном мире, в котором установилась разрушительная власть денег.

Даже в романе "Страстствия Франца Штернбальда" (1797-1798), родившемся из творческого содружества Вакенродера и Тика и рассказывающем о Германии XVI в., "намерение Тика явно раздваивается между желанием нарисовать идиллические дореровы времена и какой-то настойчивой необходимостью показать сегодняшнюю правду... произнести слово осуждения по адресу современных цоинеров, деньги и мысли которых на глазах завоевывали мир"¹⁰.

В дальнейшем своем творчестве Тик все реже и реже упоминает о французской революции, споры с просветителями занимают его все меньше и меньше, но он постоянно пишет о послереволюционной буржуазной действительности. Г.Гейне, размышляя в 30-е гг. о творческой эволюции Тика, пишет в "Романтической школе": "Было

энтузиаст, дышавший только средневековьем, только феодальным средневековьем, лобивший искусство только в наивных излиниях сердца (имеется в виду участие Тика в создании сборников статей Векенродера "Сердечные изливания монаха, любителя искусств" в 1797 г. и "Фантазии об искусстве для друзей искусства" в 1802 г. - Т.А.), выступил теперь в роли изобразителя современной германской жизни и противника восторженности, как художник, требующий в искусстве ясности и сознательности, - словом, как разумный человек"¹¹.

На наш взгляд, эта "странная перемена" в творчестве Тика, о которой пишет Гейне, происходит не в 30-е гг., а значительно раньше, когда Тик прощается со своими ученическими годами (в то время он с увлечением занимался переводами английских готических романов), т.е. сразу после французской революции, и лишь усиливается в период национально-освободительного подъема в Германии и наступившей затем реакции. В 30-е же гг., когда политические и литературные дебаты романтиков с просветителями утихают, "артистическая ясность, жизнерадостность, спокойствие и ирония"¹² становятся главными чертами его писательской манеры, во многом напоминавшей, как справедливо замечает Гейне, гетевскую. В 30-е и 40-е гг. отношение Тика к французской революции также напоминает отношение к ней Гете: оба писателя в конце своего творческого пути не стали яркими врагами революции, заняв умеренную позицию по отношению к ней.

Тем не менее, Великая французская революция, потрясая Европу в конце XVIII в., была самым ярким событием для ее современников. Отзвук ее сохранился во многих поздних произведениях Тика. В новелле "Жизнь льется через край" (1839) Тик спорит уже не с просветительским доверием к разуму, а с романтической эстетикой, которая неоднократно пародировалась им и в ранних произведениях ("Ученое общество", "Чувствительный Ульрих", "Гениальный фермер" и др.). В ней он окончательно утверждает взаимозависимость "верха" и "низа", разума и чувств, земного и духовного. Он иронизирует над главными героями новеллы - независимыми молодыми людьми, живущими духовными интересами, покинувшими родителей ради сохранения своей любви и пытающимися представить свое затворничество истинной свободой от общества и его законов (образ лестницы, ве-

дущая на второй этаж дома, где они поселились, и используемой ими в качестве дров в суровую зиму, усиливает иронию автора). Молодые люди не гнушаются, например, проводя свое время в "слабом вычегонеделании", пытаются на скудные средства самоотверженной служанки Кристины, передающей им наверх горшки по веревке, когда лестница, соединяющая их с "миром", сожжена.

Подобное безобидное происшествие, как исчезновение лестницы, обнаруженное хозяином дома, воспринимается обывателями, жителями глухой и тихой улочки немецкого предместья, как "пожар", как гром среди ясного неба, как отзвук или сигнал к "чудовищной европейской революции", происшествие, возникающее только от действий одного лица - главного героя новеллы, носящего фамилию Бранд (нем. Brand означает пожар).

Критические высказывания Тика в новелле, вложенные в уста его главного героя, не могли не будоражить немецких филистеров, подобных тем, что изображены в новелле: "Все ругают тирана, и каждый стремится стать тираном. Богатый не имеет обязанностей по отношению к бедным, владелец - к подчиненным, князь к народу, но каждый из них негодует, если их подданные не выполняют своего долга по отношению к ним"¹³.

Центральное место в новелле занимает сон Генриха Бранда. Он совсем не похож на романтический сон о голубом цветке из романа Нваллиса - это сон, посредством которого Тик высказывает социально-критические замечания по поводу положения человека, и в частности писателя, в буржуазном обществе. Оно предстает во сне в виде аукциона, на котором продают людей. Бранда, как писателя, не хотят купить на нем даже в качестве экрана для камина или подставки для свечей. Когда жена выкупает его, а затем он ее, они оба попадают в тюрьму за то, что слишком высоко оценили себя. Их обвиняют в отсутствии патриотизма, связях с иностранными державами, аморальности и притоваривают к смерти. "Этот аукцион - неотъемлемая черта государственного устройства всех стран", - таков вывод, который делает героиня, а вместе с ней автор новеллы.

В этой одной из своих лучших поздних новелл Тик еще раз напоминает о революции и предсказывает то, что льющаяся через край жизнь неизбежно захлестнет старое несправедливое общество, сделав реальностью мечты романтиков об обществе, способствующем гармоничному развитию человека.

¹ T i e s c k L. Das Zauberschloß und andere Erzählungen. 1958. S. 338.

² Цит. по: М е р и н г Ф. Избранные труды по эстетике: 2 т. Т. I. М.: Искусство, 1985. С. 306.

³ König der Romantik: Das Leben des Dichters Ludwig Tieck. Briefen, Selbstzeugnissen und Berichten. Vorgestellt von Gurk. Brl., 1981. S. 80.

⁴ Цит. по: Geschichte der deutschen Literatur: In 11 Bd. Brl., 1978. S. 376.

⁵ Ва к е н р о д е р В. Г. Фантазии об искусстве. М.: Искусство, 1977. С. 236-237.

⁶ W a c k e n r o d e r W. H. Werke und Briefe / Hrsg. F. Leyen: In 2 Bd., B. II. Jena, 1910. S. 332.

⁷ B e r g e r F. r. Nachwort // T i e s c k L. Straußfäden. Weimar, 1974. S. 332.

⁸ Э н г е л ь с Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. С. Т. 20. С. 267.

⁹ Там же. С. 669.

¹⁰ Т у р а е в С. В. Вакенродер и Тик: Близость и расхождение // Philologica. Л.: Наука, 1973. С. 321.

¹¹ Г е й н е Г. Романтическая школа // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1982. С. 381-382.

¹² Там же. С. 382.

¹³ Избранная проза немецких романтиков: В 2 т. Т. I. М.: Худлит., 1979. С. 320.

А. Л. Я щ е н к о (Горьк

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Биографами Генриха Гейне, как зарубежными, так и русскими неоднократно отмечалось то обстоятельство, что великий поэт нередко в шутку называл себя самым первым человеком, родившимся в XIX столетии¹. Действительности это не соответствует: Гейне родился 13 декабря 1797 г. Тем не менее в этой достаточно хорошо известной гейневской шутке содержится большая доля истины: если Гейне и родился несколькими годами ранее начала девятнадцатого столетия, то он безусловно был одним из самых передовых его людей, с необыкновенной чуткостью реагиовавших на те кардинальные события своего времени, преддверием которых явилось такое грандиозное и грозное явление конца XVIII в., как Великая французская революция — явление, которое, разрушив много

существовавшее до того неизбежно, дало мощный толчок для развития дошедших до этого времени сил. Далеко не случайно Маркс в свое время назвал революции "локомотивами истории" — и это определение как нельзя более подходит для характеристики Великой французской революции.

Но глубокому убеждению Гейне, значение ее в общем ходе европейской и мировой истории трудно переоценить. Она как бы взрывом исключительной силы до основания разрушила не только сами основы французского феодализма, но и те сугубо застойные явления политического, социального и экономического плана, которые тормозили общественный прогресс. Был провозглашен знаменитый лозунг "мир хижинам, война дворцам". Были конфискованы земли контрреволюционеров и эмигрантов. Был, в частности, нанесен очень большой силы удар по католической реакции. "Раздавите гадюку", — сказал в свое время Вольтер, имея в виду любую религию вообще и католическую церковь в частности. Если первая французская революция не смогла выполнить эту задачу полностью, то основы любого религиозного мировоззрения она весьма основательно расшатала.

Получили права гражданства свобода совести и — самое главное — Glasnost, без которой, как не раз подчеркивалось Генрихом Гейне, немислимо в принципе развитие здоровых общественных начал. "В том-то и заключается светлая сторона свободы печати, — писал Гейне в своем предисловии к книге "Кальдорф о дворянстве в письмах к графу М. фон Мольтке", — что она лишает смелую речь демагогов всякой прелести новизны; самое страстное слово нейтрализует она столь же страстным возражением и в самом зародыше уничтожает живые слухи, которые, — посеяны ли они случайностью или злоумышлением, — с убийственной наглостью разрастаются в сумрачных закоулках, подобно тем ядовитым растениям, кои пышно произрастают лишь в темных лесных трясинах и в тени развалин старых замков и церквей, а при ясном свете солнца бессильно засыхают и гибнут. Разумеется, ясный солнечный свет свободы печати так же убийствен для раба, предпочитающего под покровом темноты получать высочайшие пинки, как и для деспота, которому не по душе луч, освещающий его одинокое ничтожество"².

Влияние Великой французской революции на творчестве Гейне вообще трудно переоценить: великого немецкого поэта с полным пра-

вом можно назвать ее поклонником, пропагандистом и певцом, хотя, что нужно также особо отметить, его оценка этой революции на протяжении творческого пути не была неизменной.

Фридриху Шиллеру, гениальному соотечественнику Гейне, принадлежит достаточно выразительная характеристика: "Старый век грозно ознаменован, и в крови родился новый век. Сокрушались старыи форм основн" ("Начало нового века", 1801). Генриху Гейне, уроженцу Рейнской области, для населения которой события буржуазной революции и ее прямых последствий имели в особенности большое значение, еще с детства здесь многое было ведомо отнюдь не по наслышке: если в силу возраста он не мог быть непосредственным свидетелем тех событий, которые были прямым отголоском революции, то свидетелем многих дальнейших происшествий ему быть довелось. В частности, он лично видел в детстве человека, считавшего себя продолжателем дела Великой французской революции и фактически бывшего ее могильщиком - Наполеона Бонапарта. Отношение к нему Гейне заслуживает особого рассмотрения в пределах данной темы: восторженное вначале, оно впоследствии несколько меняется, что, к сожалению, недостаточно освещено в литературе, посвященной исследованию творчества великого немецкого поэта.

К размышлениям о Великой французской революции, ее характере, ее причинах и следствиях Гейне обращался на всем протяжении своего творческого пути. Ему довелось быть современником нескольких европейских революций - и при оценке каждой из них он исходил из опыта первой французской революции, ее традиций, ее бесспорных завоеваний, ее достоинств и ошибок. Как уже говорилось выше, отношение его к событиям Великой французской революции, к ее теоретикам и руководителям имело известного рода эволюцию, которую мы и попытаемся проследить. При этом, безусловно, нужно учитывать сложность Гейне как человека и как поэта, как политического мыслителя и общественного деятеля.

Поэту на всем протяжении его творческого пути были свойственны самого неожиданного плана противоречия. Были у Гейне поистине гениальные прозрения политического и социально-экономического плана. Так, учитывая ряд ошибок руководителей и теоретиков первой республики, Гейне пророчески предсказал недолговечность Второй республики во Франции, возникшей после революции 1848 года. Однако в силу капризности гейневской музы и гейневского интел-

рядом с такого рода прозрениями тесно соседствовали не- безусловно, остроумные и вместе с тем довольно сомнительные сентенции: "общество - всегда республика, одиночки стремятся вверх, а общая масса оттесняет их обратно" или: "господь бог и Луи-Филипп - оба необходимы: господь - это Луи-Филипп на небе".

Первоначально отношение Гейне к событиям первой французской революции, к ее идеалам, руководителям и рядовым участникам было только восторженным. Гейне считает эту революцию делом поистине святым, а ее участников - одними из самых благородных творцов мировой истории. Так, в "Душевых картинах" он вспоминает о том, как в юности оплакивал "смерть святых героев свободы, царя Агиса спартанского, Кая и Тиберия Гракхов Римских, Иисуса Иерусалимского и Робеспьера и Сен-Жюста Парижских" (4, с.359).

Это - из ранних отзывов Гейне о французской буржуазной революции. Не подлежит сомнению восхищение Гейне лозунгами этой революции, славящими Свободу, Равенство и Братство. Вдохновленный ими, поэт подчеркивает воздействие их на формирование и развитие его гражданских идеалов. "Душа моя, - пишет он в "Письмах из Берлина", - объемлет любовью весь мир, когда я в ликование готов обнять русских и турок, когда меня влечет упасть в слезах на братскую грудь скованного африканца! Я люблю Германию и немцев; но не менее люблю и обитателей прочей земли, которых в сорок раз больше, чем немцев. Слава богу! Я, значит, стою в сорок раз больше тех, кто не в силах выбраться из болота национального эгоизма" (5, с.70).

Вернемся, однако, к приведенному выше высказыванию Гейне, где он ставит в один ряд спартанского царя Агиса, Кая и Тиберия Гракхов, Робеспьера и Иисуса Христа. Субъективность такого рода параллелей сомнений не подлежит, но здесь разговор все же не об этом. Примечательно прежде всего то, что рядом с одним из самых известных руководителей Великой французской революции ставятся античные герои и тираноборцы, а также основатель одной из самых распространенных ныне в мире религий. Как видим, Христа Гейне тоже в какой-то мере считает революционером своего времени, вполне прозрачно намекая на то, что идеалы, которые пропагандировал и пытался внедрить в жизнь тот же Робеспьер, возможно, для XIX в. не менее значимы, нежели христианство для первых веков нашей эры.

Картина, однако, здесь была бы неполной, если бы мы упустили из вида еще одно, довольно существенное обстоятельство: незадолго до разговора о Робеспьере, Тракхах и Христе Гейне весьма лаконично говорит о любимейшем своем герое - Дон Кихоте Ламанчском, славя доблесть, бескорыстие и душевное благородство этого рыцаря. Как видим, даже в безусловном восхвалении французской буржуазной революции вообще и Максимилиана Робеспьера в частности у Гейне есть не такая уж малая крупица аттической соли: считая Робеспьера человеком, претворяющим въявь идеи Лакана Руссо, Гейне даже и в молодые свои годы задумывается: а все ли лозунги французской революции были практически осуществимы? Каковы все же конкретные пути построения нового общества, светлого рая на этой грешной земле? "Низвергая старое, - пишет поэт в своей книге "Французские дела", развивая высказанную ранее мысль, - самые свирепые революционеры были еще сравнительно единодушны, но когда надо было строить новое, тогда пробудили врожденные антипатии. Нравственный, неподкупный Робеспьер возненавидел сладострастного, деньгами запятнанного Дантона" (5, с. 271).

Здесь уже не аттическая соль, а самый очевидный гейневский сарказм. И это - при все том же восторженном отношении к Первой французской революции в целом.

В ранний период своего творчества Гейне вполне всерьез считал, что выход из ряда кризисных явлений этой революции был найден Наполеоном, и длительное время расценивал его как человека, продолжившего дело революции в несколько иных уже исторических условиях. Испытав эти кризисные явления, буржуазная революция, по мнению молодого Гейне, ощутила острую необходимость в исключительно крупной исторической фигуре, гении-организаторе, гении действия, которого и явил собою в качестве единоличного диктатора Наполеон Бонапарт, по мнению Гейне, несколько не изменивший высоким идеалам Великой французской революции. Не появившись, мол, он на политическом горизонте - разногласия термидорианцев вообще могли бы загнать революционную Францию в тупик. Отсюда и весьма знаменитое 18 брюмера Наполеона Бонапарта.

Примеров восторженного отношения молодого Генриха Гейне к Наполеону можно привести величайшее множество, начиная со знаменитых "Тренадеров" и далеко не кончая статьей "Ватерлоо". Нет, думается, никакой необходимости приводить все восторженные высказы-

Гейне о Наполеоне, сделанные в начальный период его творчества. Однако здесь тоже не было стабильного, не меняющегося с годами отношения: и к событиям Первой французской революции, и к Наполеону зрелый, умудренный жизненным и политическим опытом Гейне начинает относиться уже несколько по-иному.

В завершающий период своего творчества Гейне начинает весьма сочувствовать якобинцам и, наоборот, весьма скептически относиться к термидорианцам, к тому перевороту, который был совершен ими 27-28 июля 1794 г. Кстати, говоря о якобинцах, Гейне не раз обращался мыслями к революционному террору - вопрос этот, как нам представляется, тоже заслуживает внимания: такого рода террор поэт в принципе вполне приемлет. Но только как крайнюю меру при возникновении опасности отечества, а отнюдь не как повседневную систему государственного управления. "Тильотиномания", пишет, в частности, Гейне в книге "Французские дела", - которую мы встречаем в среде республиканцев, вызвана, может быть, писателями и ораторами, впервые употребившими слова "система террора", чтобы охарактеризовать правительство, которое в 1793 г. для спасения Франции прибегло к крайним мерам. Однако терроризм, развившийся в то время, был скорее явлением, чем системой (выделено нами - А.Я.), и уже царил в умах правителей в такой же мере, как и в умах народа" (5, с. 271).

Но якобинский террор 1793 г. пугает в принципе Генриха Гейне - пугали его те примазавшиеся к революции карьеристы и приспособленцы, которые яростно стремились доказать в 1793 г., что они куда более революционно настроены, чем сами Робеспьер и Марат, совершенно забыв о том, что совсем незадолго до этого, наоборот, стремились зарекомендовать себя куда большими роялистами, нежели его величество король. Такого рода люди - накипь любой революции, и именно от них, по мнению великого поэта, шла та удушающая атмосфера всеобщей подозрительности, которая сопровождала достаточно известный этап Великой французской революции, который привел к ничем не оправданной гибели многих ее выдающихся деятелей, а также деятелей искусства и культуры. Здесь, как неоднократно подчеркивалось Гейне, подчас не был достаточно прозорливым сам Робеспьер. Говоря о такого рода нездоровой подозрительности, ставшей в известный период существования Первой французской республики чуть ли не всеобщей эпидемией, Гейне пишет в своей известной

статье о лондонской холере: "Не приходится пенять на лондонскую холеру, если она, из боязни показаться смешной, прибегла к средству, которое еще и Робеспьер и Наполеон считали надежным, и, чтобы заставить уважать себя, стала косить народ" (5, с.312).

Гейне далеко не случайно, говоря о терроре, возведенном в систему, вспоминает известные слова Виктора Гюго: "Если бы меня обвинили в краже колоколов с Собора Парижской богородицы, я бы первым делом бросился в бегство". "Я еще до июльских дней, - как бы подводит итог Гейне такого рода размышлениям, - восторгался Робеспьером, и святым Истином, и великим Горой, но все же я не хотел бы жить под властью столь великих личностей, если бы меня стали каждый день гильотинировать, и никто не мог бы этого вынести" (5, с.348).

Итак, как видим, Гейне категорически против любого политического террора, введенного в повседневность. И опять-таки инициаторами и самыми главными виновниками такого рода террора он считает примазавшихся к революции карьеристов, которые, действуя именем Свободы, творили величайшее зло. Задолго до Стефана Цвейга, автора известной книги о Жозефе Фуже, Гейне назовет его одним из первых такого рода карьеристов, мнимых революционеров. Вне всяких сомнений, именно Фуже имел в виду Гейне, говоря о бывших церковниках, которые, "перебегая в наши ряды, надевают красный колпак; они клянутся в смертельной ненависти ко всем царям, всем кровопийцам, они требуют уравнения имущества на земле, они клянутся Маратом и Робеспьером. Между нами говоря, рассмотрев их поближе, вы найдете, что они служат обедню на языке якобинства, и как некогда преподнесли они Цезарю яд, скрытый в святых дарах, так и теперь они пытаются поднести святые дары народу, прикрыв их революционным ядом" (6, с.70).

Постепенно Гейне все более тонко начинает понимать социальные оттенки Первой французской революции, дифференциацию тех сил, которые явились ее составными, и неоднократно начинает подчеркивать то обстоятельство, что революционность буржуазии как класса выдвинулась довольно скоро: между лозунгами, провозглашенными Великой французской революцией, и практической деятельностью Первой французской республики стал постепенно ощущаться все больший и больший разрыв, приведший вначале к термидорианскому перевороту, а потом уже и к наполеоновской диктатуре. И свое отношение к этому

быстрому политическому перерождению буржуазии Гейне высказывает в ряде случаев достаточно резко. Так, в частности, говоря о Луи Блане, ставшем в качестве публициста типичнейшим буржуазным перерожденцем, издеваясь над мнимой верностью этого публициста традициям первой французской революции, его мнимой революционной "принципиальностью", Гейне замечает: "Может быть, уже вследствие своего маленького роста он ненавидит все индивидуальности и, задирая голову, косится на них с недоверием, которое роднит его с другим учеником Руссо, по имени Максимилианом Робеспьером. Я думаю, этот малыш готов срубить всякую голову, если она нарушает установленную рекрутскую меру, - разумеется, в интересах общественного блага, социального счастья народа" (8, с.104).

Вновь и вновь возвращаясь мыслями ко все большему разрыву между лозунгами французской буржуазной революции и ее практической деятельностью, Гейне замечает не без горечи: "Бедный Робеспьер! Ты хотел ввести республиканскую строгость в Париже - в городе, где сто пятьдесят тысяч модисток и сто пятьдесят тысяч парикмахеров и парфюмеров правят свое смеющееся, вышнее и блазнухающее ремесло!" (6, с.262).

Как бы своеобразным итогом горестных раздумий Гейне о быстром политическом перерождении французской буржуазии, быстро растерявшей все свои революционные возможности, было едкое высказывание, сделанное Гейне уже в конце его творческого пути: "Парижский народ освободил мир и даже не взял за это на водку" (9, с.181).

Пересматривает Гейне - и, надо сказать, пересматривает в корне - также свое прежнее отношение к Наполеону, в целом ряде случаев считая его уже отнюдь не продолжателем дела революции. Постепенно начинает все решительнее осуждать те захватнические войны, которые вел Наполеон. Вид Вандомской колонны, говорит, в частности, Гейне в своей книге "Французские дела", не может вынести "ни одна французская мать", ибо ради побед, не давших в общем итоге никакой пользы Франции, пролилось слишком много крови - и французской, и русской, и немецкой. Если бы, по словам Гейне, на нее поставил Наполеона, то он, как и в жизни, будет находиться на ней "в жутком одиночестве" (5, с.263).

Во мнении Гейне, высказанному им в зрелые свои годы, при гибели великого полководца — не только снега России или стратегические просчеты: первая и самая основная причина его гибели — утрата высоких идеалов, измена им. "Он, — утверждает Гейне в "Эпиграммах", — умел примирять лишь интересы и личности, но не идеи; и это был великий недостаток — и в этом была причина падения" (8, с.30). Справедливости ради следует все же отметить, что наряду с такими рода суждениями апологетами Наполеона — часто у Гейне и в поздний период его деятельности: поэта к нему привлекает гений Наполеона, сила его характера, своеобразия его личности — черты, которые он не находил у современных ему европейских государственных политических деятелей.

Мы уже говорили о том, что Гейне был современником нескольких европейских революций, в частности французской революции 1830 и 1848 гг. Творческая и политическая эволюция великого поэта — вопрос очень сложный. Гейне далеко не всегда был прав в оценке событий 1830 г. Наряду с гениальными прозрениями у него бывали срывы идеологического и политического плана. Так, однажды время он был даже сторонником Луи-Филиппа, считая его чуть ли не "королем-рыцарем". Роялистского плана иллюзии исчезли, конечно, довольно быстро — и, возвращаясь мыслями к событиям Великой французской революции, Гейне постепенно совершенно отрешается от такого рода иллюзий.

Известно, какую громадную роль в творческом становлении в его раздумьях о судьбах Франции и Германии сыграло его знакомство с трудами Георга Гегеля и Иммануила Канта, сочинения которых были изучены великим поэтом довольно основательно. В этом плане не лишена, кажется, интереса параллель, которую Гейне проводит между Робеспьером и Кантом: "Если Иммануил Кант, великий разоружитель в царстве мысли, далеко превзошел своим горизонтом Максимилиана Робеспьера, то кое в чем имел с ним кое-какие сходства, побуждающие к сравнению обоих мужей. Прежде всего встречаем в обоих ту же неумолимую, резкую, личную поэзию и правдивость. Затем в обоих мы встречаем тот же талант и уверенность, с той только разницей, что один направляет ее на правду, а другой — на критику, между тем как другой направляет ее на правду, а другой — на критику. И все же тип мечтателя в высшей степени выражен в обоих: гирю предначинила их и"

навание кофе и сахара, но судьба захотела, чтобы они взвешивали другие вещи, и одному бросила на весы короля, другому — бога" (с. 97).

Все более крепнет убеждение Гейне в том, что буржуазия становится классом далеко не революционным, тормозящим развитие прогрессивных сил. Все более крепнет его уверенность в том, что достигнуть социальной справедливости можно революцией уже иного характера, нежели Великая французская революция. К такому выводу приходит Гейне в канун событий 1848 г. Горе любой социальной революции, считает Гейне в этот период своей творческой деятельности, если она, забыв о преобразовательном процессе, остановится хоть на миг в созидательном своем процессе. В этом плане, думаю, заслуживает особого внимания рассуждение Гейне о таком достаточно известном деятеле французской буржуазной революции, как Камилл Демулен. Демулен видится поэту "взобравшимся на скамейку в саду Пале-Рояля и обращающимся с речью к народу. "Бедный Демулен! — говорит Гейне. — Твоя храбрость поднимается на высоте этой скамейки, и вот ты решил остановиться и оглянуться. Однако же "Вперед! Все вперед!" — вот магическое слово, которым только и могут держаться революционеры, но стоит им остановиться и оглянуться и они погибли, как Евридика... Бедный Камилл! Бедный малый! То были веселые детские годы свободы, когда ты вскакивал на скамейки, и высаживал окна деспотизму, и сыпал фонарные остроты; шутка вышла очень печальная, юнцы революции поседели, волосы вставали у них дыбом, встали горой, и страшные звуки раздались вокруг тебя, а сзади, из мира теней, звали тебя призраки Иерихона, и ты оглянулся" (5, с.187).

Годы любого застоя в революционном движении подчас приводят к последствиям очень печальным, трудно исправимым, — эта мысль часто встречается в произведениях Гейне тридцатых годов. Далеко не случайно в этом плане следующие слова Энгельса: "Разве люди, считавшиеся тогда представителями революции, либералы, не были самыми яркими противниками этой философии, наполнявшей туманом человеческие головы? Однако то, что не замечали ни правительство, ни либералы, видел уже в 1833 году по крайней мере один человек; правда, он назывался Генрих Гейне"³.

К гениальным прозрениям великого поэта нужно отнести и то обстоятельство, что он осознал: ведущей силой истории, решающим ее

фактором являются производители материальных благ - рабочий класс. Именно ему, а не кому-нибудь другому предстоит, продолжить лучшие традиции Великой французской буржуазной революции, достигая социальной справедливости.

"Скажи мне, что ты посеял сегодня, и я предскажу тебе, что ты завтра пожнешь", - пишет Гейне в преддверии революции 1848 г. - "Об этой поговорке рассудительного Санчо я размышлял на днях после того, как посетил несколько мастерских в предместье Сен-Марсе и увидел там, что читают рабочие, - самая здоровая часть низшего класса. А увидел я там несколько новых изданий старого Рюсселя, затем памфлеты Марата... "Историю революции" Кабе, ядовитые пасквили Корманена, "Учение и заговор Бабефа" - сочинение Буонаротти - все книги, которые как бы пахнут кровью, и песни я слышал там, которые, казалось, созданы были в аду и припевы которых свидетельствовали о самом яростном возбуждении. Нет, в наших нежных сферах невозможно составить себе понятие о демоническом звуке, которыми полны эти песни, их надо слышать собственными ушами, - например, в тех ужасных мастерских, где обрабатывают металлы и где под звуки песни полуголые люди бьют в такт большими железными молотами по вздрагивающим наковальням" (8, с. 31).

Можно привести ряд других аналогичных высказываний Гейне, свидетельствующих о правильном понимании им той роли, которую призван сыграть в грядущем рабочий класс. Примечательно то, что такого рода суждения Гейне делает в ту пору, когда он не был еще лично знаком с Марксом и, судя по всему, был недостаточно знаком и с его трудами.

Вершинами революционного самосознания Генриха Гейне, безусловно, являются такие его произведения, как "Силезские ткачи" и поэма "Германия. Зимняя сказка", в которых в особенности четко выступает вера великого поэта в созидательные силы рабочего класса. Оба эти произведения заслуженно высоко ценились как Марксом, так и Энгельсом. Фридрих Энгельс, как известно, даже является автором перевода "Силезских ткачей" на английский язык. Что же касается "Германия. Зимней сказки", написанной уже под прямым воздействием Маркса, то далеко не случайно опубликование ее в парижской немецкой газете "Фюрвертс", находившейся под влиянием Маркса.

В этой поэме Гейне, предвещая грядущую социальную революцию в Германии, снова - в который уже раз! - обращается к событиям

Великой французской революции, к ее лозунгам, ее достижениям и принципам. Поэт уверен в том, что именно рабочему классу, а не кому-нибудь другому удастся установить царство всеобщей справедливости:

Новую песнь, лучшую песнь
Спою вам, о други, сегодня!
Мы на земле этой, здесь,
Устроим царство господне.
Хотим мы счастливыми быть на земле,
Довольно в бедности жили:
Пусть не глотает лентяйская пасть,
Что руки трудом добыли.
Достаточно хлеба растет на земле,
Хватит на всех понемножку
И роз, и миртов, и красоты,
И сахарного горошку.

(Пер. Ю. Тынянова)

Поэт уверен в том, что грядущая революция все же не будет повторением Великой французской буржуазной революции - у нее свои задачи и пути. Примечательно, однако, то, что, говоря о наказании коронованных самодержцев, Гейне нередко вспоминает ряд аксессуаров Великой французской революции, в частности гильотину. Возмещение феодальной отсталости Германии в этой поэме является средневековый император Фридрих Барбаросса - и неспроста в своем творчестве поэт знакомит его с принципами действия гильотины. Не случайно здесь и то, что Гейне, думая о ряде современных ему политических деятелей, нередко опять-таки сравнивает их с теми или иными персонажами французской буржуазной революции.

Как видим, воздействие ее на Гейне было весьма велико на всем протяжении его творческого пути. Скажем точнее: не будь этой революции - не было бы и такого уникального во многих отношениях явления, как поэзия Генриха Гейне.

1 См.: весьма характерный в этом плане биографический очерк: Вебер П. И. Жизнь Генриха Гейне // Гейне Г. Поэты. Собр. соч. СПб.: Изд. А.Ф.Маркса. Т. I. 1904. С. 5.

2 Гейне Г. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. С. 156-157. В дальнейшем ссылки на тексты Гейне будут делаться по этому изданию с указанием тома и страницы.

3 Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, Т. 21. С. 273-274.

Т. Л. З а н а д в о р о в а (Магнитогорск)

ЖАН-ЖАК РУССО

В "ДРАМАХ РЕВОЛЮЦИИ" РОМЕНА РОЛЛАНА

Тема Великой французской революции занимает очень большое место в творчестве Ромена Роллана и проходит почти через весь его творческий путь. Специально этой теме посвящены "Драмы Революции" (1898-1937 гг.). Начав серию пьесой "Волки", создав в 1899 г. "Торжество разума", Роллан набирает силу в драмах "Детон" (1900 г.) и "Четырнадцатое июля" (1901 г.). Завершается цикл ярким и сильным произведением "Робеспьер" (1938 г.).

Признания писателя свидетельствуют о прекрасном знании эпохи, которая отражена в "Драмах Революции". Ромен Роллан, по его собственным словам, дышал энтузиазмом масс, штурмовавших Бастилию и неистовством Конвента. В одном из писем к Мальвиде Мейзебу Роллан сообщает, что он работает над двумя драмами о Революции и признается: "Я полон этой героической эпохой" (письмо 1899 г.).

Великие события, начавшиеся в 1789 г., - это для Ромена Роллана не только прошлое, но и своеобразный критерий, по которому можно сверять свое время. Знаменитая статья Роллана "Вальми" написанная в 1938 г., заканчивается вопросом: "Сыны Революции, современники, способны ли вы еще без смущения и страха слышать эти гордые отзвуки вальмийской канонады?"². С другой стороны, Ромен Роллан, виднейший писатель XX в., сумел показать и оценить явления прошлого с позиций человека нового времени, исходя из опыта передовых людей своей эпохи. В этом плане необычайно интересно его обращение к личности Ж.-Ж. Руссо, к идеям этого великого предшественника революционных событий.

Творчество Руссо, особенности мировоззрения и своеобразие личности Ромен Роллан знает прекрасно. Часто он говорит о Руссо в своих письмах, дневниках. "Занялся перечитыванием Руссо (я читал три или четыре раза)"³, - писал Роллан Алену в 1938 г.

Ромен Роллан высоко ценит Руссо как беспощадного критика джорданско-буржуазной цивилизации, могущественного и ясновидящего критика, писателя, из-под пера которого вышли шедевры (это слово Роллан употребляет, например, при оценке "Исповеди" Руссо⁴).

Ромена Роллана принадлежит яркое и своеобразное исследование "Жан-Жак Руссо", которое открывало сборник избранных произведений Руссо, вышедший в Париже в 1938 г. Роллан увидел многообразие творчества, многоликость этого писателя XVIII в. "Руссо - это как бы несколько человек в одном... причем все они - первоосновные. Он был могучим оратором... он воскресил красноречие великого форума; все его произведения проникнуты огненным пафосом. И вместе с тем он был мастером интимного искусства, автором мечтательных монологов, произносимых вполголоса" (т. I, с. 629).

Ромен Роллан придает огромное значение Руссо-трибуну, великому предшественнику социальных бурь, зачинателю новой эры (т. I, с. 609). "Когда он предавал анафеме богачей.., когда он объявлял законным актом мятеж, удушающий тирана и свергающий его с престолом, - становилось страшно" (т. I, с. 618).

Идеи Руссо, его идеи вошли во многие пьесы "Драм Революции". Замысел цикла сам Ромен Роллан связывал с ролью в идейной подготовке революции "великого предтечи" - Жан-Жака Руссо. В двух пьесах цикла - "Вербное воскресение" (1926 г.) и "Робеспьер" (1938 г.) - Жан-Жак непосредственно действующее лицо. В пьесе "14-е июля" носителем его идей является один из главных героев пьесы - Гош, подлинный представитель революционно настроенной народной массы.

"Драмам Революции" Ромена Роллана посвящено немало советских исследований⁵. Главное своеобразие трех книг В.Е. Балахонова о Роллане - это стремление определить этапы творческого пути "большого и сложного писателя"⁶, осветить эволюцию его творчества, что дает, в частности, возможность более определенно выявить некоторые особенности пьес этого цикла.

Оценивая драму Ромена Роллана "14-е июля", исследователи отмечают и слабости, и большие достижения писателя, который показывал народу революционно настроенного народа в свои силы, его готовность вступить в решительную борьбу за свои права. В предисловии к пьесе Роллан так писал о своей задаче: "Разжечь пламя республиканской эпопеи героизм и веру нации, достичь того, чтобы дело, прерванное в 1794 году, было возобновлено и завершено народом более зрелым и глубже понимающим свое предназначение" (т. I, с. 3-4).

Одно из крупных художественных достижений писателя - мастерство во изображении массовых сцен и передачи настроений народной массы.

В драме "14-е июля" незримо появляется Жан-Жак Руссо, идеями и учением которого полон Гош, человек из народа. Об авторских симпатиях к этому герою пьесы говорит уже первая ремарка, включенная в перечень действующих лиц: "Выражение серьезности отчасти задумчивое с оттенком печали лицо, на котором, как и на всем облике Гоша, лежит отпечаток сильной воли. Печаль едва заметна, он скрывает ее. ("Человек этот умрет молодым, изнуренным непосильной работой, неудачами, подозрениями и недугом, который исподволь подтачивает его могучий организм"). Бодрость и отвага берут верх, и в тяжелые минуты он изумляет всех своим юношески-звонким смехом" (т. I, с. 5).

Гош преклоняется перед Руссо, страстно любит его, сожалеет о трагичности его судьбы: "Когда я думаю... что человек, даровавший нам такой неиссякаемый источник счастья, сам был глубоко несчастен, жил в бедности, преданный друзьями, преследуемый глупыми насмешками, ожесточенный горем, - ему казалось, что все люди ненавидят и презирают его, - мне становится так стыдно, точно я сам повинен в этом позоре... Ах, зачем меня не было подле него, когда он нуждался в защите от этих мерзавцев!.." (т. I, с. 31). Гош рассказывает, какое неизгладимое впечатление произвели впервые прочитанные им страницы Руссо. Он почувствовал, как кровь прилила к сердцу, точно целая река струилась по его телу, он поднялся, смеясь и плача. "Все окружающее исчезло, - говорит Гош, передавая впечатление от прочитанного. - Дыхание Природы коснулось моего лица". (Там же). Конечно, в монологе Гоша подчеркнута лишь эмоциональное восприятие Руссо, нет четкости и определенности в характеристике идей великого предшественника революции, как нет четкости и достаточной конкретности в образе самого Гоша. Но показательно, что эта пьеса, одна из наиболее интересных и сильных в цикле (если иметь в виду драматургию Роллана конца 90-х - начала 900-х гг.), овящена именем Жан-Жака Руссо.

Годы мировой войны и первые послевоенные годы были критическими для Ромена Роллана. Это было время, когда Роллан необычайно остро ощутил живость буржуазной морали, несостоятельность

этой цивилизации и в то же время утопичность, обреченность общегуманистических иллюзий, которые в известной степени ему свойственны. В период кризиса Ролланом была создана пьеса "Игра любви и смерти" (1924 г.), одна из тех, где слабости писателя проявились наиболее остро. Жан-Ришар Блок отмечает, что, когда Роллан писал "Игру", бессмысленная, бесплодная, тщетная бойня войны только что кончилась... Писатель, которого была ранена столькими ужасами, уставший от надежд и потерявший веру в судьбу нашей цивилизации, устремил внимание к Ганди".

В середине 20-х гг. появляется и пьеса "Леониды", в которой кризисное мировоззрение тоже очень остро чувствуется. Политическая нечеткость, стремление примирить представителей непримиримых политических сил, мотивы абстрактного, отвлеченного гуманизма характерны для этой драмы.

В ряду произведений этих лет уже звучит другой голос, предостерегающий мотивы таких произведений, как "14-е июля", предельно последние книги "Очарованной души" и "Прощание с прошлым". В 1925 г. Ромен Роллан работает над одной из значительных пьес цикла "Драмы Революции" - "Верное воскресенье" (она у нас давно уже забыта). Здесь важное место занимает фигура Жан-Жака Руссо. Тема Руссо наполняет и большое предисловие к драме. Многие из произведений любимого Ролланом французского мыслителя и писателя составляют материал авторских примечаний (обильно публикуется "Исповедь", диалоги "Руссо - судья Жан-Жака"). В предисловии Роллан оговорил, что действие этой пьесы разворачивается в 1774 г., за 15 лет до начала революции. В пьесе правдиво показана жизнь, быт аристократических светских кругов - принцев, графов, кавалеров, виконтов. Сюжетная линия драмы драматична. Плебей-дозорщик Герен и граф оказываются союзниками. Герен мстит за свою возлюбленную, садовницу Клету. Враждебности двух сил непрестанно звучит в пьесе, перекликается с мотивом обреченности тех, кто еще считает себя хозяевами жизни. Настроение беззаботности и легкомысленное веселье перерастают в звук падающего подрубленного дерева, розовая колоннада дворца заливаются оранжево-красным светом. Последним аккордом драмы становится мелодия революционной пес-

ни "Ça ira", которая исполняется на старом клавесине (мелодия этой песни была известна задолго до того, как появился ее нынешний текст).

В "Вербном воскресении", на наш взгляд, центральное место надлежит фигуре Жан-Жака Руссо. Т.Л.Мотылева и О.В.Шайтанов так описывают образ Руссо в пьесе неудачным, карикатурным. Иной подход придерживаются американский исследователь Вильям Старр⁹ и французский литературовед Абрахам¹⁰. Эти разногласия можно объяснить тем, что образ Руссо задуман Ролланом своеобразно. Автор разъясняет свой замысел так: "К тому времени, когда разыгрывается моя пьеса, одержимый буриями человек уже порвал с принцем, и с Люксембургскими..."¹¹. "Он чувствует себя среди врагов, мучимым и преследуемым. И по мере того, как его рассудок заполняется призраками, этот одержимый видениями человек... все более светлым взглядом охватывает все вокруг. Неотступная мысль, что весь мир против него сплотился, изоцряет стрелу его зренья; она бьет далеко, она бьет глубоко... И то, что не видел, что хотел видеть лукавцы и всегда настороженный разум общества, это увидел, он, близорукий провидец: нарастающую ненависть и взаимное презрение... безжалостную гражданскую войну, которая готовится, рок, который влечет беспечное общество к гибели бога мятежа и мести - Революцию" (148).

Если прислушаться к авторским пояснениям, многое встанет на свои места. Роллан намеренно подчеркнул близорукость Руссо, поставил его спотыкаться, сделал его объектом светских насмешек, чтобы, с одной стороны, показать, как стесненно чувствует себя этот человек среди чуждых ему людей, как смешок, казалось бы, он среди светской публики, - с другой, по контрасту, - как внутренне зорок и дальновиден тот, кто внешне жалок и беззащитен. Полный контрастов, образ Жан-Жака Руссо в пьесе очень выразителен. Вот одна из авторских ремарок: "Маленький, немного сутулый, близорукий, неловкий, походка нетвердая... Он имеет вид старой ночной птицы, растерявшейся на солнце" (181). Его насмешливо называют пастушком-сумасбродом, "любовником природной простоты", лунным жителем. Над ним смеются откровенно и зло.

Но он преобращается, произнося свои гневные предсказания. И по его изменению, он смотрит на всех с трагической серьезностью. Когда Руссо начинает говорить, все поворачивается к нему

и окружают его, не перебивая. Пророческие слова звучат под аккомпанемент стука топора, под треск падающего дерева: "Этот праздник и мир исчезает. Сколько ненависти под улыбками!.. Вербное воскресение! Через неделю Воскресение кровавое... Но меня уже не убьют" (186).

Роллан спирался на некоторые конкретные факты биографии Руссо, в частности, подчеркнул (в монологах) его миссию предтечи Великой французской революции, не ставя перед собой цели всестороннего освещения исторически конкретного образа Руссо. Однако как бы ни описывал пьесы, как характер этот герой выписан достаточно многогранно. Руссо робок и беззащитен, плебейски горд, пророчески интуитивен, лиричен. Он целиком завладевает внимание светской публики, которую, кажется, трудно чем-либо удивить. Произносимое им, как бы трагически приподнято, то лирически-интимно. "Я вижу ненависть. Отец ненавидит сына, сын ненавидит отца, и брат ненавидит брата, и жена ненавидит мужа, и слуга - господина... Смелей! Подожгите дерево, посланцы смерти" (186). Но тот же Руссо, держа в карманных руках скромные барвинки, вспоминая молодость, госпожа де Варанс, при полной тишине (слышно, как в деревьях звонят колокола) говорит лирически проникновенно: "Вербное воскресение!.. Ее голубые глаза... Ее чудесные пепельные волосы... Ее ангельская улыбка... Ей было двадцать восемь... Она оборачивается на мой голос... Тишина... Струится ключ, окаймляющий сад... И волна счастья покатилась в моем сердце..." (187). Значимость образа Руссо в пьесе можно связать и с ее названием: "Ragues-Fleuries". Точный перевод: "Цветущая пасха" (идиоматически: "Вербное воскресение"). С цветами на расстаетеся Жан-Жак. Он появляется с букетиком барвинков, целует их, вспоминая о своей "мадонне с барвинками", уходит, унося их. Он более, чем кто-либо в этом произведении, причастен к Вербному воскресению, как и к Воскресению Кровавому, наступление которого он предсказывает.

Пьеса, в которой фигурирует Руссо, основная и в идейном, и в композиционном отношении. Предсказания далекого человека начинают почти немедленно сбываться: рухнуло подрубленное дерево (явление XII), раздаётся выстрел Герена (явление XXIII). А заворачивается драма, как уже упоминалось, мелодией "Ça ira". Пьеса отличается композиционной завершенностью. Система образов, различные действия неразрывно связаны с центральной идеей. Авторский

замысел реализуется драматическими, сценическими средствами, сочетанием конкретного изображения жизни эпохи со своеобразной реалистической символикой. Известная декларативность сочетается с предметно-чувственным изображением жизни. Эта пьеса весьма значительна в цикле "Драмы Революции". Показательно и то, что выход из идейного и творческого тупика связан у Роллана с обращением к личности, творчеству, пророчествам Жан-Жака Руссо, который действительно был самым радикальным среди просветителей и которого, по словам Ромена Роллана, поняли только в революции.

Две книги Роллана, связанные с именем Руссо, созданы почти одновременно, в 1938 г., - драма "Робеспьер" и очерк о Ж.-Ж. Руссо, предваряющий сборник "Бессмертные страницы Руссо, избранные и прокомментированные Роменом Ролланом". В это время Ромен Роллан прочно связал свое имя с активной борьбой антифашистских и антимилитаристских сил, преодолев тенденции абстрактного гуманизма. 1938 год - канун важной для прогрессивных сил Франции даты столетиядесятилетия со дня штурма Бастилии, время укрепления Народного фронта. В тревожные для родины годы Роллан призвал на помощь великие события прошлого: "Пусть же история поучает и вдохновляет нас!" (т. I, с. 429) - писал он. Имени, личности Руссо принадлежит в этом почетная роль.

В драме "Робеспьер" ставятся и решаются не только исторические, но и этические вопросы, проблема героизма. Здесь встает яркий, возвышенный и лиричный образ Робеспьера, образ, который можно приравнять к тем выдающимся людям, кому Роллан посвятил свои "Героические жизни". В этой пьесе также неоднократно звучит имя Жан-Жака Руссо. Робеспьер просит исполнить его романс, приводит страстную тираду Руссо, обличающего богачей. В одной из самых взволнованных и трагичных заключительных сцен, когда над Робеспьером нависла угроза смертной казни, появляется видение:

"Солнечный день в Эрменонвиле, на острове Тополей. Перед могилой Жан-Жака Руссо, увенчанной урной, юный Робеспьер стоит на коленях, как некогда перед королевской каретой. Но теперь его лицо выражает скорбь и благоговение. Он приник лбом к могильной плите. На гробнице высечена надпись: "Здесь покоится друг Природы и Истины". Могилу окружают высокие тенистые деревья. Щебечут птицы.

Голос. О, Жан-Жак, о мой учитель! Я видел твои величавые черты, отмеченные печатью горьких невзгод, на которые обрекла тебя людская несправедливость. Взвизывая на тебя, я постиг тяготы благородной жизни, посвященной истине. Я тоже жажду нести это бремя. На чреватом опасностями поприще, которое открывает перед нами не-

...ая, невиданная доселе Революция, я даю клятву следовать стопам своего учителя!

...вание.
...распростертым у могилы юношей появляется тень Жан-Жака и кладет руку на плечо Робеспьера, который, не оборачиваясь, ...мывается.

...о л о с Ж а н - Ж а к а. Несчастный, знаешь ли ты, что судьбе этот путь?

...о л о с Р о б е с п ь е р а. Если даже мне суждены твои видения, я благословлю их, они священны для меня. Я не боюсь гонимости и ненависти людей, ибо подобно тебе я твердо что всегда желал только блага людям" (т. I, с. 411-412).

...вышненных, полных преклонения перед Жан-Жаком словах Робеспьера звучит голос самого Ромена Роллана.

...торские ремарки, детали, взволнованность тона повествования составляют читателя проникнуться к Руссо таким же благоговением, какое владело склонившимся над могильной плитой юным Робеспьером. Герой пьесы клянется своему учителю быть преданным делу, революции. Руссо, положив руку на плечо склонившегося перед ним юноши, благословляет его.

...ко не только в том, что Робеспьер действительно принял благословение Жан-Жака, побывав у Руссо незадолго до его смерти. Но в том, что он выразил свое восхищение своим духовным отцом в "Посвящении Жан-Жаку", который, по его собственным словам, научил его понять величие природы, научил думать о великих принципах социального порядка"¹². Роллан менее всего ставит перед собой задачу показать, воспроизвести исторически конкретные факты, связанные взаимоотношениями Робеспьера и Руссо. Образ Руссо в пьесе обобщенный, аллегорический, в духе аллегорий XVIII в.

...той пьесе тема Руссо решается иначе, чем в "Вербном воскресеньи". Там Руссо - предсказатель стихийно надвигающейся бури, имя его связано с именем Робеспьера, которому Руссо помог таким, каким представил его Роллан в заключительной пьесе: якобинцем, преданным делу Революции, человеком, для которого счастье - счастье народа. Историческая и социальная суть образа Робеспьера в этой драме придает также историческую и социальную четкость и трактовке Ролланом учения и места Руссо. Теперь для него Руссо - идеолог якобинцев, учитель Робеспьера.

...мен Роллан выделил Жан-Жака Руссо из числа других просветителей, непосредственно связав его с событиями Великой французской

революции. Он увидел в Руссо органическое соединичие тронности, интимности и силы оратора-трибуна, а это дает млычу прочтению, новому восприятию знаменитых произведений ве французского просветителя.

Имя Жан-Жака Руссо прочно вошло в творчество Ромена Роллана оно неотделимо от более широкой темы - темы Великой французской революции. Большое внимание к личности и творчеству Руссо является у Роллана на тех этапах, когда особенно важными являются для него поиски героического начала, воплощение принципов революционной этики. Это отражено и в "Драмах Революции".

¹ R o l l a n d R. Cahiers. 1948. № 1. P. 242.

² Р о л л а н Р. Собрание сочинений: В 14 т. Т. I. М.: С. 439. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте статьи с указанием тома и страницы.

³ Cahiers Romain Rolland. P., 1969. № 18. P. 128.

⁴ Там же. P., 1959. № 10. P. 359.

⁵ М о т ы л е в а Т. Л. Творчество Ромена Роллана. М., Вановская Т. В. Ранние драмы Ромена Роллана // Ученые записки Ленинградск. гос. ун-та. Л., вып. 37, 1957; Ш а й т а н о в О. В. О становлении реализма в "Драмах Революции" Р. Роллана // Ученые записки Вологодского гос. пед. ин-та. Т. 18. Вологда, 1956.

⁶ Б а л а х о н о в В. Е. Ромен Роллан в 1914-1924 годы Л.: ЛГУ, 1958. Его же. Ромен Роллан и его время ("Жан Крис Л.: ЛГУ, 1968; Его же. Ромен Роллан и его время. Ранние годы Л.: ЛГУ, 1972.

⁷ Цит. по: Б а л а х о н о в В. Е. Ромен Роллан в 1914-1924 годы. С. 215.

⁸ М о т ы л е в а Т. Л. Творчество Р. Роллана; Ш а й т а н о в О. В. О становлении...

⁹ S t a r g W. T. Romain Rolland. Mouton, 1971. P. 180

¹⁰ А б р а м ш P. Romain Rolland // Nr. Romain Rolland. № 1, 1969.

¹¹ Р о л л а н Р. Собрание сочинений. Л.: Время, 1932. Т. I. С. 151. В дальнейшем при цитировании пьесы в тексте будет указываться только страница.

¹² R o b e r t s p r i e r g e M. Oeuvres Complètes. P., 1910. P. 211-212.

революции. Он увидел в Руссо органическое соединичие тронности, интимности и силы оратора-трибуна, а это дает ключ к прочтению, новому восприятию знаменитых произведений великого французского просветителя.

Имя Жан-Жака Руссо прочно вошло в творчество Ромена Роллана неотделимо от более широкой темы - темы Великой французской революции. Большое внимание к личности и творчеству Руссо является у Роллана на тех этапах, когда особенно важными являются для него поиски героического начала, воплощение принципов революционной этики. Это отражено и в "Драмах Революции".

- 1 R o l l a n d R. Cahiers. 1948. № 1. P. 242.
- 2 Р о л л а н Р. Собрание сочинений: В 14 т. Т. I. М.: С. 439. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте статьи с указанием тома и страниц.
- 3 Cahiers Romain Rolland. P., 1969. № 18. P. 128.
- 4 Там же. P., 1959. № 10. P. 359.
- 5 М о т ы л е в а Т. Л. Творчество Ромена Роллана // Ученые записки Ленинградск. гос. ун-та. Л., вып. 37, 1957; Ш а й т а н о в О. В. О становлении реализма в "Драмах Революции" Роллана // Ученые записки Вологодского гос. пед. ин-та. Т. 18. Вологда, 1956.
- 6 Б а л а х о н о в В. Е. Ромен Роллан в 1914-1924 годы Л.: ЛГУ, 1958. Это же. Ромен Роллан и его время ("Жан Крис Л.: ЛГУ, 1968; Это же. Ромен Роллан и его время. Ранние годы Л.: ЛГУ, 1972.
- 7 Цит. по: Б а л а х о н о в В. Е. Ромен Роллан в 1914-1924 годы. С. 215.
- 8 М о т ы л е в а Т. Л. Творчество Р. Роллана; Ш а й т а н о в О. В. О становлении...
- 9 S t a r g W. T. Romain Rolland. Mouton, 1971. P. 180
- 10 А б р а м ш Р. Romain Rolland // Hr. Romain Rolland. М., 1969.
- 11 Р о л л а н Р. Собрание сочинений. Л.: Время, 1932. Т. I. С. 151. В дальнейшем при цитировании пьесы в тексте будет указываться только страница.
- 12 R o b e r t s p r i e g e M. Oeuvres Complètes. P., 1910. P. 211-212.

Г. Г. Цвенгрош (Львов)

РОЛЛАН - ИНТЕРПРЕТАТОР И ПОЭТ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ИЛИ "ВОЛКИ": ГЕНЕЗИС И ИДЕЙНО-ПРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Каждое долговечное произведение сложено из самой сущности своего времени.

Ромен Роллан

Литературной славе Ромена Роллана - драматурга, автора замечательного цикла "Театр революции", посвященного героическим годам 1780-1794 гг., предшествовала известность ученого, профессора истории искусства. Не только две известные диссертации, опубликованные им в 1885 г. в Сорбонне, способствовали утверждению его авторитета в ученом мире. Р. Роллан - лектор как великого таланта и иллюстрировал свои лекции, что он регулярно собирал в Париже каждый четверг около 500 слушателей¹, среди которых были не только известные музыковеды - знаменитые литераторы, в частности Верхарг, но и молодой историк-профессионал, профессор Р. Роллан был настолько известен уже в конце 90-х гг. XIX в., что специально было организовано первое Международное Конгресс по истории музыки, который состоялся 23-28 июля 1900 г. в Париже². Как ученик секретарь Конгресса в работе которого принимали участие и делегаты из России (Петербург и Москва), Р. Роллан немало потрудился, чтобы, говоря его словами, на следующем Конгрессе "Музыкальная история музыки" уже рассматривались не как "две отдельные части", а как "единое целое". В отчете Р. Роллана о результатах работы Конгресса, не введенном еще в научный обиход, было отмечено, что для музыковедов был дан специальный концерт-обзор по истории музыки, "начиная с греческих гимнов до гимнов французской революции". Отчет завершается весьма оригинальным для того времени научным выводом: "... Совершенно необходимо, чтобы совместными усилиями ученых и художников музыке наконец было возвращено место, которое ей принадлежит в истории, ... а истории - место, которое ей должно принадлежать в области музыки, в обучении музыке; до сих пор она слишком безразлична к огромным богат-

ствам и урокам своего прошлого". Сам Р.Роллан выступил с двумя докладами. В одном из них под заглавием "Итальянские музыканты в Париже во времена правления Мазарини" было показано, как Мазарини "делал из музыки помощницу для своей политики...".

Трудно переоценить значение этих глубоких мыслей, сформулированных видным историком и мыслителем, рассматривающим искусство в тесной связи с историей, с историческим процессом. Не менее ценно, что Р.Роллан настойчиво ставил вопрос о том, чтобы из истории извлекались огромные богатства и уроки. Привлекает внимание и оригинальный для Франции того времени тезис о связи искусства с политической борьбой. Здесь — слышится голос автора уже созданной и шумевшей драмы "Волки", которой открывался цикл "Театр революции".

Свою историческую, эстетическую и искусствоведческую концепцию Р.Роллан — ученый в том же 1900 г. дополнил важным методологическим положением. Он ратовал за то, чтобы его коллеги рассматривали все виды искусства как единый этап развития в определенном историческом периоде. "В этой необходимости я настолько убежден, — писал он итальянскому ученому А. Солерти 25 ноября 1902 г., — что уже два года не перестаю добиваться, чтобы в Сорбонне, в Экол Нормаль и в специальных журналах историю музыки рассматривали как часть общей истории искусств и литературы... без чего часто нельзя хорошо понять развитие ни музыки, ни других искусств. Как кафедра, которую я занимаю в этом году в Эколе высших общественных исследований, получила название "Сравнительная история искусств и литературы"³.

Не менее оригинальны и актуальны были социально-эстетические взгляды Р.Роллана о народном театре. Так, "после большого успеха драмы "Четырнадцатое июля" международный социалистический журнал "Le Mouvement socialiste", вышедший в Париже с 1899 г. под редакцией Жан Лонге и Юбер Лагардель, от России в редколлегиях вошел тогда П.Л.Лавров), напечатал в марте 1902 г. рядом с "Учредительным Манифестом Товарищества рабочих" К.Маркса обстоятельную статью Р.Роллана под заглавием "Народный театр", а в рубрике "Художественное движение" этого же номера — детальную рецензию на постановку "Четырнадцатого июля" в театре "Ренессанс"⁴. Здесь на наш взгляд, марксистские истоки интернационализма Р.Роллана, который, кстати, собирался с 1 февраля 1901 г. вести в указан-

ном социалистическом журнале Парижа" рубрику "Художественное движение"⁵, но этому помешала преподавательская работа. Следует обратить внимание и на те воззрения Р.Роллана, которые кристаллизовались до создания драмы "Волки" (1898), тем более, в научной литературе неоднократно утверждалось, да и в наши дни еще утверждается, что в этот период Роллан "отличался расхожим общественно-политическим мировоззрением, проникнутым трагикомическо-гуманистическими идеями"⁶. Здесь действительная сложность мировоззрения писателя и мыслителя скрыта исследователем в удобной, но ничего не разъясняющей формулой, в которой отсутствует конкретный историзм, конкретно-социальный подход. Кроме того, в роллановедческой литературе недавно была высказана плодотворная мысль профессора Т.В.Балашовой, согласно которой Р.Роллан никогда не прельщала башня из слоновой кости. И далее: "Уже первые драматургические произведения создавались параллельно с работой "Народный театр" (1903), где идея общественного служения искусства оказалась столь мощной, что ничто позднее не могло пошатнуть этой, по сути, изначальной убежденности Романа Роллана"⁷. В "Предисловии к моему театру" (май 1892) в разделе "Искусство действия" Р.Роллан уже ставит перед собой особую задачу: обосновать "Легенду о революции" и поведать ее "эпически, лирически и реалистически в духе Шекспира"⁸. Но первоначальный замысел "Театра революции" мог зародиться у Р.Роллана и, на наш взгляд, зародился ранее, а именно на основе богатых традиций театра периода Французской революции, почерпнутых им из книги "Театр революции" (1882) известного литературоведа, преподавателя Эколь Нормаль профессора Ф.Бржнетьера. Следует отметить, что Р.Роллан как автор "Театра революции" успешно продолжал шекспировские традиции. Уже в "Волках" он стремился охватить всю реальность, создал образы "из плоти и крови", по-шекспировски выражал психологическое противоборство и бушующие страсти персонажей. Волки справедливы и весьма убедительны его заключения после ознакомления героев Шиллера и Шекспира. "... Во всех этих существах есть истина и мощь, какой могут обладать чисто духовные творения", — писал Р.Роллан 23 декабря 1893 г. Мальвине фон Мейзенбург, — "в них нет той полнокровной жизни, которой наделяет своих персонажей Шекспир... Я буду видеть в нем величайшего поэта и величайшего творца человеческих душ в новое время"⁹.

Важно отметить, что Р. Роллан внимательно следит за Ирским рабочим движением. Он отмечает в письме к М. фон Мейзенбуг от 18 декабря 1895 г., что во всем мире "распространяются человеческое братство и социального равенства"¹⁰. Он не жаает против того, что его корреспондентка назвала его "искусством". "Искусство мне ненавистно, - отвечает он ей 30 декабря 1895 г., - если оно не является орудием выражения мысли и борьбы. Поэтому необходимо "призывать к разрушению и построению общественного строя. Писатель готов был бы "пожертвовать своим искусством" и начать действовать как революционер, - он сознается в письме от 18 марта 1896 г., "не зная, как действовать"¹². Поэтому Р. Роллан решает усилить борьбу за установление нового строя с помощью наиболее действительного литературного жанра - драмы. М. фон Мейзенбуг путает слово "на", которое встречается в этот период в письмах Р. Роллана, имеет в виду справедливую войну ради благородных идеалов, которая покончит с буржуазным строем. "Надо показывать жизнь реальную или стократно усиленную страстями, но жизнь, - как он пишет в письме от 15 января 1897 г. - Завтра, быть может, начнется война"¹³.

"Политическое действие, пожалуй, не моя область, - записывает Р. Роллан еще в сентябре 1895 г. в свой дневник. - К нему я соединюсь, когда в этом будет необходимость... Моя роль, я ее себе представляю, прежде всего будет заключаться в том, внести божественное в социальную революцию..."¹⁴ Метафорическое слово "божественное" в употреблении Р. Роллана имеет, вероятно на его пантеистическую окраску, более широкое значение. Поскольку Р. Роллану казалось, что социалистическое учение основывается лишь на политических и экономических принципах, он стремился внести в нее своим творчеством нравственно-духовное содержание.

Как раз с середины 90-х гг., как известно, Р. Роллан заинтересован социалистическими идеями. Но он в то же время (в 1895 г.) обеспокоен тем, что социалистические идеи проникают в сознание вопреки его воле, "интересам" и "стойкости"¹⁵. Почему? Найти ответ на этот вопрос можно, забежав несколько вперед,

в своем письме Р. Роллана к М. фон Мейзенбуг от 17 декабря 1895 г.¹⁶ В ходе революционного преобразования старого общества неизбежно погибнут многие невинные, многие честные люди", - пишет он. Преисполненные гнева, народные массы не сумеют в огненных битвах различить среди представителей других классов тех представителей, влюбленных в разум и справедливость", художников, поэтов, писателей, склоняющихся к "покою и красоте". Такие опасения Р. Роллана возникают на реальной почве французской действительности. Ему хорошо известно о сектантском, пренебрежительном отношении к интеллигенции вообще во французском рабочем движении. Еще нужно будет упомянуть 1900 г., когда П. Лафарг выступит со своей малоизвестной в наши дни лекцией "Социализм и интеллигенция"¹⁷. Р. Роллан горячо желал победы народным массам, но и судьба отдельной личности, к какому бы классу она ни принадлежала, глубоко волновала его. Хотя это не причина считал он, чтобы "отрипать величие этой борьбы... и ее олагодворный характер". Он готов пожертвовать своим искусством, даже "Лувром (который, быть может, потеряет)... ради надежды на Возрождение нового принципа жизни, нового идеала..." И далее: "Лучше было бы, чтобы все люди любил и к одному стремились; но раз это невозможно, значит, надо готовиться к борьбе и стараться идти в ногу с новой верой", то есть с социалистическим движением.

Во мнении Р. Роллана, конечной целью будущей социальной революции должно быть прежде всего духовное освобождение человека трудящегося, его всестороннее гармоническое развитие. "До сих пор... в социализме я видел лишь политическую доктрину, - записал он в дневнике в сентябре 1895 г. - Теперь мне ясно, что это еще больше ответственная и философская доктрина". Далее Р. Роллан зафиксировал свои творческие планы: "... я хочу работать изо всех сил ради возрождения того искусства, начало которого я, как и Гед, нахожу в этом идеале. (...). В исследовании о социалистическом искусстве я хочу показать новые сметы и индивидуальности, гармоничное здоровье, мужественное право нового искусства на существование". Следует отметить, что Р. Роллан здесь не делает важного для нас признания: "до сих пор (по-видимому, до ознакомления с мыслями Ж. Педэ - Г. Ц.) я делал вывод об умирании искусства вообще. Но касается только один вид искусства. Другой же начинает сиять"¹⁸.

Можно утверждать, что Р.Роллан испытал влияние обращения Ж.Гедэ от 8 мая 1895 г. к литераторам, художникам и композиторам, не осознавая свою "внешнюю зависимость", действуют заодно с торговцами на площади "против своих освободителей - вивающегося пролетариата". Призывая творческую интеллигенцию вырваться у реакции "солдат для революции", Ж.Гедэ подчеркнул, "освобождение Искусства" зависит от "освобождения Труда". Отметив в скобках: это марксистское положение нашло встречную тенденцию в мировоззрении Р.Роллана; оно дополнило и оплодотворило влияние на французского писателя толстовской концепции труда как социально-нравственной и эстетической категорий. Далее Ж.Гедэ устойчиво утверждал: "Победа социализма приведет к раскрытию все художественных способностей человечества, по сравнению с которыми эпоха Возрождения поблекнет"¹⁹.

Крупный знаток эпохи Возрождения, Р.Роллан считал, что достижение такой высокой благородной цели, как всестороннее гармоническое развитие личности при социализме должно быть осуществлено соответствующими средствами. И в событиях Французской революции его интересовали прежде всего нравственные и философские вопросы, психологические побуждения, заставляющие действовать людей так или иначе в период революционного накала страстей.

"В этом удивительном открытии, - пишет профессор В.Е.Балаховский, имея в виду осознание Р.Ролланом того, что социализм - это еще нравственная и философская доктрина, - решающую роль сыграли не социалисты 90-х годов, а В.Гюго..."²⁰ Известный ученый обосновал свою точку зрения, показав, как повлияло на Р.Роллана чтение курса морали на основе "Отверженных" В.Гюго в старших классах школы Ж.-Б. Сэ. В обосновании такого подхода Р.Роллана к социализму, к современным и историческим событиям решающее влияние, на наш взгляд, оказали французские социалисты, в первую очередь Ж.Жорес и особенно Ж.Гедэ.

Как автор драмы "Волки", Р.Роллан в 1898 г. не мог знать о событиях Французской революции все (отметим, что первые выпуски "Социалистической истории Французской революции" Ж.Жореса начали выходить в феврале 1900 г.)²¹. Тем более характеристика Робеспьера, содержащаяся в его письме к М. фон Мейзенбуг от 7 ноября 1898 г., вызывает восхищение, особенно если учесть, что в работах представителей буржуазной историографии Робеспьер был охарактер-

изован как кровожадный, жесточайший насильник. "... Вы несправедливо Робеспьеру... Справедливо судить об этом несчастном человеке только после пристального изучения его жизни и речей. Это была не только самая светлая голова во всей Французской революции, единственная голова, которая была способна установить строй и продвинуть человечество более, чем на век вперед. Но Робеспьер обладал еще и человечнейшей душой, которая глубоко проникалась страданиями человечества и гораздо больше, чем другие, сочувствовала им"²².

Роллан создал первый вариант драмы "Волки" в поразительно короткий срок (с 20 по 26 марта 1898 г.), потрясенный делом Дрейфуса. Свое отношение к нашумевшему делу этого офицера французского генерального штаба, еврея по национальности, безвинно осужденного за шпионаж в пользу Германии, он сформулировал еще 7 ноября 1896 г. в дневнике "Journal intime", хранящемся в Парижском архиве: "И как человека, и как француза, меня застилает краснеть то обстоятельство, что существуют достаточно порядочные, достаточно умные, не увлеченные страстями мизантропы, которые, не будучи уверенными в преступлении этого несчастного, молча позволяют его распять!". Глубокое содержание понятия "француз", т.е. патриот с большой буквы, станет понятным, если учтем, что Р.Роллан получил классическое образование, отличался энциклопедической эрудицией и в области античной литературы и философии. Он прекрасно сознавал, что уже у эллинов и римлян это понятие совпадало с идейными и духовными ценностями, с культурными преимуществами, которые выделяли их из ряда других народов и которые они готовы были отстаивать ценой своей жизни, как, например, древнеримский полководец Деций. В "Волках", кстати, один из героев ссылается, как увидим, на пример этого полководца. Тем более во Франции, стране, где впервые революция конца XVIII в. провозгласила права человека и гражданина, слово "патриот", считал Р.Роллан, должно быть взаимосвязано с великими достижениями революции и республики. Именно в этот период Р.Роллан получил из первых рук подробнейшую информацию от однокашника Эколь Нормаль, географа и путешественника Виктора Бэрара, о массовых зверствах, совершенных в Османской империи над армянским населением. В своих воспоминаниях Р.Роллан не случайно пояснил, что дело Дрейфуса рассматривалось им в ряду "множества

социальных преступлений" (в том числе и истребление тысяч армян в Турции), за которые должно ответить старое общество той полной изменением общественного строя"²³. Р.Роллан считал важным не только освобождение безвинно осужденного человека но и безусловное неприятие и разоблачение любой несправедливости в обществе даже в том случае, когда она может принести пользу праведному делу. Писатель видел, что многие "дрейфусары" шли в тюрьму ради излечения политических и других выгод из этого дела, а на резню армян закрывали глаза.

Профессор В.Е.Балахонов, справедливо указав, что "Волки" были написаны буквально за несколько дней "под непосредственным воздействием дела Дрейфуса"²⁴, не учел важных сообщений самого драматурга о том, что он подверг "Волков" "основательной" правке²⁵, произвел "довольно глубокое" видоизменение проспекта к драме²⁶. О том, в каком направлении велась переработка художественного текста, можно судить по письму автора к М.фон Мейзенбуг от 22 мая 1898 г. после премьеры "Волков", состоявшейся 18 мая 1898 г. в театре "Эвр". "Ни один из зрителей (за исключением самых близких друзей) не сумел найти в моей пьесе что-либо иное, кроме портретов современных лиц и намеков на современность, - жаловался Р.Роллан. - Ни один даже не заметил исторической и реальной жизни, независимой от нашей эпохи, и герсенов, которых я нарисовал"²⁷. Но как согласовать эти мысли драматурга с его же указанием, содержащимся в письме к постановщику драмы Кунье-По от 5 апреля 1898 г.: "...Ничего не следует терять в актуальности "Волков"..."²⁸ Связывая времена в своей исторической драме, Р.Роллан вместе с тем не желал, чтобы ее рассматривали как однодневку, как простой отклик на дело Дрейфуса. Поэтому изменения в тексте проводились по линии удаления из драмы явлений и фактов, непосредственно связанных с этим делом. Если в первоначальном создании драмы "Святой Людовик" Р.Роллан отрицательно относился к историческому правдоподобию, если действие его драмы "Аэра" происходит "в вымышленной Голландии", то теперь драматург специально обращается к многотомному труду историка Артура Шюке "Революционные войны", в особенности к тому под названием "Майнц"²⁹, чтобы почерпнуть из него для "Волков" сведения о достоверных исторических лицах периода Французской революции и точные исторические факты.

Несмотря на то, что автору, безусловно, удалось придать "Волкам" историчность, гернее историко-революционный характер, все же даже значительные видоизменения драмы в указанном направлении не могли лишить ее современного звучания. Дело в том, что в первоначальном тексте преломились размышления Р.Роллана о деле Дрейфуса. Да и самому автору хотелось создать нечто большее, чем историческую пьесу. Но это все же прежде всего историческая пьеса. "... Сюжет моей драмы, - писал он М. фон Мейзенбуг 22 мая 1898 г., - жестокая судьба, которая противопоставляет друг другу самые повелительные обязанности человечества... Это придает больше величия этой борьбе между справедливостью и силой, я перенес действие в самую героическую из всех эпох, эпоху Французской революции. Добродетели в ней становятся героическими, пороки выстрывают из-за мрачного ужаса... Ни один из персонажей не является портретом современного лица. Они представлены в ситуации иногда идентичные, но их характеры совершенно разные"³⁰. Отталкиваясь от страстей, связанных с делом Дрейфуса, Р.Роллан воспользовался содержащимися в труде А.Шюке достоверными фактами подозрительного отношения офицеров революционной армии к офицерам аристократического происхождения, примкнувшим к революции. Став ценнейшим историческим источником для "Волков", труд названного ученого помог Р.Роллану избрать оригинальную композицию: вести действие в штабе республиканской армии в осажденном Майнце. Горячее дыхание революции, мастерски созданная героическая атмосфера революционной войны, которую ведет Франция против коалиции монархических держав, решающим образом влияет на позиции, которые занимает весь офицерский состав Комиссар Конвента Кенель.

Так, в драме буквально все офицеры питают недоверие к офицеру-австрийцу д'Уарону. Свою неприязнь к нему не скрывает и кристально честный майор Телье, якобинец, гуманист и ученый, пришедший в революцию из Академии. Обвинителем д'Уарона в шпионаже становится отважный командир, герой дня, любимец солдат майор Верра. Но Телье, выяснив, что Верра виновен в клевете, встает на защиту д'Уарона. Движимый менее всего личной симпатией и даже не чувством, а главным образом, глубоко осознанным чувством справедливости, Телье обращается к комиссару Конвента Кенелю с требованием оправдать д'Уарона и наказать Верра. Кенель считает, что

Оно квалифицируется в драме "Дантон" как "горькая необходимость". А в автокомментариях к "Волкам", содержащихся в письме к М. Мейзенбуг от 22 мая 1898 г., Р.Роллан, указав, что "в моральном отношении прав Телье", сразу же добавил: "Практически есть, однако, случаи, когда праведника приносят в жертву во имя другого идеала, менее чистого, но в одинаковой мере могучего, идеала личности, но коллектива". Тут же он пишет даже о неизбежности "мученика", потому что оба "главные действующие лица" - Кенс и Телье, будучи историческими типами, не могут "действовать иначе"³⁹.

Самой постановкой столь острых проблем Р.Роллан развивал традиции театра П.Корнеля, из которых вышли, как он писал в своем "Journal intime" в 1895 г., "наши битвы и наши революции". Идя перед офицерами республиканской армии такие серьезные вопросы (их решение во многом зависело именно от самих офицеров), Р.Роллан стремился, опираясь на героические, подчас трагические моменты истории своего народа, подчеркнуть гуманистические идеалы и идеино-нравственные ценности Великой французской революции, которая дала миру "Декларацию прав человека и гражданина", и тем образом поднять ценность человека - творца новой жизни, предельно чистый нравственный ориентир, способствующий решению современных и будущих общественно-политических задач.

"... Великая французская революция, - писал В.И.Ленин в 1907 г., - доказывает до сих пор жизнеспособность и силу своего влияния на человечество..."⁴⁰ 29 сентября 1987 г. во время встречи в Кремле с большой группой представителей французской общественности ("Инициатива-87") Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев сказал: "Если искать корни нашей перестройки, то можно дойти и до Французской революции... Мы вместе с Францией гордимся Французской революцией. Это был огромный вклад в историю французского народа"⁴¹.

Р.Роллан в теоретической работе "Народный театр и народная драма", опубликованной в декабре 1900 г. в журнале "La Revue d'art dramatique", подчеркивал, что историческая драма должна содействовать прояснению, просвещению и "Формированию сознания и ума народа". Здесь же находим впервые и полностью раскрытую и философию "Театра революции" уже на опыте "Волков" и "Дантона": "Историческая драма... - это маяк..., который указывает... место

для посреди окна: откуда он плывет, где он находится, куда направляется". В драме "Волки", в частности, он считал своей задачей внушить зрителям и читателям, что грядущая социальная революция, которая осуществит действительно великие и благие идеалы лозунги Французской революции, не будет, не должна быть осквернена недостойными действиями нечестных людей. Принципиальные реплики Телье: "Надо бы вчитаться в него (письмо, - Г.Д.) и хорошенько продумать, прежде чем приговорить человека на основании одного письма... Кто докажет нам, что это не проделки наших врагов, стремящихся поколебать в нашей среде взаимное доверие и сплотить нас одного за другим? Если мы довернем таким доносам нас же самих, то не придется ли опасаться за себя всем нам, каждую минуту?" (330)-выходили за рамки одного дела Дрейфуса и, конечно же, имели универсальное значение.

В диалоге с хозяином гостиницы воплощены некоторые коренные черты мышления и, в конечном счете, мировоззрения Телье: он ставит вопросы, чтобы они даже своей языковой формой не могли дать на ответы:

Телье. ... - Постой: ты был здесь, когда его арестовали? Кто из гостей гостиницы. Предателя? - Стоял в этих дверях...

Телье. Не знаешь ли: найденные письма были написаны рукой...

Хозяин гостиницы. Рукой негодяя? Ну, этого уж не знаю. Они заперлись, когда совещались. Письма от него или письма к нему, - не могу сказать; но это все равно. Во всяком случае были письма" (327).

В поисках истины Телье избирает научный метод. Именно поэтому диалог наполнен глаголами: "расспросить, дознаться, разобраться собственными силами"; сомнение помогает Телье довести дело до конца" (327). Да, до конца, наперекор всем и всему, не отказываясь предвиденной своей участи, ибо, по мнению Телье, "когда видишь, где справедливость, то внушаешь ее всем партиям" (337). Майор Верра, несмотря на уже отмеченные положительные и привлекательные черты, диаметрально противоположен Телье. Верра груб (эту черту его характера указывает и его имя), лицемерен, эгоистичен и кровожаден; ослепленный своей инстинктивной ненавистью к аристократам, он мыслит догматически. "Все аристократы один лад. Только я думаю, как бы удушить Республику, - уверяет он. - Довольно с нас дворян-командиров! Нужно заменить плебейскими дарованиями всю эту сволочь, прогнившую в придворном на-

возе. Нужны такие генералы, у которых не было бы в жилах зной крови. Сместим бывших - и мы восторжествуем" (306). В императивы усиливают уверенность комиссара Конвента в своей правоте, чувствуется влияние на Р.Роллана социалистических идей, майор Верра, тебе не приходится называть здесь свою фамилию. Вам не в чем упрекать гражданина д'Уарона. (Кстати, д'Уарон - единственный бывший дворянин в штабе республиканской армии. - Г.Ц.) (Офицеры ропщут). Нам не следует расколаживать тех, кто решел на нашу сторону. Нам нужны все силы, чтобы победить" (306). Когда В.И. Ленин в 1907 г. писал, что "национальные традиции 1792 года во Франции останутся, может быть, навсегда образцами известных революционных приемов борьбы"⁴², он имел в виду как раз привлечение в период якобинской диктатуры самых широких масс к участию в борьбе против внутренних и внешних врагов Французской революции.

Отметим, что рассудительный и гуманный майор Телье вызывает подозрение у Верра уже тем, что занимается умственным трудом. "В нем сидит старая аристократическая закваска... Все эти люди, кто в книгах рожься, это не настоящие санколоты, не такие чистые, не такие друзья народа, как мы", - поучает Верра Шапла (316). Недоверие Верра к д'Уарону вызывают его аристократические манеры, повадки и язык. Это оказывается достаточным аргументом для Верра, чтобы вынести обвинение против д'Уарона. Будучи во власти своих эгоистических страстей, Верра готов использовать любые средства, опощая тем самым идеал революционного долга и высокой ответственности перед отчизной и собственной совестью: "Полубуйся-ка на этого молодчика д'Уарона. Он подозрителен: иначе говоря - преступен. Он способен совершить предательство, а это равносильно тому, что он его уже совершил. Чего же недостает? Факта, доказанного факта" (316).

А.В.Луначарский в статье "Ромен Роллан" (1926) справедливо утверждал, что "драма "Волки" очень художественна и производит в своем роде потрясающее действие" и "чрезвычайно правдиво отражает некоторые революционные типы, и внутренняя ее тенденция продиктована гражданским подвигом Золя во время дрейфусиады". Далее он высказал мысль, что "Волки" "должны были бы предстать перед публикой... и служить предметом пространной марксистской крити-

хотя ранее, когда театр Корша хотел эту пьесу поставить, Луначарский не рекомендовал ее к постановке, потому что "в драме она могла звучать как некоторая сатира против народной психики вообще"⁴⁴. Приведенная высокая и обоснованная оценка "Волки" тем более убедительна, что молодой А.В.Луначарский в 1909 г. еще отрицательно отзывался о даровании Р.Роллана "в драматическом отношении"⁴⁵. Правда, и тогда "Волки" конкретно не упоминались. В этот период А.В.Луначарский был под влиянием творчества П.Сорокина, которому из опубликованного в 1909 г. в издательстве "Искусство" цикла драм "Театр революции" нравились, главным образом, лишь "Волки"⁴⁶.

А.В.Луначарский не упомянул, что в репертуар московских театров в сезоне 1918/1919 г. были включены наряду с классическими произведениями и пьесы на революционные темы: "Взятие Бастилии" Р.Роллана, "Зори" Э.Верхарна, "Ткачи" Г.Гауптмана⁴⁷. В это же самое время, когда А.В.Луначарский в феврале 1926 г. писал о "Волках", написанной к шестидесятилетию Р.Роллана, в такой острой форме рекомендовал "Волков" к постановке, Львовский театр "Артистов" поставил в воскресенье 21 февраля 1926 г. на сцене зала "Лисенко" (в настоящее время сцена музыкального училища по ул.М.Пашкевича) эту "революционную драму... драму французского писателя". К счастью, это примечательное событие в культурной жизни древнего украинского города Львова отмечено в одной содержательной заметке в газете "Дило" от 21 февраля 1926 г.⁴⁸, автор которой подписался криптонимом С.Ф.-а. Установлено, что С.Ф.-а - это ныне Народная артистка УССР Владимирова Федорцева, живущая во Львове. В ее театральном рецензии справедливо отмечается, что Р.Роллан-драматург "чрезвычайно тонко" проявил свой талант в военно-революционном эпизоде драмы "Волки" ("Волки" - это название французской революции). Далее герои драмы характеризуются как "ярко очерченные". С.В.Федорцева подчеркивает, что "любовь к родине", любовь, которую по-разному интерпретируют д'Уарон, Верра, "над жизнью человека постоянно тяготеет". С.В.Федорцева делает вывод, что в драме скрещиваются различные взгляды и страсти, в основе которых лежит "индивидуальная любовь к родине, а за ней скрываются личные, нередко низменные интересы". Последние слова могли восприниматься в условиях Закарпатской Украины как весьма тонкий способ борьбы против украинского

буржуазного национализма, особенно в том случае, если к нему было привлечено внимание к интернационалистской натуре "Волков". Выразителем ее в драме является самый выдвинутый поручик Жан Амабль (с.319). Интерпретируя его монолог, Е.А.Петрова сделала ценное обобщение: "Бойцы республики в драме "Волки"... воспринимали войну с феодальными не только как войну в защиту своего отечества... но и войну в защиту революции, ее реальных завоеваний, ватных для нас и всего человечества"⁴⁹. Но это обобщение, на наш взгляд, требует корректировки. Во всем художественном наследии Р.Роллана именно в образах детей и юношей нашли художественное воплощение самые важные общественно-политические воззрения и идеи писателя, принадлежат ему и наиболее крепнут, утверждаются и распространяются вместе с общим развитием детей и юношей. Последние, как считал Р.Роллан, находятся в стадии развития и формируются и поэтому на образном способны воплотить в себе и выразить идеи общественной и исторической характер истории, в данном случае идеи интернационализма. Драматург хорошо запомнил слова Л.Толстого, который утверждал, что в детях заложены все величайшие возможности. Жан Амабль Р.Роллан изображает не только юным, но и наивным. Второго еще недавно дотошно опекала мама. Не случайно в первом бою он гибнет. К тому же Р.Роллан прекрасно понимает, что немало бойцов республиканской армии вошло в состав французской армии. Не окажутся ли в этой армии, введшей экадренские войска и такие бойцы, как Верра? Последнего вообще интересует идеино-нравственный уровень солдат. "Напой их, ребята, подопью сюда двумя батареями", - говорит он. Авторский взгляд на зрелище по этому поводу высказывает Тельс. "Наша сила в том, что мы люди свободные и сознательные, - подчеркивает он. - Намим солдатам требуется опьянение, с ним довольно и "Марионеткам" (307-308). О том, что это было глубочайшим убеждением Роллана, узнаем из его статьи "Музыка во время Революции" (1904).

Кстати, останавливаясь на игре артистов, С.В.Федорцева, частности, отметила, что роль "якобинца Верра... энергичного жестянного генерала-колбасника" была превосходно исполнена. "Это был, - по ее словам, - настоящий тип несравненного драматурга, который своей грубой простотой и доблестью завоевал пол-

ное доверие армии". Что же касается артиста, исполняющего роль Верра, то он был "слишком сдержан и нерешителен" и поэтому не смог показать "святой огонь генерала-интеллектуалиста", при этом прежде всего "принцип бескомпромиссной справедливости". Как отмечает С.В.Федорцева, "произвели глубокое впечатление на публику... Особенно молодежь должна заинтересоваться этой драмой". Отметим в скобках, что во Львове к столетию революции была поставлена и драма "Четырнадцатое июля". Следует отметить, что на Украине гораздо раньше, еще в 1923 г., на театрах Одессы и Харькова были поставлены "Волки". В пересечении отзывы на постановку драмы "Волки" в Мюнхенском театре приводит известный немецкий литературовед-романист Э.Курциус. "Поразительно, как быстро, страстно развивается драма, без лишнего и обманутых любовниц, без единой женской роли. Что за французский этот поэт! Он довольствуется провозглашением великих идей: правды и справедливости. И поглядите: они не лежат перед нами не как мертвые схемы, а облекаются в плоть. Они борются за свое бессмертное право на существование"⁵¹. Актуальность, жизнедеятельная сила, будущая историческая роль драмы Р.Роллана, драматурга, интерпретатора и поэта Великой французской революции, нуждается в дальнейшем изучении, несмотря на то, что "Театру революции" посвящены глубокие работы В.Е.Балахонова, Т.И.Мотылевой и Е.А.Петровой, впервые исследовавшей исторические источники роллановских драм. Но уже есть основания утверждать: Р.Роллан, историк и драматург, стремился проложить путь от Французской революции к будущей, качественно новой социальной революции. Показательно, что в 1898 г., перед премьерой "Волков", Р.Роллан рекомендовал О.Ф.Люнье-По выделять "самую важную часть" драмы, а именно: "революционную веру, патриотическую веру, веру в справедливость (foi dans la justice)"⁵², что ассоциируется в его мировоззрении со светлыми идеями социализма. Поэтому не вполне точен В.Е.Балахонов, полагая, будто участь капитана Дрейфуса в 1898 г., когда его невиновность практически не вызвала сомнений, "не особенно волновала Роллана", будто формула "над схваткой" могла бы быть исполнена "и при определении позиции писателя в деле Дрейфуса"⁵³. В драматургии Р.Роллана пьеса "Волки" является связующим звеном между циклами драм "Трагедия веры" и "Театр революции" в

том смысле, что персонажи Жан Амабль и д'Уарон гибнут, и та участь ожидает правдоискателя Телье. Имея в виду таких людей революции, как Робеспьер, Р.Роллан в ноябре 1898 г. высказал глупую мысль, что на их пути "стояло слишком много препятствий, которые сводили на нет их усилия...". И далее: "То, к чему они стремились, и то, какими они были в глубине своей души, в сто раз значительнее, чем то, что они свершили..."⁵⁴

Подлинный историзм как осознанная творческая установка Р.Роллана с неизбежностью породил героико-революционную патетику "Театра революции", ибо высокий подъем гражданской активности, воодушевленный героический дух, беспримерный энтузиазм были присущи людям Французской революции. Все это вызвало к жизни, начиная с "Волков", самообытный роллановский героический реализм и новый тип драмы во Франции - драмы социалистической. Не случайно "Волков" в революционные периоды переводили, издавали, ставили в России, Венгрии и в других странах.

Поэтому трудно согласиться с существующим мнением, будто "Волки" стали лишь какой-то прелюдией к драме "Дантон" и "Четырнадцатое июля", "своеобразной робой Роллана в жанре исторической героико-революционной драмы", как считает Н.И.Гончар⁵⁵. Исследователь вкладывает в определение своеобразный тот смысл, который позволяет ему не рассматривать драму "Волки", которая будто лишь хронологически является первой драмой эпического цикла "Театр революции", а не в идейном и художественном отношениях.

При изучении творческой эволюции Р.Роллана важно не упустить из виду, что "Волки" - этапное произведение на его пути от вымышленного историзма (например, драмы "Аэрт" из цикла "Трагедия веры") к подлинному историзму с его героическим реализмом и социалистической направленностью.

Не случайно Р.Роллан после Великой Октябрьской социалистической революции проводил параллели и сравнивал большевиков с якобинцами. Так, в письме к Ж.-Р.Блоку от 24 октября 1918 г. он назвал людей, руководящих в революционной России большевистским движением, "великими марксистскими якобинцами"⁵⁶. А в статье "Ленин: искусство и действие" (1934) он писал: "Чтобы вести Францию XVIII века по пути революции, не было такого ума, который ясно видел бы следующий этап, куда неотвратимо вело все развитие истории, и стремился бы к нему, как это видел и к этому стремился

наина"⁵⁷. Следует особо отметить, что после февральской революции 1917 г. в России Р.Роллан видел ее следующий этап. В своем письме к Н.А.Рубакину от 18 марта 1917 г. он писал: "Помни, чтобы русская революция не остановилась в своем движении, чем она поколеблет этактизм (бюрократическую машину старопроля. - Г.Ц.). Учтывая, что мирным путем добиться этого невозможно, потому что "в новом петроградском правительстве Кудовице (то есть этактизм - Г.Ц.) имеет очень сильных предшественников" (то есть этактизм - Г.Ц.) имеет очень сильных предшественников"⁵⁸, Р.Роллан в статье "Россия свободной и несущей свои ошибки Французской революции, от крайностей в применении настоящих методов"⁵⁹.

Можно с полным основанием утверждать, что и общественная, и историческая реальность революционной России, и пример французских революционеров XVIII в., особенно Робеспьера, который, по мнению Р.Роллана (в письме к Анне Марии Курциус от 25 октября 1793 г.), "обладал ясным политическим видением" и "замечательным чувством общественного долга"⁶⁰, все более побуждали писателя понимать диктатуру пролетариата, которую он толкует как настоящую диалектику. В связи с этим следует привести слова, записанные Ролланом после беседы с Ганди: "Цель ясна: нужна победа гуманного народа, победа труда. Таков единственно справедливый и необходимый порядок. Какими средствами этого достичь? Ненасилие или насилие? Наилучший способ тот, что позволит установить справедливый порядок"⁶¹.

В наши дни, когда перестройка поставила человека, его "энергию и инициативу"⁶² в центр всех проблем, героико-революционная патетика, устремленность в будущее, интернационалистская направленность, гуманистический пафос драмы "Волки", возвеличение в ней высокой гражданственности, беспримерного энтузиазма и морально чистой нравственности, справедливое и тонкое осуждение насилия не могут не вызвать отклика в сердцах наших читателей и зрителей. К 200-летию Великой Французской революции профессиональные и любительские театры нашей страны, безусловно, могли бы включить в свой репертуар и драму "Волки", это выдающееся театральное произведение в истории мировой драматургии.

1 Prunières H. Souvenirs // Liber Amicorum Raci Rolland. Zfirich-Leipzig, 1926. P. 294.

2 Rolland R. Premier Congrès International d'Hi de la Musique // Rivista musicale italiana. 1900. VII. P. 8

3 Callegari A. Lettere inedite di Romain Rolland gelo Solerti // Studi Francesi. 1977. LXIII. Fascicolo III.

4 Marx K. Adresse inaugurale de "l'Association Inter nale des Travailleurs" // Le Mouvement socialiste. N° 85 du 1902. P. 582-589; Le 14 Juillet, action populaire en trois de Romain Rolland // Le Mouvement socialiste. N° 85 du 29 m P. 621-624.

5 Rolland R. Choix de lettres à Malwida von Meys- Cahier I. Paris, 1948. P. 294.

6 Брянцева В. Н. Первая книга Романа Роллана // ан Р. Музыкально-историческое наследие: В 8 вып. Вып. I. 1986. С. 13.

7 Балашова Т. В. Роман Роллан (1866-1944) // Тво ческая интеллигенция и мировой революционный процесс. Идеи эстетическая эволюция художников-гуманистов XX в. / Отв. ред. изд-я докт. филол. наук Т. В. Балашова, докт. филол. наук С. А. Л мова. М., 1987. С. 459.

8 Цит. по: Rolland R. Textes politiques, sociaux et philo ques choises. Introduction et notes de Jean Albertini. Paris P. 121.

9 Rolland R. Choix de lettres ... P. 100-101.

10 Там же. С. 153.

11 Там же. С. 157.

12 Там же. С. 174.

13 Там же. С. 199.

14 Rolland R. Mémoires et fragments du journal. Pa 1956. P. 253.

15 Там же. С. 224.

16 Там же. С. 216-217.

17 Cve ngro š G. Redonner vie à un important docum de la pensée sociale, esthétique-littéraire marxiste: "Le sociali les intellectuels" de Paul Lafargue // Acta Litteraria Academ Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1988. Volume 30. Numbers 1- P. 65-86.

18 Rolland R. Mémoires ... P. 255.

19 B a j u a. Principes du sozialisme: Préface de Jules esde (dateé du 8 mai 1895). Paris: Vanier, 1895. P. 3-4.

Балахонов В. Э. Роман Роллан и его время. Ранние Grandchamps Histoire socialiste: Affichés rouges: ation de M. Jaures. Tout d'accord // Le Matin du II fevrier 1900

Игросш Т. Т. Эпизоды жизни Романа Роллана // эстетичні погляди і творчість Романа Роллана // Іноземна ргия. Випуск 66, 1982. Львів. С. 128

Rolland R. Choix de lettres... P. 247.

Rolland R. Mémoires... P. 284.

Балахонов В. Э. Роман Роллан... С. 145.

Rolland R. Mémoires... P. 284.

Rolland R. Lagné-Poe Au. Fr. Correspondance 1894-1901 ntée avec une introduction et des notes par Jacques Robichez , 1957. P. 225.

Rolland R. Choix de lettres... P. 229.

Rolland R. Lagné-Poe Au. Fr. Correspondance... P. 89.

На это указывает В. Е. Балахонов Галахонов В. Э. Роллан... С. 130. Заметил, что А. Дюке кроме многотомных шлюнных войн" создал и книги о Г. Д. Руссо (1893) и Стен- (1902), которые Р. Роллан читал, возможно, обсуждал с авто- так как лично знал его

Rolland R. Choix de lettres... P. 229.

Там же. С. 230.

Роллан Р. Волки // Собр. соч. С предисловиями автора, ького, А. В. Луначарского и Стефана Цвейга. Т. XII. Л., 1932.

В дальнейшем ссылки на эту драму в тексте с указанием иц в скобках.

Шайтакое С. В. Роман Роллан. М., 1960. С. 21.

Rolland R. Mémoires... 1. 291.

Rolland R. Lagné-Poe Au. Fr. Correspondance... P. 111.

Rolland R. Choix de lettres... P. 224.

Rolland R. Danton. 3 actes // Cahiers de la Quinzaine. ahier de la 2e serie. Paris, 1911. P. 107.

В роллановедческой литературе принято считать: Р. Роллан до ма своего мировоззрения отвергал идею революционного на- . Такой взгляд не всегда адекватно отражает точку зрения пи- я по этому вопросу. Так, еще до создания драмы "Дантон" (1900) Р. Роллан в письме к Мальвиде фон Мизенбург от 7 но- 1898 г. отмечал, что прибегнуть к насилию Робеспьера, это- человека с "очень гуманной" душой, вынудили обстоятельства, о (насилие - Г. Д.) принял и руководил им...". "Я не критикую ицию за насилие в ее действиях. Она не властна была в выбо- редств. К насилию ее вынудили извне, необходимо было сломать адн, - писал Р. Роллан Морису Парианину 17 января 1929 г. - шеству повторяю свою точку зрения, отраженную в "Дантоне". - рекаю Революцию в том, что она сама изобрела навязала себе на-

силе и похвалается тем, что является горькой необходимостью". Философская категория "необходимость" отражена во всем творчестве Р.Роллана. Но эту категорию он долго не сумел творчески сочетать с философским понятием "свобода". Когда Р.Роллана неоднократно критиковали за неприятие насилия или одобряли за это, когда ставили знак равенства между его мировоззрением и взглядами его героев, писатель иногда открывал новую грань своей мысли. Так, Р.Роллан в своих дневниках зафиксировал 16, 25, 30 марта 1921 г. "неутичную" критику представителями левачки и троцкистской ориентации "Кларте" его идей, высказанных в романе-эссе "Клерамбо". Сразу же Р.Роллан в письме к директору журнала "Rassegna Internazionale" специально подтвердил, что он отвергает "методы временной диктатуры и насилия..." (Отдел рукописей Гос.б-ки СССР им.В.И.Ленина. Фонд № 358. Н.А.Рубакин. Картон № 315. Ед.хр.22, л.57). Но вот венгерский писатель Лайош Хатвани (1880-1962), посылая Р.Роллану свою книгу "Das verminderte Land", назвал себя в письме от 5 апреля 1921 г. "Клерамбо с Балкан". Дialeктичность мышления и раздвоенность позиции Р.Роллана не замедлили сказаться. "Еще одно слово по поводу большевизма и диктатуры насилия. Не думаю, что вы справедливо судите о великом общественном движении, бурно пробующим свои силы в мире и особенно в России, - отвечал Р.Роллан венгерскому писателю 3 мая 1921 г. - Скажи лишь при этом, что всегда стараюсь постичь в некотором роде материальную необходимость того, что есть и того, что будет, я всегда оставался, что касается меня лично, свободным индивидуалистом, не принимающим любовь диктатуру и любое насилие" (Цит. по: Dobosy L. Lettres de Romain Rolland à ses amis hongrois // Acta Litteraria Ac. Sci. Hungar. T. III. Budapest, 1960. P. 301).

39 R o l l a n d R. Choix de lettres... P. 230.

40 Л е н и н В. И. Против бойкота // Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т.16. С.

41 Встреча М.С.Горбачева с представителями французской общественности // Правда, 1987. 1 окт.

42 Л е н и н В. И. Против бойкота... С.27.

43 Д у н а ч а р с к и й А. В. Ромен Роллан. К шестидесятилетиям // Дуначарский А.В. Собр.соч.: В 8 т. Т.5. М., 1965. С.502.

44 "Разве можно сейчас с легким сердцем рекомендовать (к полноте психологической правды, литературные, изящные, но они до такой степени заражены духом, совершенно противоположным суровому мужеству революции, что многое в них в настоящее время шокирует коммунистической пропаганды" / Д у н а ч а р с к и й А. В. К вопросу о репертуаре // Дуначарский А.В. Театр и революция. М., 1924. С. 71. Контекст, в котором выражена эта мысль, дает основание считать: А.В.Дуначарский опасался, что постановка драмы Р.Роллана в 1924 г. увеличила бы количество "гуманистического простыли бы ему, "лично стоящему непосредственно во главе театрального отдела" (Там же. С.70) ярый идейный антагонист Р.Роллана Л.Д.Троцкий, бывший в то время членом Политбюро ЦК КП(б), пред-

телем Реввоенсовета республик, и его сторонники, которые жили в 1923-1924 гг. левачкой фразой и платформой троцкистской оппозиции.

5 Д у н а ч а р с к и й А. В. Французская драма в наши дни // Новый журнал для всех, 1912, март. № 3. С.104.

6 Б р ю с о в В. Народный театр Ромена Роллана // Русская литература, 1909. Кн. 5. С.147-159; Отдел рукописей Гос. биб-ки СССР им.В.И.Ленина. Фонд 386; В. Я. Б р ю с о в. Библиотека (ед.хр. 1909); Б р ю с о в В. Я. Пометы на страницах книги Rolland (Ромен) "Théâtre de la Révolution, Paris, 1909. P.55, 63, 66, 90, 169.

7 Советский театр. Документы и материалы 1917-1921. Т.1. М., 1968. С.378. А в революционной Венгрии 1919 г. издательство "Thalia" взяло на себя нелегкий труд по переводу и выпуску драмы "Волки" (см.: R o l l a n d R. A Farkasok. Forradalmi drama 3 kötetben. Thalia kiadása. Budapest, 1919).

8 С. Ф-а. (София Федорцева - Г.Ц.). З театру. "Вовки", режиссерская драма Р.Роллана // Діло. Львів, 1926, 26. II.

9 П е т р о в а Е. А. "Театр Революции" Ромена Роллана (Драма 1890 - начала 1900-х годов и их исторические источники) // Саратов. ун-т. Саратов, 1979. С.66.

10 R o l l a n d R. La Musique pendant la Révolution // Pages de la Révolution. 1902.12 juillet. P. 35-36. Целесообразно было бы противопоставить эту статью Р.Роллана "пластике контрреволюционных песен", которую готовит к двухсотлетию Великой французской революции французский певец Мишель Сарду. Цель подобных мероприятий, отмечает орган французских коммунистов газета "Юманите", "ограничить, достигнуть содержания Великой французской революции с тем, чтобы поддержать современные общественные преобразования" (L'Humanité hebdomadaire. 1988. Du 1-er au 3 avril. P. 3).

11 К у р ц и у с Э. Ромен Роллан. Поэт и мыслитель. Пг., 1922.

12 R o l l a n d R. Ligné-Poe Au. Fr. Correspondance... P. 111.

13 Б а л а х о н о в В. Е. Ромен Роллан... С.148, 146-147.

14 R o l l a n d R. Choix de lettres... P. 247.

15 Г о н ч а р Н. И. Традиции и новаторство в "Театре революции" Ромена Роллана ("Дантон", "Четырнадцатое июля", "Робеспьер"): реф. дис... канд.Филол.наук. Киев, 1984. С.8.

16 Deux hommes se rencontrent: Correspondance entre Jean-Richard Lhéry et Romain Rolland (1910-1918) // Cahier. Paris. 1964. 15. P.

17 R o l l a n d R. Lénine: L'Art et L'Action // Rolland R. L'Art et L'Action. Paris, 1961. P. 233.

18 Отдел рукописей Гос.б-ки СССР им.В.И.Ленина. Фонд 358. Рубакин. Картон 315. Ед.хр. 22, л.27.

19 R o l l a n d R. A la Russie Libre et Libératrice // Rolland R., Jouve P.-I., Martinet M., Guilbeaux H., Mazereel F. Salut à la Russie Libre. Paris, 1917. P. 10.

20 R o l l a n d R. Un beau visage à tous sens: Choix de lettres de Romain Rolland (1886-1944). Paris, 1967. P. 256.

61 Rolland R. Inde: Journal (1915-1943). Paris, Bâle, 1951. P. 257.
62 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С.85-86.

И. И. Девочкин (д.ж.)

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ТОМАСА МАННА

Тема Великой французской буржуазно-демократической революции постоянно присутствует в художественных и публицистических произведениях немецкого писателя Томаса Манна (1875-1955).

В конце жизни Т.Манн в письме в Париж к книготорговцу и ратуроведу Мартину Флинкнеру (род. в 1895 г.) от 14 июня 1955 говорил о себе: "Подобно большинству из вас, коллеги-французы, ношу в петлице многозначительную розетку, ношу демонстративно гордо, и пусть, в отличие от гейневского гренадера, я хочу, бы меня, когда я умру, похоронили не во французской земле, а швейцарской, однако, подобно ему, я скажу:

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое"¹.

Т.Манн был награжден орденом Почетного легиона. И гордился он не только потому, что всегда чтил Великую французскую революцию, но, надо полагать, и потому, что этот орден в 1808 г. украсил грудь Гете. Т.Манн привел в своем письме к М.Флинкнеру цитату стихотворения Г.Гейне "Гренадер", поскольку считал Наполеона воспитанного на передовых идеях французского Просвещения (Руссо и др.), выдающимся представителем восходящего класса французской буржуазии.

Т.Манн воспринимал Великую французскую революцию, как правду через посредство тех общественных деятелей, которые являлись великими современниками (Наполеон, Гете, Шиллер, Бетховен). Для этого для писателя рассматриваемая тема оказывалась очень часто необходимой потому, что современность, XX столетие требовали с него как публициста и романиста активной борьбы против фашизма. А революция 1789-1794 гг. как прогрессивное событие оставалась для Т.Манна всегда неким важным историческим рубежом.

Об одобрительном отношении Т.Манна к Великой французской буржуазно-демократической революции красноречиво свидетельств

татья "Вертер" Гете" (1938). Уже во втором абзаце писатель ил дань большого уважения и к самому историческому процессу 1794 гг., и к духовному отцу его - Жан-Жаку Руссо (1712-1794). Создание романа Гете "Страдания юного Вертера" в 1774 г., за 15 лет до начала Великой французской революции, побудило Манна дать следующую оценку состояния умов в тогдашней Европе с исторической точки зрения это было предгрозовое состояние, чувствие очистившей воздух бури французской революции; с точки зрения культурно-исторической это была эпоха, на которую наложил печать своего мечтательно-мятежного духа. Пресыщенная цивилизацией, эмансипация чувства, будоражащая умы тяга назад, к естественному человеку, попытки разорвать путы окостеневшей культуры, возмущение условностями и узостью мещанской морали - все это вкупе породило внутренний протест против того, что мешало свободное развитие личности"².

И само произведение Гете, по-своему предвосхитившее французскую революцию конца XVIII в., снискало в рассматриваемой статье Манна похвалу: "Это было чудо искусства, - такого сочетания неординарности и не по летам зрелого мастерства не встретишь, нигде, больше нигде. В книге говорится о юности и гениальности, а она - порождение юного гения. Я пишу для людей, которые читают удивительную книжку и, без сомнения, знакомы с основательнейшим научным комментарием к ней. Мне остается разве что перекрестить или напомнить прекрасные и тонкие детали произведения, не я, перечитывая его, отметил для себя" (с.240).

В анализе "Страданий юного Вертера" Т.Манн специально останавливается на социальном плане романа, который, считает он, ни в каком случае "нельзя упускать из виду" (с.246). И снова немецкий писатель говорит о французском просветителе, который протестовал против неравенства людей в феодальном обществе: "Столкновение с действительной жизнью, в среде которой у него, впрочем, есть доброжелательница, Фрейлен фон Б. - девушка, коей под влиянием идей, навеянных Руссо, "высокое положение только в тягость, ибо оно не дает душевного удовлетворения", это унижительное, вызывающее у героя протест столкновение с ненавистным классом настолько характерно для исторической позиции и революционной направленности романа", что даже в самом беглом разборе его нельзя обойти молчаливо" (с.246).

В подкрепление своего права высказаться в обязательном порядке о социальном плане гетевского романа 1774 г., об изображенных здесь классовых предрассудках, противоречиях и конфликтах Т.Манн считал своим долгом напомнить как об эволюции мировоззрения Гете, так и о встрече Гете и Наполеона, прочитавшего семь раз "Страдания юного Вертера", в Эрфурте осенью 1808 г. Французский полководец не одобрил революционной направленности книги: "Зачем вам это понадобилось?" - спросил он Гете во время эрфуртской аудиенции, и Гете как будто не очень рьяно защищал тот социальный протест, который привнес в чисто любовную человеческую трагедию. Зато его бурной юности были сродни такие настроения. Вспомним прозаическую сцену в "Фаусте", где злополучный соблазнитель Гретхен негодует на жестокость общества, жертвой которого пала несчастная девушка. Для представления в Веймаре министр Гете вычеркнул эту бунтарскую сцену; возможно, что, превратившись в консервативного олимпийца, он стеснялся того эпизода в романе где подспудное, ограниченное духовным и личным планом революционное начало любовной истории вдруг прорывается наружу в социальном плане" (с.246-247).

Весьма важен вывод, к которому Т.Манн приходит в означенной статье 1938 г. Фактически он ставит произведение Гете 1774 г. в тот же ряд, что и "Общественный договор" Ж.-Ж.Руссо, поскольку и в нем речь шла о социальном раскрепощении людей и необходимости ликвидировать общественные несправедливости конца XVIII в. И Т.Манн снова приветствует и великие события 1789-1794 гг., и немецкий роман, который написан был словно в унисон с этими близящимися событиями: "Страдания Вертера" безусловно надо отнести к тем книгам, которые предрекли и подготовили французскую революцию" (с.247).

Т.Манн, конечно, хорошо знал, что в своих суждениях о Великой французской революции Гете не был последователен³: то он одобрял ее, то отмежевывался от нее. Но для Манна в этих противоречивых оценках дорого было признание великим немецким поэтом положительных последствий революции, поскольку сам он, Т.Манн, считал борьбу французского народа за свои права в 1789-1794 гг. борьбой исторически неизбежной, вынужденной и справедливой. Поэтому, цитируя Гете, беседовавшего о своем произведении полувековой давности с И.П.Эккерманом 2 января 1824 г., Т.Манн в статье 1938 г. выделил

себя и своих читателей именно то предложение, которое, по моему мнению, имело непосредственное касательство к революции 1794 гг. После вывода о том, что "Страдания юного Вертера" является книгой, которая предрекла и подготовила Французскую революцию, следует красноречивый абзац:

Гете, конечно, понимал это и не переставал этим гордиться. В юности он ужасаясь и вместе с тем любовно вспоминает о "Вертере". "После того как он вышел, я перечитывал его всего раз, - писал он в 1824 году, - и остерегаюсь когда-нибудь еще прочесть его. Ведь там что ни слово, то зажигательная ракета! Мне не хочется не по себе, и я боюсь вновь впасть в то патологическое состояние, которое породило эту книгу" (с.247).

В статье "Гете и демократия" (1949) по случаю 200-летия со дня рождения великого немецкого поэта Т.Манн еще раз возвращает к позиции Гете относительно Великой французской революции. приводит его знаменитые смелые слова об историческом значении победы французских революционных войск над силами старого феодального режима близ деревни Вальми (департамент Марна) 20 сентября 1792 г., - слова, сказанные в стане разбитых военных архивов: "Здесь и сегодня начинается новая эра мировой истории и вы (интервенты, военачальники потерпевшей поражение стороны - И.Д.) можете говорить, что были тому свидетелями"⁴. Попутно можно привести мнение биографа Гете Эмиля Людвига о данной фразе: "Гете совершенно точно сформулировал, что именно произошло. Сформулировал идею безусловной и неотвратимой победы нового и назвал это мгновенно, в одной-единственной фразе в самый вечер сражения"⁵.

В статье "Гете и демократия" Т.Манн, спустя одиннадцать лет после написания статьи "Вертер" Гете, вернулся к своей мысли об истинности и социальной значимости "Страданий молодого Вертера" в 1774 г. Он признал, что Великая французская революция была в жизни Гете самым главным историческим событием и что он, Гете, через посредство "своего сенсационного раннего произведения, главным образом сентиментального "Вертера", которое потрясло основы старого общества, находился, словно пророк, в контакте с грядущим и помогал ему осуществиться"⁶. Кроме того, Т.Манн подчеркнул, что Гете верил непоколебимо в счастливую звезду Наполеона I, настроен в высшей степени непатриотично во время антинаполео-

новских освободительных войн и даже заявил однажды о соотечественниках: "Трясите своими цепями, любезные, вам с героем-полеоном - И.Д.) не совладать!"⁷.

Примечательно суждение о Наполеоне и в статье Т.Манна "Ба и задача" (1944), поскольку оно тоже подтверждает личность немецкого писателя делу Великой французской буржуазно-демократической революции. Говоря здесь о так называемых освободительных войнах, которые велись против французского императора после его поражения в России, автор делает акцент как на личном убеждении, что "войну за свободу и право можно вести ко вместе с народами и за народы"⁸, так и на том, что европее народам никто из власть имущих не собирался в то время гавать "внутриполитических революционных плодов борьбы"⁹. И Манн тельно осуждает бывших руководителей феодальных государств, которые спустя десятилетия все еще страшились событий 1789-1794 и нагло перетолковали, выколостили призыв к простым людям вести войны за свободу: "Тогда, в 1813 году, князья и правительства ролись не столько против Наполеона, сколько против революции. меченосцем которой был император; но народам внушали, что они борются за свободу, и я не знаю, чувствуете ли вы, как я, всю омерзительность обмана народов"¹⁰.

И тут же Т.Манн апеллирует к авторитету еще одного современника Великой французской буржуазно-демократической революции, Бетховена, который всю жизнь сохранял верность республиканским идеалам. Для немецкого писателя данный композитор - прежде всего творец Девятой симфонии с заключительным хором на слова оды Фридриха Шиллера "К радости", произведения, навеянного революционными событиями во Франции конца XVIII в. и антифеодальным движением в Рейнской области. В следующей цитате из статьи "Судьба и задача" мы вновь подспудно ощущаем выраженное Манном признание исторически прогрессивного значения Великой французской революции для судеб человечества:

"Когда Бетховен поет: "Обнимитесь, миллионы, слейтесь в радости одной!" - это демократия. Ведь он мог бы сказать: "Я великий гений и нечто особенное, а люди - чернь, я брезгую обниматься с ними". А он вместо этого называет их всех братьями и детьми одного отца небесного, который отец и ему. Это демократичность в самой высокой своей форме, далекой от демагогии и от заискивания

массами. Я всегда был на стороне этого вида демократично-но именно поэтому я всей душой чувствую, что нет ничего итительнее, чем обман масс и предательство по отношению к на-
"II".

статье "Судьба и задача" прощупывается связь веков, крупных имен, поворотных моментов истории, сходных, хотя и разновре-х политических ситуаций. Так, Т.Манн вполне осознает печаль-налогию между антинаполеоновской борьбой европейских феодал-жаждавших в 1813 г. покончить с последствиями Великой фран-кой буржуазно-демократической революции и реставрировать во-ии предреволюционный режим, власть Бурбонов, и мюнхенским ром 1938 г., когда "во имя ложного мира" и якобы выгод для-ной Европы была позорно принесена в жертву германскому фашиз-хословацкая республика. Но вместе с тем немецкий писатель по-ет, что такие события, как Великая французская революция и-щаяся победа землян над гитлеризмом во II мировой войне, -не прогрессивные периоды в поступательном развитии истории-вечества.

Великой французской революции Т.Манн четко высказался в г. в "Слове о Шиллере", посвященном 150-летию со дня смерти-кого немецкого поэта и драматурга. Здесь примечательны по-ней мере два авторских положения. Они позволяют более полно-ть и о манновской оценке в том же 1955 г. повести американ-писателя Г.Мелвилла "Билли Бад - марсовой матрос на "Неу-имом" (1891).

ри анализе "Песни о колоколе" (1789) было отмечено, что Шил-неприемлемой представлялась разрушительная стихия революции-а XVIII в. в соседней стране. У Манна же на этот счет - совсем-точка зрения. Он в "Слове о Шиллере" одобряет Великую фран-кую революцию, в том числе выступление широких масс, ее ос-рой ударной силы. И он же парирует ошибочный довод автора "Пес-колоколе", что, мол, это - горе, коль "сам народ крушит темни-цепи разбивает в прах" (с.547). Манновское возражение уважи-но к памяти Шиллера, но, тем не менее, непреклонно: "Здесь-но удержаться от вопроса: кто же должен разбивать цепи, если-д сам этого не сделает?" (с.547).

при анализе знаменитой драмы "Вильгельм Телль" (1804) уже бо-радикальные суждения Шиллера о борьбе швейцарцев с произволом

австрийских Габсбургов встретили понимание и одобрение Т. Манна. Да, эти крестьяне, по его мнению, лояльны, "умеренны и трезвы" (с.592); да, они "идеализированы" драматургом; да, они "отнюдь просвещенные революционеры" и, конечно, "не цитируют "Общественный договор" Руссо (с.592). И все же в "Вильгельме Телле" Манн ощущает такое "ничем не истребимое дыхание свободы" (с.593), что делает вывод о благотворном воздействии на драматурга не столько уж давних исторических событий 1789-1794 гг.:

"Более лояльного заговора, чем заговор на Рютли, не знает история. Однако, хотя эти швейцарцы ничем не напоминают пламенных трибунов и якобинцев, хотя время действия - конец тринадцатого века, все же в "Вильгельме Телле" веет ветер французской революции, от которой Шиллер отрекся, но которая дала жизнь идее единства свободы и нации и потому, вопреки отвращению к "безумию, что страшней любого зверя", осталась родиной его пафоса" (с.59).

Т. Манн хорошо осознавал, что Шиллер был противником гражданской войны (пример тому - революция во Франции в конце XVIII в.) и, напротив, союзником, сторонником национально-освободительных движений (вспомним хотя бы "Деметриус" - незаконченную драму из русской истории ХУП в. о Дмитрие Самозванце). Поскольку в "Вильгельме Телле" благотворное влияние Великой французской революции на зрелого Шиллера так или иначе ощутимо, то Т. Манн в "Слове о Шиллере" и зафиксировал с удовлетворением изменение к лучшему в общественных взглядах драматурга.

На сближение, на известное совмещение в сознании Шиллера двух исторических событий разных эпох (освобождения швейцарцев от австрийской тирании и осуществления французами своей Великой революции) указывал и советский германист В.П. Неустроев: "Гордый Телль не подчиняется приказу Геслера и не кланяется выставленной им герцогской шляпе. Его "геройский выстрел" в фюгта служит сигналом к восстанию. Именно в уста Телля драматург вкладывает возглас: "Свобода - хижинам и мир - невинным!", являющийся перифразой популярного во Франции в годы революции лозунга "Мир хижинам! Война дворцам!"¹².

В июле 1955 г. Т. Манн проанализировал повесть Г. Мелвилла "Билли Бад - марсовой матрос на "Неукротимом", ближе всего приглянув к сердцу историю злополучной жизни главного героя. "Как велика эта вещь, - восторгался немецкий литератор, - как захвати-

искусно, просветляюще-энергично, поистине мужественно, нею и вместе с тем поэтично-умиротворяюще написана!"¹³.

Только покоряющий показ внешней стороны трудовых будней "Неукротимого" как дела, как профессионального занятия не ускользнул, по мнению Т. Манна, положительным качеством таланта аме-риканского прозаика. Его достоинством, считает критик, необходимо считать также желание соотносить между собой - и притом без како-го-либо насилия - трагическое происшествие на трехдечном аме-риканском корабле "Неукротимый" с Великой французской революци-ей, вспыхнувшими в 1797 г. серьезными волнениями в британском военном флоте. Однако нам, отмечающим двухсотлетие Великой фран-цузской революции, чтобы лучше понимать манновскую и мелвиллскую поэтику, необходимо вспомнить следующие исторические факты.

Начавший с 1783 г. во главе английского правительства Уильям Питерс Фиделмидский (1759-1806) вел с февраля 1793 г. войну с революцион-ной Францией. Ради увеличения контингента военных моряков при нем осуществлялась принудительная вербовка. Вспыхнувшие в 1797 г. в британском флоте волнения были вызваны, в частности, низкой оплатой, плохим питанием и грубым обращением командиров с матросами. На одной из эскадр, стоявшей в Северном море в устье Темзы, с конца мая 1797 г. больше трех недель про-длилось восстание под красными флагами, руководимое судовыми комитетами. Оно было жестоко подавлено: Ричард Паркер, председатель "Центрального комитета", бывший учитель, член парламента "Объединенные ирландцы", и еще 22 активных участника восстания были повешены.

Т. Манн в оценке "Билли Бада", и автор повести 1891 г. находился под впечатлением Великой французской революции. В 1797 г. она уже отходила в прошлое, но достижения ее (напомним, по мысли Т. Манна, революция 1789-1794 гг. "дала жизнь идее единства свободы и нации" (с.592) продолжали действовать и воз-действовать на людей. Ведь Т. Манн не случайно констатировал в "Слове о Шиллере": "То, чего он (Шиллер - И.Д.) достиг в "Виль-гельме Телле" - это классическая народность" (с.590). Для Г. Мелвилла и Т. Манна Билли Бад - это не просто матрос, а достойный представитель низов, широких масс, и носитель высших человеческих ценностей в последереволюционное время. И то большое расположение,

которое чувствуют американский автор и немецкий критик к гегелевской повести 1891 г., - это одновременно и их настоящие симпатии к революции 1789-1794 гг.

Т.Манн в своем отзыве об американской повести делает акцент на решении Мелвилла расположить фигуры праведника Бада и клеветника Клэггерта, контрастные в моральном плане, на разных этапах после основного трагического конфликта. В то время как Бада, негодая, прежде чем сбросить его за борт корабля при погребении, приподняли лишь на небольшой уровень над палубой, тело жертвы в ходе казни оказалось вознесенным на высоту реи грот-мачты. Критик не стал пояснять читателю, что автор, вскользь упомянув предание в воде по флотским обычаям мертвого Джона Клэггерта, - нес момент погружения в море останков марсового матроса фактически в конец повести, что сделал он это сознательно, в силу глубокого почтения к нему, и эпично, слив образ Билли Бад с образом Билли из возникшей уже народной баллады. Максимум показалось достаточным процитировать те слова из произведения Мелвилла, которые указывают на святость героя и уютность его в кругу, окружающей природе и экипажу: "В то же мгновение солнце вышло из-за сквозь разостланное на востоке руно облаков и засветило его нежным лучезарным венцом, словно на небе в мистическом видении явился агнец божий. И тотчас, провожаемый взглядами тысяч прижатых друг к другу запрокинутых голов, Билли поднялся вверх, восходя, принял на себя полный свет утренней зари"¹⁴.

И Мелвилл, и Манн солидарны с мужественным, независимым Билли Бадом, собственное достоинство которого было пограно, с Билли Бадом, которого к тому же насильственно лишили жизни. Оба писателя сочувствуют и роющему экипажу английского военного судна. Оба они положительно прореагировали на то, что французская революция 1789-1794 гг. произвела в Англии огромное впечатление, вызвала в стране демократическое движение и побудила народные низы широко участвовать в нем. То, что Г.Мелвилл и Т.Манн принесли дань уважения революционному движению, возникшему во Франции, а затем и в Англии в конце XVIII в., дополнительно свидетельствует о прогрессивности их исторических и политических взглядов. Поэт и прозаик в идейном плане должны быть более высоко, чем прежде, оценены как американская повесть "Билли Бад", так и отзыв о ней Т.Манна.

равномерно назвать не только конечную, т.е. 1955 год, но и стартовую точку отсчета рассмотрения темы Великой французской революции в наследии Т.Манна. Это - 1901 год. В 5-й главе первой части романа "Будденброки" (1901) в октябре 1835 г. поэт Жан-Жак Гофштеде не случайно носит имя великого французского просветителя Жюльену Руссо и с иронией, неодобрительно относится к Луи-Филиппу I (1773-1850), французскому королю, возведенному на престол в 1830 г. и позднее свергнутому во время революции 1848 г. "Забавное словосочетание: Филипп Эгалитэ и... влюблен!"¹⁵. То, что Гофштеде называет по воле романиста именем возбудителя антифеодального общественного мнения и энергии широких масс в соседней стране XVIII столетия, - это несомненный знак уважения Т.Манна к Руссо. Касаясь "забавного словосочетания", то и тут нет авторской иронии. Правда, толкования данного места, которое дают ему комментаторы, не отличаются ни точностью, ни полнотой.

Так, Т.А.Шнитке считает: "Противники революции 1789 г. называли его (Луи Филиппа, 1773 -1850 - И.Д.) презрительно Филипп Эгалитэ (т.е. Равенство), чтобы намекнуть на его отца, герцога Филиппа Орлеанского, принявшего во время революции фамилию Эгалитэ"¹⁶. А Р.Миллер-Буднишская относительно Луи Филиппа I замечает: "Фамилия Эгалитэ (то есть Равенство) была дарована городом Парижем его отцу, Филиппу Орлеанскому (1747-1793), якобину и члену Конвента"¹⁷. Наше же мнение иное.

1) Гофштеде, несомненно, презирает Луи Филиппа I, возведенного на трон крупной буржуазией в конце июля 1830 г. Но он питает к нему чувство потому, что знает о политической непоследовательности и двурушничестве французского короля. Дело в том, что и отец (Филипп Орлеанский), и сын (Луи Филипп) в 1792 г. оба отказались от дворянского титула. Они оба стали носить тогда фамилию Эгалитэ. Но один из них, сын, сначала сражался на стороне французских революционных войск, а затем в 1793 г. переметнулся в лагерь австрийцев, т.е. предал революцию. Другой, отец, оставался верен революции, но из-за измены сына был казнен в 1793 г. Замечание Гофштеде о невозможности для Луи Филиппа I любить исторически справедливо.

2) Т.Манн, включив в разговор персонажей фамилию Эгалитэ, не случайно для читателя отдал дань уважения Филиппу Эгалитэ, т.е. отцу, который не простил измены делу революции Луи Филиппу, т.е. сыну,

хотя тот до измены участвовал в составе французских революционных войск в сражениях при Вальми и Жемапе¹⁸.

3) Симпатии Т.Манна к Великой французской буржуазно-демократической революции в "Будденброках" в 1901 г. вполне очевидны.

¹ М а н н Т. Художник и общество. М.: Мол.гвардия, 1965.

С.381.

² М а н н Т. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Гослитиздат. Т.10. С.234. В дальнейшем ссылки на этот том будут приводиться в тексте статьи с указанием страницы.

³ Н е у с т р о е в В. П. Немецкая литература эпохи Просвещения. М.: МГУ. 1959. С.266-270.

⁴ М а н н Т. Uber deutsche Literatur. Leipzig: Reclam, 1911. S. 111.

⁵ Л ю д в и г Э. Гете. М.: Мол.гвардия, 1965. С.273.

⁶ М а н н Т. Uber deutsche... S. 103.

⁷ Там же.

⁸ М а н н Т. Художник... С.144.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С.145.

¹² Н е у с т р о е в В. П. Указ.раб. С.327.

¹³ Die schönsten Erzählungen der Welt. Hausbuch.unvergänglich Prosa. Erster Teil. Wien, München, Basel, 1956. S. 10.

¹⁴ Die schönsten Erzählungen ... S.11.

¹⁵ М а н н Т. Будденброки. М.: Правда, 1985. С.25.

¹⁶ М а н н Th. Buddenbrooks. M., 1956. S. 24.

¹⁷ М а н н Т. Будденброки... С.694.

¹⁸ Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т.8, стлб.1
1974. Т.15, стлб. 805.